С.Н.Гасанова

СИНТАКСИС СЛОВОСОЧЕТАНИЯ АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

С.Н. Гасанова

Синтаксис словосочетания агульского языка

Махачкала – 2012

УДК 811.351.31:8’

ББК 81.2(Рос=лез)-3

Г -22

Ответственный редактор

д.филол.наук, профессор Д.С.Самедов

Рецензенты:

д.филол. н., профессор С.М. Махмудова

к.филол.н., доц. Н.Г.Исаев

Гасанова С.Н. Синтаксис словосочетания агульского языка. Махачкала, 2012.- 283 с. /Дагестанский государственный университет/.

Монография посвящена исследованию структурно-семантических, семантико-грамматических, функциональных особенностей именных, глагольных словосочетаний агульского языка; уточняется и расширяется семантика падежей агульского языка. Выделены семантические классы глаголов агульского языка языка, функционирующих в составе глагольных словосочетаний. Впервые в агуловедении исследованы ФЕ как компоненты словосочетаний.

©Гасанова С.Н., 2012

© Дагестанский государственный университет, 2012

Содержание

Введение

Объектом данного исследования являются именные и глагольные словосочетания агульского языка как наиболее продуктивные типы грамматических структур и особая группа словосочетаний с компонентами-фразеологизмами.

Предметом исследования настоящей работы являются структурно-грамматические признаки именных и глагольных словосочетаний агульского языка, а также специфические по своей структурной организации словосочетания, в составе которых в качестве компонентов выступают фразеологизмы, реализующие валентность слова или свои собственные валентностные свойства.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью теоретического и практического изучения и описания синтаксической системы агульского языка, что является на сегодняшний день одной из важнейших задач создания теоретической грамматики данного языка. Синтаксис словосочетания до настоящего времени остается практически не изученным разделом грамматики агульского языка. В единственной имеющейся специальной работе, посвященной синтаксису простого предложения агульского языка в сопоставлении с французским (Сулейманова 2011), словосочетанию посвящена одна из глав.

Настоящая работа является первой попыткой специального монографического исследования в разных аспектах словосочетания агульского языка.

Интерес к словосочетанию как единице языка обусловлен тем, что анализируемые единицы представляют собой конструкции, в которых реализуются национально-специфические особенности языков, а также синтагматические возможности различных лексико-грамматических разрядов слов. Специфика словосочетания агульского языка так же, как и других дагестанских языков, состоит в том, что в дагестанском языкознании

существует проблема отграничения словосочетания (особенно деепричастных конструкций с собственным субъектом) от придаточной части сложного предложения.

Языковой статус словосочетания и все, что его характеризует, вплоть до самого термина являются дискутируемыми вопросами с самым широким диапазоном мнений не только в дагестанском языкознании, но и в русском.

Целью данной работы является системно-комплексное описание всех указанных выше словосочетаний агульского языка с учетом их структурно-грамматической организации, типов синтаксических связей и специфики семантико-синтаксических отношений между составляющими компонентами.

Глава 1. Словосочетание как синтаксическая единица

1.1. Из истории изучения словосочетания в русском и дагестанских языках.

В определении словосочетания как синтаксической единицы, в понимании его отношения к предложению между разными научными грамматиками нет полного согласия и единства. Известно, что синтаксис возник как своеобразное учение о словосочетании и представлял собой учение о соединении отдельных слов в речи. Основоположник учения о синтаксисе Аполлоний Дискол (II век н.э.) задачу синтаксиса видел не в разложении предложения на его части – члены предложения, а в установлении значений и синтаксических функций слов (частей речи) и на этой основе способов построения из них «цельной речи» [Прокопович 1966:5]. Но такой подход не получает развития в западноевропейской грамматической традиции, и уже с эпохи средневековья на первый план выдвигается анализ предложения, разложение его на части, а изучение живых, конкретных сочетаний слов, присущих каждому отдельному языку, сменяется стремлением к установлению общих для всех языков грамматических понятий – «универсалий»[там же :6].

Развитие синтаксической науки в России имеет свою историю. В «Грамматике» Мелентия Смотрицкого синтаксис рассматривался как учение о сочинении частей речи, о сочетании слов в предложении, т.е. как своеобразное учение о словосочетании. М.В.Ломоносов определяет синтаксис как учение о «сочинении частей слова», содержащее в себе правила этого сочинения. М.В. Ломоносов заложил фундамент теории словосочетания в русском языке, хотя не пришел к четкому пониманию [и определению] словосочетания как особой синтаксической категории. К синтаксису обращались А.А. Барсов, А.Х. Востоков, Ф.Ф. Фортунатов. Последний определял словосочетание как полное предложение: «…я остановлюсь лишь на полных предложениях, являющихся в словосочетаниях. Я упоминал, что во всяком словосочетании один предмет мысли в одной

части словосочетания обозначается как находящийся в известном отношении к другому предмету, в другой части словосочетания, будет ли оно выражением целого психологического суждения или выражением его сложной части» [Фортунатов 1957:453]. Предложение им понимается как особый тип словосочетания.

На западе проблемами синтаксиса в это время (80-е годы XIX столетия) занимался немецкий ученый Ион Рис. Он считает, что при научном анализе сложные конструкции языка можно разложить с формальной точки зрения на следующие составные части:

1) звуки как самые малые, неразлагаемые далее единства;

2) звуки, соединенные в новые сравнительно самостоятельные единства, т.е. слова;

3) слова, соединенные в новые, относительно самостоятельные единства, т.е. словосочетания. Предметом синтаксиса, по его мнению, является словосочетание.

Определяя содержание термина «словосочетание, А. М. Пешковский отмечает, термин этот не равняется простому «сочетанию слов»: «… для того, чтобы два слова могли составить словосочетание, надо, чтобы они были соединены одновременно в речи и в мысли… Словосочетание, как и слово, есть единство внешне-внутреннее, физико-психическое. Словосочетание есть два слова или ряд слов, объединенных в речи и мысли» [Пешковский 1938:63].

Некоторые представители европейского языкознания относят к словосочетаниям даже сочетания существительного с артиклем [Ильиш 1971:177]. М.Я. Блох отмечает, что если придерживаться формального содержания термина «словосочетание», то надо признать, что и такие сочетания должны получить ранговый статус фразем, тем более, что между служебными и знаменательными словами имеются переходные случаи (ought to return; all but one; the very best и т.д. [Блох 2004:68]. Большинство

языковедов признают словосочетанием только сочетание самостоятельных, знаменательных слов.

В.П. Сухотин, П.С. Кузнецов, А.Н. Гвоздев признают словосочетаниями сочетания как равноправных (*брат и сестра*, *ты и я*, *father and son* или наоборот, смысл тот же), так и неравноправных слов, одно из которых является стержневым, главенствующим (*туманное утро*, *изучать историю).*

Другая группа ученых относит к словосочетаниям только сочетания неравноправных слов, основанных на подчинительной связи, считая, что они создают особую синтаксическую единицу (В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова).

Современные лингвисты, в частности, Г.А. Золотова, которая в этом вопросе стоит на позициях В.В. Виноградова, первичной синтаксической единицей русского языка признает форму слова: «1) Из анализа синтаксических связей слов с необходимостью вытекает значительно более узкое понимание словосочетания, чем принятое в Академической грамматике, «Основах построения описательной грамматики» 1966 г., Грамматике 1970 г. 2) Словосочетание и в узком, и в широком понимании не может считаться первичной единицей синтаксиса. Так как само оно представляет собой некое соединение элементов (именно синтаксических форм слова)… 5) Поскольку и предикативный минимум… состоит из сочетавшихся предикативной связью синтаксических форм слова, и распространение, усложнение этого минимума происходит посредством присоединения различных синтаксических форм, представляется целесообразным признать синтаксическую форму слова первичной синтаксической единицей русского языка» [Золотова 1973:65]. Относительно словосочетания Г.А.Золотова пишет: «Словосочетание как соединение знаменательных слов (или их форм) на основе грамматического подчинения служит на докоммуникативной ступени расчленённым обозначением понятия и демонстрирует синтаксические свойства подчиняющего

(определяемого) слова, на коммуникативном же уровне, так же как и аналог словосочетания, участвует в предложении в качестве его распространенного компонента. Словосочетание в предложении, таким образом, не что иное, как распространенная синтаксическая форма слова» [Золотова 1973: 66].

В.Д. Аракин пишет: «Словосочетания в каждом языке строятся по определенным, характерным для данного языка моделям, представляющим собой обобщенные величины, которые в речи наполняются разнообразным лексическим материалом, придающим данному словосочетанию конкретный характер» (Аракин 1977:138).

На фоне тех результатов, которых достигла наука с тех пор (прежде всего мы имеем в виду славянские языки), исследования в этом русле на материале дагестанских языков кажутся более чем скромными: по ряду дагестанских языков специальных работ, посвященных словосочетанию (синтаксису в целом), нет до сих пор. Имеющиеся монографические работы по синтаксису дагестанских языков посвящены в основном предложению (А.А. Бокарев, М. М. Гаджиев, Б. Г.-К. Ханмагомедов, З. Г. Абдуллаев, Д.С. Самедов, Г. И. Ахмедов и др.). Мало внимания при этом уделяется словосочетанию как единице синтаксиса.

Начиная с 70-х годов XX в. появляются специальные исследования по словосочетанию ряда дагестанских языков (П.А. Сулейманова, С.К. Сулейманова, М-Ш.А. Исаев, М.И. Магомедов), особенно активно стали обращаться к проблемам словосочетания в последние десять лет, защищен ряд диссертаций.

Именным словосочетаниям даргинского языка посвящена диссертация Х. А. Магомедовой [2007], субстантивным словосочетаниям даргинского языка – З.Х. Адзиевой [2006], глагольным словосочетаниям табасаранского и русского языков – З.М. Байрамовой [2007], сопоставительному исследованию именных словосочетаний табасаранского и русского языков – Ш.У. Каручевой [2006], именным словосочетаниям рутульского языка – Д.М.

Мусаевой [2006], субстантивным словосочетаниям лакского и русского языков – С.Б. Какваевой [2007] , адвербиальным словосочетаниям кумыкского языка – А.М. Кадырбековой [2007], глагольным словосочетаниям в аварском литературном языке – З.Г. Гебековой [2009] и т.д.

Многие вопросы, связанные со словосочетанием, тесно переплетаются с морфологией, словообразованием и лексикографией, поэтому в связи с теми или иными проблемами рассматриваются и в работах, выполненных в этом русле.

Наряду с [другими подходами], точками зрения относительно понятия словосочетания, данными выше, существует также и мнение, согласно которому словосочетание трактуется как образование, возникающее в процессе развертывания компонентов той или иной структурной схемы при построении высказывания, когда при описании ситуации в действие вовлекаются отдельные слова с их сочетаемостным потенциалом, реализуемым как в семантическом плане, так и в плане синтаксическом [Тулина 1976: 10].

Такого же мнения придерживается Е. С. Скобликова, отмечая, что «зависимость самой модели словосочетания от валентных свойств обоих его компонентов обеспечивает словосочетанию роль относительно автономного звена в построении предложения. Но автономность эта проявляется лишь в том, что правила построения большинства непредикативных словосочетаний безразличны и безотносительны к общей структуре предложения» [Скобликова 1990: 20].

В учебной и научной литературе по дагестанским языкам до сих пор нет единого мнения относительно того, что представляет собой словосочетание. Анализируя в хронологическом порядке синтаксические исследования, мы ставили цель выяснить, что понимают под словосочетанием исследователи дагестанских языков; каковы границы

данной единицы, каково его соотношение со словом (прежде всего со сложным), предложением и какие аспекты классификации словосочетаний рассмотрены.

Исследователи дагестанских языков при рассмотрении проблем словосочетания во многом опираются на традиции русского языкознания, в котором объем и понимание сущности словосочетания в разные периоды определялись по-разному.

Первой специальной работой по синтаксису дагестанских языков явилась работа А.А. Бокарева [Бокарев 1949], в которой словосочетание отдельно не рассматривается, но при анализе причастных определений, придаточных определительных аварского языка автор, исследуя синтаксические связи, отмечает особенности их оформления в русском и аварском языках на примере словосочетаний (сам термин «словосочетание» им не употребляется).

В монографии М.М. Гаджиева [1954] тоже нет специального раздела, посвященного словосочетанию, но, характеризуя простое предложение в лезгинском языке, М.М. Гаджиев отмечает, что оно обычно состоит из ряда слов, связанных между собой. Такие « …пары или группы слов, связанных между собой, обычно называют словосочетаниями» [Гаджиев 1954: 24]. Рассматривая синтаксические связи, он отмечает, что независимо от того, какие средства использованы для соединения слов (формы отдельных слов, служебные слова, интонация и т.д.), слова, выражающие определенные понятия или представления, связываются между собою как *равноправные, независимые, или как неравноправные, как связанные отношениями зависимости одного слова от другого* (выделено нами – С.Г.). Следовательно, мы можем предположить, что автор признавал и сочинительные, и подчинительные словосочетания.

Более подробному и специальному анализу подвергаются словосочетания в работе Б.Г.-К. Ханмагомедова, посвященной синтаксису

табасаранского языка. В понимании объема и границ данной единицы он следует за В.В. Виноградовым, согласно концепции которого «… словосочетаниями считаются исторически сложившиеся в языке и существующие независимо от предложения грамматические единства, образуемые соединением двух или большего количества слов, принадлежащих к знаменательным частям речи, и служащие обозначением какого-нибудь единого, но расчлененного понятия или представления» [Ханмагомедов 1970: 6]. На основе сравнения словосочетания с другими единицами языка (слово, предложение) выявляются релевантные признаки данной единицы: отсутствие категории модальности, времени, интонации сообщения.

Словосочетание отличается от указанных выше единиц и структурно: предложение может состоять и из одного слова, а словосочетание, согласно концепции В.В. Виноградова, организуется вокруг одного знаменательного слова, являющегося его стержнем, что проявляется как в формальной, так и смысловой стороне словосочетания. Не признаются словосочетаниями сочетания слов, компоненты которых равноправны: во-первых, на основании отсутствия стержневого компонента; во-вторых, на основании того, что это ряды слов, которые могут быть теоретически продолжены до бесконечности и не служат обозначением единого, хотя и расчлененного понятия. Такое понимание Б. Г.-К. Ханмагомедов применяет и к материалу табасаранского языка: *Гьяятдиъ к1арар, пеэр ва биц1и баяр рякъюрайи* «Во дворе виднелись телята, куры и маленькие ребятишки». Соединение слов *к1арар* «телята», *пеэр* «куры», *ва биц1и баяр* «маленькие дети» никаких единых, хотя и расчлененных понятий не обозначает [Ханмагомедов 1970:10].

Вслед за Грамматикой русского языка (1960 г.) Б. Г.-К.Ханмагомедов считает, что понятие сочинительных словосочетаний вырастает на почве смешения словосочетаний и однородных членов предложения, на почве общего неразграничения словосочетания и предложения. Вместе с тем, автор

особо выделяет интересные случаи развития номинативных функций у сочинительных словосочетаний, что сближает их с подчинительными словосочетаниями и словами. Речь идет о бессоюзных сочинительных конструкциях, которые, переосмысляясь, превращаются, по мнению автора, в сложные слова. Это такие соединения, как: *абйир-бабар* (отцы-матери) «родители», *баяр-шубар* (мальчики-девочки) «дети», *хал-йиишв* (дом-поместье) «хозяйство» и т.д. Забегая вперед, отметим, что и в настоящее время в дагестановедении нет общепринятого термина для характеристики таких сочетаний. А.Г. Гюльмагомедов называет такие образования [*диде-буба* (мать-отец) – «родители»; *атун-хъфин* (приход-уход) – «посещение»] сочинительными словосочетаниями на основании того, что оба компонента представляют собой самостоятельные лексические единицы, функционирующие вне этих конструкций. Кроме того, они воспроизводятся в речи в готовом виде, что, по его мнению, говорит об их фразеологичности [Гюльмагомедов 1978: 32].

Проблема статуса таких единиц поднимается и в статье Н.Г. Исаева, который на материале цахурского языка выделяет следующие черты, присущие как словосочетанию, так и слову:

1) оба компонента независимы друг от друга, что сближает их с сочинительными словосочетаниями, однако, в отличие от них, являются замкнутыми конструкциями;

2) по признаку замкнутости их можно отнести к подчинительным словосочетаниям. Но в них нет зависимого и главного компонента;

3) такие сочетания существуют как готовые, что сближает их с ФЕ, но, в отличие от них, у них нет морфологических вариантов, компоненты сохраняют свои прямые значения, и каждый компонент обладает широкой сочетаемостью с другими словами в языке [Исаев 1999:151].

Такие единицы исследуются и на материале других дагестанских языков [Гусейнова 2002; Исаев1997; Богуславская 1999; Гасанова 2003].

Б.Г.-К. Ханмагомедовым было сделано еще одно ценное лингвистическое наблюдение: он отмечает наличие в табасаранском языке трехсловных словосочетаний, с компонентами, которые нельзя отделить друг от друга, так как они являются фразеологическими единицами (такие словосочетания в лингвистической литературе 90-х называются уже фразеословосочетаниями, об этом будет сказано в четвертой главе настоящей работы). Б.Г.-К. Ханмагомедов называет их сложными словосочетаниями, которые образуются «…соединением двух или более простых словосочетаний и одним и тем же стержневым словом на основе объединения разных типов связи, исходящих от одного слова» [там же: 55]. В завершение краткого обзора монографии Б.Г.-К. Ханмагомедова можно отметить следующее:

1) словосочетанием исследователь считает соединение двух и более знаменательных слов на основе подчинительной связи;

2) автор не относит к словосочетаниям соединения слов на основе сочинительной связи;

3) в работе особо отмечается тип простых трехчленных словосочетаний, два компонента которых представляют собой фразеологическую единицу;

4) кроме простых, им выделяются также сложные и комбинированные словосочетания.

Исследованию различных типов словосочетаний табасаранского языка посвящена специальная работа С.Х. Шихалиевой [2010]. Всестороннее описание структуры, семантики и функций словосочетаний табасаранского языка дается на богатом языковом материале, что дает возможность автору проследить за особенностями функционирования данных единиц в контексте. В кратком предисловии автор обращает внимание на такие узловые вопросы синтаксиса словосочетания, как разграничение слова, словосочетания и предложения. Одной из главных характерных черт словосочетания автор

считает: «… неоформленность компонентов, выражающих единое понятие. Компоненты словосочетания в соединении с другими словами могут образовывать новые словосочетания, что не характерно для сложных слов» [Шихалиева 2010:6].

В 1978 году выходит монография А.Г. Гюльмагомедова «Основы фразеологии лезгинского языка», в которой, наряду с актуальными проблемами лезгинской (дагестанской) фразеологии, подняты также вопросы определения границ и переменных словосочетаний. Особенность данной работы состоит в следующем: если словосочетание до него в основном рассматривались в формальном плане, то здесь мы видим обращение к семантическому и функциональному аспектам. К словосочетаниям автор не относит следующие сочетания, хотя они формально и состоят из двух компонентов:

а) отрицательные формы глаголов, выраженные сочетанием чистой основы и отрицательной формы глагола: *к1ел тавун* «не читать», *чир тавун* «не учить»;

б) порядковые числительные, образованные сложением чистой основы числительного и причастной формы от слова *лугьун* «сказать» – *сад лагьай* «первый»;

в) формы местных падежей некоторых существительных, выражающиеся с помощью послелогов, в тех случаях, когда они семантически тождественны синтетическим формам (*столдин к1аник* = *столдик*), такие формы типа *вилин к1аник*, со значением «находиться рядом, близко», автор относит к фразеологизмам, следовательно, и к словосочетаниям;

г) конструкции типа *сущ.+авун* – «делать» или *сущ + хьун* – «быть»;

д) формы пермиссивно-акузативного коррелята некоторых глаголов типа *к1елиз тун* «заставить читать» [Гюльмагомедов 1978:24] .

Особо стоит в дагестановедении вопрос о разграничении сложных глаголов (слов) и словосочетаний. А. Г. Гюльмагомедов [и здесь высказывает свою точку зрения] относит к сложным словам:

а) образования, в которых один из компонентов не употребляется без другого. Это такие единицы, как: *къал-къхьик*, где *къал* – «шум», а *къхьик* не имеет самостоятельного значения; *нече-шумуд* «несколько» – *нече* в лезгинском ничего не обозначает, а *шумуд* обозначает «несколько»;

б) сочетания типа «первообразный глагол+имя сущ.»[1] [там же: 32]. Но следует отметить, что само содержание терминов «сложные» и «составные глаголы» отличается у разных исследователей одного и того же языка.

М.М. Гаджиев называет сложными глаголами единицы, образованные с помощью вспомогательного глагола *авун* «делать» и обладающие семантической цельностью. Семантической цельностью М.М. Гаджиев называет стремление к употреблению усеченной формы глагола *авун, к1елун < к1ел+ авун, к1елзава<к1ел+йиз +ава.*

Другие авторы расширяют круг таких глаголов, например, Р.И. Гайдаров относит к сложным глаголам единицы, образованные слиянием имени с прилагательным и вспомогательным глаголом *ун (<авун) гьисабун* «считать», существительного со вспомогательным глаголом *авун* (=) *гирнагъун* «жевать», *ихтибарун* «доверять», образованных от основы переходных глаголов, мотивированных соответствующими переходными: *агъурун* «заставить» и т.д. [Гайдаров 1987:89].

Б.Б. Талибов расширяет границы сложных глаголов и включает каузативные формы простых глаголов: *акъвазарун <акъваз+ар+ун.*

У.А. Мейланова сложными глаголами считает «такие словосочетания, в которых именная часть самостоятельного значения и употребления не имеет,

---

[1] Аналогичные образования в других языках данной семьи, в частности, адыгских относят к словосочетаниям (см. раб Кумахова И.А.); в тюркских языках различают аналитические формы и глагольные словосочетания (Благов Г.Ф.), в курдском языке выделяют сложные глаголы и глагольные фразеологизмы (Авалиани).

а получает его лишь в данном сочетании. Например: *к1ан хьун* – «любить», *дак1ан хьун* – «ненавидеть», *ч1ур хьун* – «испортиться». Кроме таких бесспорных сложных глаголов, таковыми можно считать и множество сочетаний, глагольная часть которых состоит не только из вспомогательных глаголов *авун* – «делать» и *хьун* – «быть», но и таких глаголов, как *гун* – «давать», *кутун* – «подложить», *йагъун* –«бить». Например: *ч1ал авун* – «сглазить», *к1валах авун* – «работать», *йаб гун* – «слушать» [Мейланова 1970:131]. Как видим, среди сложных словосочетаний она перечисляет и фразеологизмы. Впрочем, сама У.А. Мейланова в данной работе отмечает, что вопрос о том, «какие из словосочетаний считать сложными глаголами, а какие идиоматическими и другого рода устойчивыми словосочетаниями, является не решенным в грамматике лезгинского языка» [Мейланова: там же]. М.М. Гаджиевым такие структуры квалифицируются как фразеологические единицы, а А.Г. Гюльмагомедов их считает переменными словосочетаниями на основе того, что составные части этих образований являются самостоятельными элементами. Сочетания типа *к1ел авун*, *чир авун, фагьум авун, хиял авун,* в которых составные части являются самостоятельными элементами, дополнительные признаки которых относятся и к существительному, и к глаголу, автор относит к переменным словосочетаниям.

Анализ последующих работ А.Г. Гюльмагомедова, посвященных различным вопросам словосочетаний, позволяет заключить, что под словосочетаниями он понимает «*две и более языковые единицы* (выделено нами – С.Г.), соединенные между собой различными типами связи и являющиеся обозначениями предметов окружающей действительности» [Гюльмагомедов 1991-1992: 273].

В 80-е годы появляются специальные работы по словосочетанию аварского (С.К. Сулейманова), лакского (П.А. Сулейманова), даргинского (М.-Ш.А. Исаев) языков, работы методического плана, где вопросы

словосочетания родного языка рассматриваются в связи с изучением русского языка (А.М. Айтберов, Г.И. Магомедов).

В вопросе об определении словосочетания авторы в основном стоят на позициях В.В. Виноградова. Сочинительные конструкции в широком смысле слова хотя и признаются словосочетаниями, однако, к примеру, в работе С.К. Сулеймановой не анализируются. Автор считает, что они резко отличаются от подчинительных словосочетаний в структурном отношении. Компоненты в них сочетаются по способу сочинения, они независимы друг от друга, основными связующими средствами выступают сочинительные союзы и интонация. Сочинительные словосочетания могут быть расширены, распространены, и количество компонентов может быть бесконечным. Границы их в предложении обычно устанавливаются только для каждого конкретного случая. Подобные сочетания являются однородными членами предложения, поэтому С.К.Сулейманова включает их в учение о предложении.

Вместе с тем, рассматривая только подчинительные словосочетания, она признает и такой тип подчинительных словосочетаний, в котором при стержневом слове имеются однородные и неоднородные поясняющие члены, соединенные как с помощью союзов, так и без них, поскольку все они объединяются стержневым словом, и вместе с ним передают единое, но расчлененное понятие [Сулейманова 1980: 26]. Не признаются этим автором словосочетаниями сочетания имен существительных или местоимений с послелогами, т.к. они не представляют собой двух полнозначных слов.

П.А. Сулейманова считает словосочетание структурным звеном предложения, *единицей внутреннего членения предложения* (выделено нами – С.Г.): «Словосочетание – это структурное звено предложения, которое представляет собой грамматическое и смысловое единство, состоящее из двух и более полнозначных слов и служащее для выражения расчлененного понятия реальной действительности» [Сулейманова 1989: 4].

Словосочетание рассматривается П.А. Сулеймановой в отношении к слову, фразеологической единице и к предложению. Отмечается, что слово употребляется в готовом виде как общепонятная для говорящих на данном языке единица, а словосочетания различных типов каждый раз составляются в речи говорящего, в процессе общения, по определенным моделям, исходя из целей высказывания. В отличие от слова, словосочетание является сложным наименованием отдельных предметов, явлений и процессов, т.е. выражает понятие в расчлененном виде, и в то же время отмечается, что «значение словосочетания не является суммой значений составляющих его слов, а есть такое соединение самостоятельных слов, которое организовано по законам и правилам данного языка» [Сулейманова 1989:5]. Номинативная функция словосочетания заключается, по мнению П.А. Сулеймановой, в том, что «являясь бинарной единицей, состоящей из двух полнозначных слов, словосочетание называет две реалии в их взаимосвязи. Именно компоненты словосочетания являются номинативными единицами (лексического типа), а не словосочетание в целом. Значение словосочетания складывается из лексических значений его компонентов (лексем), а также тех смысловых отношений, которые складываются между ними» [Сулейманова 1991:30].

От отмеченных выше работ отличается новым подходом к анализу глагольных словосочетаний даргинского языка работа М.-Ш.А. Исаева. Словосочетания им рассмотрены в формально-грамматическом и семантическом планах, выявлены взаимоотношения и условия, при которых определенная семантическая структура воплощается в конкретную формальную структуру, определены основы построения и синтаксическая природа словосочетаний [Исаев, 1982а: 2]. Правда, из анализа материала не очень ясны критерии, по которым он дифференцирует свободные и несвободные словосочетания, свободные словосочетания и сложные слова.

Г. И. Магомедов не признает словосочетаниями сочетания служебного слова со знаменательным на основании того, что «слова в словосочетании

бывают связаны между собой по одному из типов подчинительной связи, а синтаксические типы подчинительной связи слов – управление, согласование, примыкание – возможны только между самостоятельными словами, а служебные слова не могут вступать в синтаксические связи» [Магомедов 1990:19].

В диссертационной работе, посвященной глагольным словосочетаниям лезгинского языка, С.Б. Юзбекова отмечает следующие признаки словосочетания: «Оно состоит не менее, чем из двух полнозначных слов, одно из которых является главным, другое – зависимым; структурная модель словосочетания не совпадает со структурной моделью предложения, в составе которого оно выступает» [Юзбекова 1994:8].

Начиная с 90-х годов XX-го столетия в русском [Ляхова 1992], а позже и в дагестанском языкознании [Гюльмагомедов 2002, Юзбекова 2008] ставятся вопросы о терминологическом обозначении единиц, которые образованы в речи сочетанием фразеологизма со словом, слова с фразеологизмом, фразеологизма с фразеологизмом, о которых нами будет сказано ниже.

Что касается учебной литературы, то во многих учебниках по дагестанским языкам или вообще нет упоминания о словосочетании, или это повтор информации из учебников по русскому языку. К учебной литературе относятся и словари, прежде всего орфографические. Имеющиеся на сегодняшний день словари также обнаруживают непоследовательность в написании сложных слов, аналитических конструкций и словосочетаний.

В настоящее время в Институте языка, литературы и искусства ДНЦ РАН проводится большая работа по унификации орфографических правил и созданию орфографических словарей по письменным языкам Дагестана. Этот труд большого авторского коллектива призван снять многие вопросы, поставленные, в том числе и в данной работе.

Разработка синтаксиса агульского языка – наиболее слабое звено в агуловедении. На двух страницах содержатся сведения о синтаксисе агульского языка в работе А.А. Магометова [1970]. В работе З.К. Тарланова синтаксису отведена одна глава: рассмотрены способы выражения субъектно-объектных отношений, второстепенные члены предложения, основные вопросы сложного предложения, а также анализируются различные обстоятельственные отношения (причинные, временные, целевые и т.д.) [Тарланов 1994: 202-242]. В сопоставлении с французским языком рассматривается синтаксис простого предложения агульского языка в диссертационной работе Р.Р. Сулеймановой [2011]. При сопоставлении синтаксических конструкций агульского и французского языков устанавливаются отличия между ними, которые в значительной степени определяются расхождениями в морфологической структуре этих языков.

Определение словосочетания как элементарной синтаксической единицы не информирует читателя об особенностях его функционирования.

Словосочетанием называется синтаксическая конструкция, образуемая соединением двух или более знаменательных слов на основе подчинительной грамматической связи - согласования, управления, или примыкания. Грамматически и семантически главенствующее слово составляет стержневой (главный) компонент словосочетания, грамматически зависимое слово – зависимый компонент [ЛЭС 1990:469].

Как видим, в определении, данном в ЛЭС, не отмечена функция словосочетаний. Основной функцией словосочетаний, согласно концепции В.В. Виноградова, является номинативная, т.е. оно призвано быть обозначением предметов, явлений окружающей действительности.

Исследования последних лет позволяют судить о том, что номинативность не является исключительной функцией только лексики [Золотова 1982].

А.Г. Гюльмагомедов на материале лезгинского языка также доказывает, что номинативной функцией в лезгинском языке обладают не только слова, но и сочетания слов и фразеологизмов: *са вил йада варариз* «посмотрю на ворота», где *са вил йада* «посмотрю» - фразеологизм, а *варариз* «на ворота» - слово; фразеологизмов с фразеологизмами: *дегь заманада арадал атанат1ани* «хотя в древние времена возникла», где *дегь заманада* «древние времена» – фразеологизм и *арадал атанат1ани* «хотя возникла» – фразеологизм; сочетания слов и сложных слов: *яд чими хьун* «нагреться» (о воде), где *яд* «вода» – слово, *чими хьун* «нагреться» сложный глагол; сочетания послеложных конструкций со словами: *столдин к1аник экеч1ун* «лезть под стол», где *столдин к1аник* «под стол» – послеложная конструкция, а *экеч1ун* «лезть» [Гюльмагомедов1991:274].

В агульском языке также имеют место случаи, когда номинативную функцию выполняют не только слова и словосочетания, но и фразеологизированные структуры типа *к1ет1айин к1ил* – «лопатка / часть тела» (*букв*. «лопаты голова»), *к1илил алгъуч1ас* – «обнаглеть» (*букв*. «на голову взобраться»), *т1убун фун* – «подушечка пальца» (*букв*. «пальца живот»); сложные слова, относительно статуса которых в дагестановедении нет единого мнения (*Зуьлер-х1ур* «ступенька-село» [название местности], *х1уьппехъен к1ирк1* «чабан мальчик» – (тот мальчик, который является чабаном), послеложные конструкции (*даран кьабахъ* «позади горы» – «за горой», *хулан багулив* «рядом с домом» – «около дома»). Как видно из примеров, номинации могут иметь различный характер: обозначение конкретных предметов, лиц, места локализации чего-либо и т.д.

Отмеченные выше средства могут образовывать различные сочетания: а) сочетание слова с другим словом (*мертте гьава* «чистый воздух», *хулан муртт* «угол дома», *хьибу ягъ* «три дня» и т.д.);

б) сочетание слова и фразеологизма (*педегьенттар к1валас вес* «сказанное с сердца уйти» (= «забыть»), *1у лек ккеттархьасттегьен гьишас*

«бежать пока две ноги не отвалятся» (= «быстро бежать»); сочетание фразеологизма с фразеологизмом (*гъил гъилари улиъас адархьас* «сразу потерять авторитет», где *гъил гъилари* «рука рукой» (= «сразу, моментально»), *улиъас адархьас* «из глаза выпасть» (= «унизиться в чьих-то глазах, потерять авторитет»);

в) сочетание слов и сложных слов *кунарис ути йирх1ас* «одежду погладить» (*ути йирх1ас* «гладить» (= сложное слово), *букв. ути* «утюг» + *йирх1ас* «бить»; *кардихъас фикир акьас* «думать о работе» (*фикир акьас* – «мысль делать» (= сложное слово);

г) сочетание слова с послеложной конструкцией *самолетин г1анаъ аеттар* «находящиеся в самолете», где *самолетин г1анаъ* «в самолете», *аеттар* «имеющиеся, находящиеся».

При определении словосочетания мы стоим на позициях В.В. Виноградова и считаем, что словосочетание – это номинативная единица языка, образованная соединением двух и более знаменательных слов на основе подчинительной связи. Но вместе с тем, считаем, что к словосочетаниям в агульском языке можно отнести некоторые парные сочетания слов, образованные соединением двух знаменательных слов на основе соединительной связи: *дад-баб /дадна баб* «родители» (*букв.* «отец-мать»), *хал-мукь* «хозяйство» (*букв.* «дом-место»), *къаб-къуджагъ* «посуда» (*букв.* «посуда и къуджагъ» не переводится»). Такие сочетания употребляются в номинативной функции, и, в отличие от сложных слов, в них изменяются обе части: *бабар-дадар, хулар-мукьар* и др.

1. 2. Проблема разграничения словосочетания и сложного слова

Разграничение сложного слова и словосочетания для дагестанского языкознания является актуальной проблемой.

Одним из древних способов словообразования, сохраняющем продуктивность и на современном этапе его развития, является словосложение. Благодаря такому способу язык пополняет свой словарный состав и совершенствует свой строй: «в тех языках, где словосложение имеется, оно является могучим средством пополнения и совершенствования грамматического строя языка» [Василевская 1962:37].

Словосложение занимает промежуточное положение между морфологическими и синтаксическими способами сочетания единиц языка, обладая чертами того и другого. Некоторые типы сложных слов приближаются по структуре к словосочетаниям и состоят из комбинации целых слов: ср. англ. *field-artillery* «полевая (легкая) артиллерия» и *field army* «полевая (действующая) армия»; рус. «еле-еле», «синий-синий» [ЛЭС 1990:469].

Многие производные образовались на базе синтаксических единиц или словосочетаний. По мнению ряда лингвистов, процессы словосложения представляют собой своеобразное свёртывание словосочетания в единое слово.

Отношение к таким словам в плане их номинативной функции, словообразовательной функции, сохранения компонентами сложного слова своей семантики неоднозначное.

Словосложение тесно связано с грамматикой, лексикой, а также с другими способами словообразования. Оно отражает специфику языка, так как наряду с некоторыми общими для многих языков чертами обладает национальными, характерными только для данного языка особенностями, составляя одно из отличий одного языка от другого [Мешков 1976:172]. Особенности номинативных функций сложных слов тесным образом связаны с характером их производности, поскольку «путь к познанию природы номинации в производных единицах языка – это исследование

возникновения отношений словообразовательной производности во всех разновидностях и типах» [Кубрякова 1977:223].

Дискутируемым является вопрос отнесения так называемых сложных глаголов к устойчивым единицам номинативного характера (т.е. к ФЕ) или к аналитической форме глагола. Чаще всего такие глаголы представлены именным компонентом, в котором выражено лексическое значение глагола, и вспомогательным глаголом, выражающим грамматическое значение. Например, в агульском: *лихун акьас* «работу делать» = работать, *кквал акьас* «дележ делать» = делить, *муч1е хьас* «темно стать» = стемнеть; *ниъ акьас* «запах сделать» = понюхать, *буш* хьас «слабо стать» = ослабеть, *иттар хьас* «болезнь стать» = заболеть. Оба компонента сохраняют свои прямые значения.

Наряду с такими конструкциями в дагестанских языках функционируют глагольные образования, зачастую являющиеся единственными номинациями тех или иных процессов, в которых один из компонентов (иногда оба) не сохраняет своего прямого значения. Например, в агульском: *ул фатас* (*букв.*«глаз кинуть») = наблюдать, *ибур хъихьас* (*букв.*«ухо приложить») = слушать, прислушаться, *йирк1в алиянас* (*букв.*«сердце поставить») = слушать, слушаться, *ун акьас* (*букв.* «звук, звон делать») = позвать. Мы склонны относить такие конструкции к фразеологизмам, соответственно – и к словосочетаниям.

К сложным глаголам в рутульском языке С.М. Махмудова относит глаголы, образующиеся из двух лексем: из неспрягаемой части и вспомогательного глагола. В сложных глаголах значения обеих его частей объединяются в одно, часто отличное от первых [Махмудова 2001:167].

Связь компонентов внутри сложного слова не произвольна. Она обусловлена значением входящих в композит частей, их лексической сочетаемостью и грамматической структурой. Одними своими признаками сложное слово сближается с простым выводимым словом, а другими – со

словосочетанием. «В сложном слове порядок следования компонентов строго фиксирован: от его перестановки меняется смысл. Структурные и семантические связи между компонентами сложного слова эксплицитно не выражены и, по сравнению со связями между компонентами словосочетания, выступают с большей степенью спаянности, семантической компрессии и обобщенности» [Маковей: www.nbuv.gov.ua/portal/].

Интерес представляют также сложные наименования, образованные из двух корней/основ, части которых напоминают различные типы словосочетаний.

В агульском языке в составе сложного слова компоненты могут сохранять оформление именных словосочетаний, реализуя тем самым атрибутивные отношения (например, препозицию адъективной части, определенные падежи: к*1арант1ур* "черный прыщ»= родинка). В данном случае мы имеем производное слово, представляющее собой свернутое субстантивное словосочетание: в первой части сложного слова такой компонент *к1ар-а-н* (р.п. от слова *к1ар* «чернота/чернь») + *т1ур*. «прыщ». Ср.: *кьаран накьиш* «узор из черной нитки». Подобные определительные отношения можно обнаружить и в следующем сложном слове: *къаркаг1уб* «черепаха» < *къарк але/къаркаъ ае г1уб* «скорлупу имеющая/ в скорлупе находящаяся лягушка».

Специфика агульского языка, как и многих других дагестанских языков, состоит в том, что форма родительного падежа имени существительного выполняет функцию относительного прилагательного.

Среди имён, выступающих в атрибутивной функции в именительном падеже, имеются и такие существительные, которые грамматически и семантически находятся на границе существительных и прилагательных, то есть употребляются и как прилагательные, и как существительные. Их можно квалифицировать как субстантивированные прилагательные. К таким именам относятся субстантивированные прилагательные со значением цвета: *Ир* <

ирeф «красный», *чул* < *чуллеф* «синий». В этой категории есть слова, которые по своей семантике непосредственно примыкают к прилагательным, большинство из них заимствовано из лексики других языков: *сукъур* «слепой, слепец», ч*улахъ* «калека», *мискин* «бедный», *кьискьис* «скупой, скупец». Наличие таких слов в даргинском языке отмечает и С.Н. Абдуллаев (Абдуллаев 1954).

«Не менее важным при исследовании типов композитной номинации является и свойство некоторых сложных слов подвергаться семантической компрессии и приобретать признак кумулятивности» [Сунгуров 1997:59]. Семантическая компрессия заключается в том, что в некоторых композитах оказываются выраженными не все элементы мотивирующих их синтаксических трансформов (словосочетаний и предложений), в результате чего они характеризуются кумуляцией, т.е. увеличением объема содержания по сравнению с эксплицитно выраженными компонентами словосочетания.

Примером могут служить такие композиты, как: *халджак* – «веник». (слово образовано из двух основ: *хал* («дом, комната»), *джак* < *джикас* «мести».. *х1абаб* «бабушка» < *х1аф* «старшая» и *баб* «мама»; *ахттк1ил* «спуск» < *ахтт* «вниз» и *к1ил* «голова»; *г1алашуй* «гость», *г1алахьир* «гостья» *<г1ул(ар)* «гости», *шуй* «мужчина/муж», *хьир* «женщина/жена»; *ц1имих1ил «искра/тлеющий уголек»* < *ц1а* «огонь». Составные части некоторых отмеченных сложных слов сохраняют объектные или атрибутивные отношения.

Как продуктивный способ образования слов в агульском языке отмечают словосложение З.К.Тарланов [1994], З.Г. Каидов [2005].

Широко представлены также модели конструкций из двух существительных в форме именительного падежа, статус которых широко обсуждается на материале дагестанских языков. Следовательно, данный признак применим лишь к ограниченному числу типов сложных слов. В последнее время интерес к вопросам взаимодействия между композитами и

соотносимыми с ними конструкциями значительно усилился в связи с более углубленным изучением функций и особенностей моделирования композитов.

Э.О. Курбанова, рассматривая в сопоставительно-типологическом плане композиты в даргинском и английском языках, в качестве признаков, разграничивающих сложное слово и словосочетание, называет на фонетическом уровне характерное для сложного слова одно главное объединяющее ударение, на синтаксическом – способность сложного слова выступать как один член предложения, а также вступать в синтаксические связи с другими словами как одна единица, сложное слово обладает непроницаемостью, обладает воспроизводимостью, имеет единое нерасчлененное значение [Курбанова 2011: 11].

Р.Г. Маковей, рассматривая соотношение сложного слова и словосочетания, выделяет двенадцать критериев, позволяющих разграничить эти единицы, что говорит о сложности данной проблемы во многих языках.

Важным признаком сложного слова, отличающим его от словосочетания, является цельнооформленность.

К внешним признакам цельнооформленности относятся:

1) характер сочетаемости компонентов сложного слова, в отличие от сочетаемости слов в словосочетаниях. Компоненты свободных словосочетаний выражают разные лексические значения, в предложении выступают самостоятельными членами предложения, имеют позиционную самостоятельность, могут располагаться дистантно: *хьейин гвег1енар* «шерстяные носки», *хьейин ибг1а гвег1енар* «шерстяные теплые носки»; *удигь гьае хал* «передний дом» (*букв.* «впереди находящийся дом»), *удигь гьае джагвар хал* «впереди находящийся белый дом». В агульском языке в сложных словах типа *удигьк1ил* «зачинщик, зачинатель» невозможно вставить какие-либо компоненты, не нарушив их: ср. невозможность сочетаний **удигь тег1де к1ил* «впереди быстрая голова» или **удигь гьае*

к1ил «впереди находящаяся голова» или **удигь хъучуч1у к1ил* «впереди/раньше приступившая голова»;

2) порядок следования компонентов сложного слова, в отличие от слов в словосочетаниях, постоянный. В словосочетаниях агульского языка он может варьироваться (кроме атрибутивных словосочетаний): *тук ат1ас* «цветок сорвать», *ат1ас тук* «сорвать цветок»;

3) наличие или отсутствие служебных элементов, относящихся к самостоятельным компонентам;

4) единое самостоятельное ударение (сопровождающееся иногда и побочным ударением), акцентологически связывающее составляющие сложного слова: *к1ара'нт1у*р «черный прыщ» = родинка, *уджк1ур* (кош. диалект) «деревянная лопаточка, которой переворачивают хлеб в печи», *т1убруц* «юла»;

5) характер синтаксических связей.

Относительно характера сочетаемости следует отметить, что выделенная из потока речи всякая последовательность лексических единиц, составляющая одну синтагму, может быть либо сложным словом, либо словосочетанием. Каждый язык обладает определенным набором допускаемых словосочетаний, следовательно, выделенная последовательность лексических единиц является сложным словом, если она находится вне данного набора.

Л.В. Щерба отмечал, что «при отсутствии четкого формального выражения определить в каждом отдельном случае «речи», с чем мы имеем дело – с морфологическим словообразованием, со сложным словом или синтаксической группой – иногда бывает необычайно трудно» [Щерба 1945:184].

В лингвистике дискутируемым, как уже отмечалось выше, является также вопрос о признании сочинительных словосочетаний. «Сущность словосочетания состоит в наличии одного стержневого слова с

распространяющимся зависимым (или нескольких распространяющихся в сложных словосочетаниях, состоящих из трёх и более слов). Сочинительное же словосочетание в традиционной его трактовке предполагает наличие двух или нескольких стержневых и независимых слов, что противоречит указанному выше пониманию сущности словосочетания» [Пейсиков 1963: 28].

В.В. Виноградов, говоря о сочинительном словосочетании, также указывал, что понятие сочинительных словосочетаний возникает на почве смешения словосочетания и так называемых однородных членов предложения, на почве общего неразграничения словосочетания и предложения [Виноградов 1954:117]. Однако он считает возможным сохранить такие стабильные лексико-семантические с номинативной функцией сочетания, как *отец и мать, день и ночь* и т.д.

Касаясь номинативной функции словосочетания, обычно ссылаются на В.В. Виноградова, который разграничил слова как обозначающие отдельные понятия и словосочетания, служащие «обозначением какого-нибудь единого, но расчленённого понятия или представления», являющиеся «расчленённым обозначением одного понятия». Однако некоторые учёные выступают с аргументированной критикой приведённых определений. Да и сам В.В. Виноградов в одном из примечаний к «Введению» писал, что читателю надлежит «понять условность и неопределённость привычных синтаксических квалификаций и ярлыков» [ГРЯ 1960 т. 2: 34].

Сведения о сложных словах (словосложении, композитных словах, терминах-названиях) в отечественной и зарубежной лингвистике крайне неоднозначны и противоречивы. Много разноречивых мнений также относительно конструкций, образованных по модели «существительное в им.п.+ существительное в им.п.».

Трудности разграничения сложного слова и словосочетания в дагестанских языках объясняются также не установившимися и до конца не

унифицированными орфографическими нормами. «Орфография сложных слов с подчинительными отношениями компонентов, основным видом связи слов, в лезгиноведении пока не унифицирована и, следовательно, проблема правописания данных слов окончательно не решена» [Абдулмуталибов 2002:106].

А.Г. Гюльмагомедов считает, что «выделение из состава словообразования фразообразовательного аспекта и признание двух самостоятельных разделов – словообразования и фразообразования – не механический акт, а настоятельная необходимость, ибо единицы, образующие слова и фразеологизмы, отношения между компонентами слов (основами и морфемами) и фразеологизмов (словами) в структуре целого, сам процесс образования слов и фразеологизмов не тождественны, а имеют принципиальные различия между собой» [Гюльмагомедов 1996: 37].

Вопросы соотношения сложного слова и словосочетания занимают определенное место и в работах М.-С.М. Мусаева. Он обращает внимание на специфические определительные и обстоятельственные значения абсолютива (ср.: *бекI гIиниз – букв.* «голова-родник», т.е. «главный родник», *кьячIа турба – букв.* «пятка-труба», т.е. «труба-угольник», *къараул Рабадан* «Рабадан-караул», т.е. «сторож Рабадан») [Мусаев 2002: 43] .

В этой же работе поднимается вопрос о том, является ли словосочетанием пара слов, соединенных между собой сочинительной связью. Характеризуя способы синтаксической связи, М.-С.М. Мусаев отмечает, что в даргинском языке как в плане содержания, так и в плане выражения чётко дифференцируются сочинительные и подчинительные словосочетания [Мусаев 2002:99]. Как и в русском, в дагестанских языках эти компоненты равноправны и независимы друг от друга, в силу чего нельзя поставить вопрос от одного члена сочинительного словосочетания к другому, в то время как в подчинительном словосочетании возможность

постановки такого вопроса считается основным и определяющим его признаком.

Кроме того, согласно распространенной точке зрения, обязательным критерием составляющих сочинительного словосочетания в предложении является их роль в качестве однородных членов, в основном выраженных одной и той же частью речи, чего нельзя сказать о составляющих подчинительного словосочетания минимальной конструкции. В плане выражения сочинительные словосочетания агульского языка характеризуются наличием в их структуре специальных сочинительных союзов *на, ва, ра*: *ччамна гуни* «масло и хлеб»; *гунира, хьедра* «и хлеб, и вода», *ягъна 1уьш* «день и ночь» = сутки. В структуре подчинительного словосочетания такие союзы не отмечаются.

З.Г. Абдуллаев в даргинском языке выделяет две группы сложных слов: первую группу образуют сложные слова, которые состоят из разных слов: *къукьу-лямцI* «гроза» (*къукъу* «гром», *лямцI* «молния»), *хабар-чIябар* «новости» (*хабар* «рассказ», *чIябар* «площадь»), *мурул-хьунул* «супруги» (*мурул* «муж», *хьунул* «жена») и др. Вторую группу образуют сложные слова-повторы, образовавшиеся путём редупликации одной и той же основы: *къукъу* «гром» (звукоподражательное слово), *шутIшутI* «свист» (звукоподражательное слово) и т.д. [Абдуллаев 1972:30-31].

В диссертационной работе, посвященной словообразованию в агульском языке, наряду с суффиксальным способом, З.Г. Каидов выделяет словосложение, отмечая его как самый древний способ образования слов: *гьарк1ар* (кош.) «плевел» (*гьар* – семантика затемнена и *к1ар(ед)* «черный»), *варнек1* «улей, сплетенный из прутьев и обмазанный глиной и навозом» (*вар/варв* «пчела» и *нек1* «деревянная кадушка»), *къутрихьел* (*къутт* «камешек» и *хьел* «стрела») и др. [Каидов 2005:53]. Выделен также описательный способ, при помощи которого образуется большой пласт двух- и трехкомпонентных образований: «названия, образованные таким способом,

охватывают широкий круг жизненно важных понятий. Это различные соматизмы {*кьвакьван 1эгв* (*букв*. «зеркало колена») «колено», *ач1ан урк1 (букв* «яма оврага») «подмышка», *улин къарк (букв. «корка глаза»)* «веко», *мавун чарккв* (букв. «жировой/жира детеныш») «почка», *биц1и т1уб (букв.* «маленький палец»*)* «мизинец»}, номинации, которые обозначают различные недостатки в облике человека (кош. *т1елт1емар кейед* «рябой», *т1уч1ни хъухъер* «курносый», *ц1акре улар аейд* «косоглазый» [Каидов 2005:63]. На наш взгляд, приведенные примеры представляют собой фразеологические единицы, а последние два примера – свободные словосочетания.

Отсутствие орфографического словаря агульского языка затрудняет разграничение и правописание многих сложных слов (или словосочетаний). Например, в агульском языке понятия *бабушка, дедушка* образуются из двух компонентов: *х1адад* «дедушка» (*букв*. «старший отец») и *х1абаб* «бабушка (*букв*. «старшая мать»). В результате энклизы данные словосочетания воспринимаются носителями языка как одно сложное слово, и их следует писать слитно. В кошанском диалекте агульского языка соответствующие названным словам единицы образованы по такой же модели, но в качестве препозитивного элемента употребляется прилагательное *кьуссеф* «старый»: *кьуссе бав* «бабушка» (*букв*. «старая мать») и *кьуссе будай* «дедушка» (*букв*. «старый отец»). В диссертации З.Г. Каидова они графически переданы слитно как одно сложное слово [Каидов 2005:51], мы же склонны считать, что здесь имеет место словосочетание, и такие слова должны быть написаны раздельно на основании того, что, во-первых, каждый компонент имеет собственное ударение, во-вторых, наблюдается пауза между компонентами при произнесении. К таким же случаям можно отнести и следующие наименования: *ире бав* «домовой» (*букв*. «красная мать»), *руха гаджин* «свисток» (*букв*. «звучащий/поющий кувшин»). При составлении орфографических словарей такие написания следует четко разграничивать.

Большинство подобных наименований образовано по типу «сущ. в род.п. + сущ. в им. п». В агульском языке достаточно много соматизмов, образованных по типу «прил.+ сущ. в им.п. + прич.». Подробно подобные словосочетания будут рассмотрены в следующей главе.

В агульском языке выделяется продуквтиная группа сложных глаголов, образуемая по модели двухкомпонентного словосочетания «имя +вспомогательный глагол», например, *вев ахъихьас* «крикнуть», *джин акьас* спрятать», *ути йирх1ас* «гладить» и т.д.

К сложным глаголам агульского языка Т.А. Майсак, С.Р. Мерданова относят глаголы, состоящие «из неспрягаемого компонента и одного из служебных глаголов *xas* 'стать', (a)q'as 'делать', *(i)c'as* 'давать' и нек. др.: ср. *hazur-xas* 'собираться', *lysse-xas* 'стареть',]*awla-xas* 'уставать', *gunt'*-(a)q'as 'собирать', d*n-aq 'as* 'прятать', *masa-c 'as* 'продавать' и пр. Неспрягаемый компонент может представлять собой имя существительное или прилагательное, или же может встречаться только в составе сложного глагола; степень формальной связанности двух компонентов сложного глагола может быть различной» [Майсак 2002: 253].

К сложным словам в агульском языке относятся также парные сочетания прилагательных, обозначающих оттенки цветов, например: *муч1е-чуллеф* «темно-синий», *ире-буреф* «красно-коричневый», и т.д.

В агульском языке нами выявлена большая группа сложных слов, образованных при помощи редупликации [Гасанова 2009:76].

Редупликация – не как случайный повтор слова или его части, а как языковое явление – известно давно. Исследователи отмечают наличие множества редуплицированных форм, относящихся к грамматике во всех древних языках, на основании которых складывалась лингвистическая теория [Рожанский 2007: 57-66].

В дагестанских языках к этой проблеме обращаются в связи с глагольным формообразованием, а также как к способу образования

некоторых разрядов числительных, наречий, существительных. Например, в агульском языке подобным образом образуются распределительные числительные: *1уд* «два» *–1у-1утти* «по два», *йиц1уд* «десять» - *йи-йиц1утти* «по десять».

Учитывая характер повторяющегося элемента, сложные образования агульского языка можно подразделить на следующие группы:

1) слова с частичной редупликацией;

2) слова с полной редупликацией.

При неточной/неполной редупликации повторяющимся элементом является второй элемент, в котором неточно, с изменением начального звука повторяется первый элемент: *кьу1т1ур* «чуду» – *кьт1ур-мут1ур* «чуду-муду», т.е. чуду и тому подобная еда; *гуни* «хлеб» - *гуни-муни* «хлеб и тому подобное», *аджудж-маджудж* «скопление множества чего-либо или кого-либо в одном месте».

Смысл таких слов можно понять как «подобное тому, что названо в первой части» или «совокупность, множество предметов, обозначенных в первой части». Такие компоненты часто привносят в слово экспрессивно-эмоциональную окраску, которую в лингвистической литературе предлагают назвать как «уничижение», «умаление», «пренебрежительность», «насмешка», «ироничность» и т.д.

Подобные модели слов имеют место в разных языках: ср. в казахском *kitab-mitab* – книги и все предметы, связанные с чтением, в кумыкском: *китап-митап* «какие-то книги», *къыз-мыз* «девочки», *эт-мет* «всякое мясо». Кроме того, среди парных слов в кумыкском языке выделяются «имена существительные, ни один компонент которых самостоятельно не употребляется и в сложении чаще обозначает название действия или результат действия: *зангур-зунгур* «звонок», *шарт-шурт* «голоса» [Зубаилова 2003:187].

А. Вежбицкая, рассматривая повтор в личных именах, определяет семантику таких слов как слов со значением «анти-уважение» [Вежбицкая 1996].

К такой категории слов как будто примыкают и копулятивные сложения агульского языка: *хал-мал* «хозяйство» (*букв.* «дом-скот»), *к1ил-гъил* «чаще всего в значении всего тела человека» (*букв.* «голова-руки»). Например, *к1ил-гъил х1язур акьас* (*букв.* «голову-руку приготовить»), т.е. «приготовиться в дорогу, собраться куда-либо».

Такие же конструкции имеются и в других дагестанских языках: *хат1-радж* «еда» (*букв.* «мука-чеснок»), в лезгинском: *кьил-к1вач* «весь целиком». Структуру подобных образований определяют как лексикализованные сложения, указывающие на целый класс объектов, т.е. на репрезентативную множественность.

На наш взгляд, подобные примеры представляют собой свернутые формы сочинительных словосочетаний, образованных по модели «сущ. им.п. + союз + сущ. в им.п.» (*к1илна гъил*), из которой в результате стяжения выпал сочинительный союз.

Первый компонент в таких конструкциях всегда остается в неизменном виде, а второй компонент может изменяться по падежам, числам: *ул-улай* – им.п., ед.ч.; *ул-улин* – р.п.,ед.ч.; *ул-улаярис* – дат.п. мн.ч. и т.д.

Интерес представляют также слова с точной редупликацией, когда повторяется корень или основа слова. Среди слов, образованных таким способом, встречаются разные тематические группы слов: соматизмы, фитонимы, названия орудий труда и т.д.: *джар-джарай* (*букв.* «слой-слойка») – название одного из отделов желудка человека и животных, образованного из множества слоев; *ул-улай* «глаз-глазок» – также название внутреннего органа, поверхность которого составляет рисунок, напоминающий форму глаза; *хьурхьур* «волдырь», *бад-бад* «гребешок петуха» (состоит из множества одинаковых зазубрин), *яр-ярар* «молотильные

доски» (в них снизу выдалбливается множество углублений, в которые вкладываются каменные осколки для резки соломы), *ц1ип1-ц1ип1ар* «ресницы», *бакь-бакьай* «мать-и-мачеха» (растет скученно, много листьев на одном месте), *нис-нисай* – название съедобной травы (на одном стебле множество круглых листочков на веточках) и т.д. В семантике большинства таких слов можно выделить сему «однородное множество».

В данную группу слов можно включить и такие слова, в которых второй элемент представляет собой чаще всего слово той же тематической группы, но с противоположным значением: *1аттеф-бур1еф* «всякие калеки» (*букв*. «хромые и тому подобные, второй элемент не переводится»), *1елеф-ухаф* «еда» (*букв*. «еда-питье»), *х1аф-биц1иф* «от мала до велика» (*букв*. «младший-старший»), *кан-лек* «одежда-обувь», *г1анар-джанар* «потроха», *иджеф-1аеф* «всякое» (букв. «хороший-плохой»).

Среди редуплицированных образований в агульском языке можно выделить также слова со звукоподражательной или звукосимволической редупликацией: *зигзигай* «борона». Р.И.Гайдаров и Н.Б.Эседулаев выделяют большой пласт таких удвоенных слов в лезгинском языке, среди которых самое большое количество образуется простым повторением слова или одной из его форм без всякого изменения: *фад-фад* «быстро», *кура-кура* «в розницу», *т1уб-т1уб* «крупными каплями (о слезах)», *чиз-чиз* «заведомо зная; будучи в курсе дела» и др. [Гайдаров 2000:70].

Второй элемент в таких редупликациях может быть заимствованным словом с тем же значением, которое нового смысла не вносит, а как бы усиливает значение первого: *ч1ал-джуваб* «слово-ответ» = ответ, *мурад-матлаб* «желание-желание» = мечты, желания. Например, *Тукарик кие ц1абар чве мурад-матлаб фие* «Лепестки на цветочках, каковы ваши желания и мечты» (из агульской народной песни).

Безусловно, относя большинство таких слов к области морфологии, нельзя не отметить, что многие из них по структуре являются

словосочетаниями, чаще всего устойчивыми наименованиями и поэтому должны быть рассмотрены во фразеологии. Подобные конструкции отмечаются и в других дагестанских языках, например, в лезгинском: *ст1ал-ст1ал* «по капле», *луьжен-луьжен* «рядами», «*диде-буба* «отец-мать» = родители, *ччилер-завал* «земли-небеса»= мир, вселенная, *гафар-ч1алар* «слова–песни» = разговор, речь, пустой разговор. (У.А. Мейланова относит подобные единицы к сложным словам [Мейланова1960:42]); в даргинском: *бекI гIниз* «основной родник» (*букв.* «голова родник»); *хьунул адам* «женщина» (*букв.* «женщина человек»); *букIун урши* «пастушок» (букв. «пастух мальчик»); *бекI някь* «кисть руки» (*букв.* «голова рука»); *Москва шагьар* «Москва город» = «город Москва»; *бецI мурул* «волку подобный, храбрый человек» (*букв.* «волк мужчина»); *мирхъи кани* «работяга, который сдержан в пище» (*букв.* «пчела желудок»).

Существительные, выступающие как слова-атрибуты в форме именительного падежа, выражают как бы сравнение одного предмета с другим и употребляются в таком значении в роли прилагательных, образованных от имени существительного, в сочетании с частицей *гъуна*. Например: *арцла гIярчумаг рурси* "девушка (изящная), как кнут из серебра" – букв."серебряный кнут девушка" употреблено вместо *арцла гIярчумаг-гъуна рурси* "девушка такая изящная, как кнут из серебра" и т.д. [Гусейнова 2002: 83-84].

Особую группу также составляют устойчивые сочетания с мимео-изобразительным компонентом в агульском языке.

Мимео-изобразительные слова составляют широкий пласт лексики агульского языка. Многие из таких образований входят в состав устойчивых сочетаний в качестве именного компонента, второй компонент которых обычно представлен инфинитивом различной семантики; продуктивнее всего в таких сочетаниях использование инфинитива *акьас* – «делать» (*т1ап1 акьас* «нашлепать»). Как уже отмечалось, статус таких слов в

дагестановедении однозначно не определен: их называют сложными глаголами, аналитическими конструкциями, составными глаголами, но суть в том, что они воспроизводятся целиком, первый элемент предполагает только определенный глагол. На важную роль таких слов в лексике дагестанских языков указывают И.Х. Абдуллаев [Абдуллаев 1979:168], Д.С. Самедов [Самедов 1975:46-55] и др.

В соответствии с их мотивированной семантикой, образной основой мимео-изобразительные слова можно подразделить на две группы:

1) звукоподражательные слова.

2) образноподражательные слова.

Звукоподражательные слова – это интересный пласт слов, передающих звуками человеческой речи, звучание того или иного предмета как живой, так и неживой природы. Интерес эти слова вызывают и тем, что они свидетельствуют о специфике языковой картины мира разных народов. Наличие таких слов в языке подтверждает как его универсальный характер (одинаковый способ отражения мира у всех людей), так и специфику человеческого языка, индивидуального языка: каждый язык по-своему «слышит» эти звуки.

В агульском языке подобные звукокомплексы встречаются в основном только в составе устойчивых словосочетаний. Сочетаются они с глаголами *акьас* «делать», *йирх1а*с «бить, ударить», которые выступают в качестве вспомогательного компонента данных конструкций: *жварт1 акьас* – 1. «падать плашмя» , 2. «дать пощечину (подражание при ударе)»; во втором значении обычно употребляется в составе трехкомпонентного словосочетания – *жварт1 акьуна г1агъиянас*, где *жварт1* означает «жварт1в сделав, ударить». Комплексы анализируемого типа могут выражать аспектуальность, однократность/многократность, повторяемость действия и др.

Например. в некоторых конструкциях сочетание звукоподражательного элемента в форме ед. ч. с глаголом *акьас* «делать» передает однократность действия: *ч1емп1 акьас* «чмокать при еде» (*букв.* «*ч1емп1* делать»). При сочетании этого звукоподражательного слова с глаголом *йирх1ас* «бить» реализуется значение многократности действия – *ч1емп1 йирх1ас* (*букв.* «*ч1емп1* бить»).

На многократность действия указывает редуплицированная форма звукоподражательного элемента: *гъварч1-гъварч1 акьас* «хрустеть при жевании (капусты, моркови)»; *жинкь-жинкь акьас* «хрустеть (о снеге)»; *тахъ-тахъ* // *т1акь-т1акь акьас* «стучать». Повторяемость действия в подобных конструкциях может быть маркирована и формой множественного числа именного компонента. Ср.: *парт/патрат акьас* – 1. «упасть (о книге)»; 2. «встряхнуть (крыльями птицы)». *Парт* – в форме единственного числа, указывает на однократность действия; *патратар акьас* (аффикс *-ар* – показатель множественного числа) – передает звуки, неоднократно издаваемые при встряхивании; *ц1ар-ц1арар акьас* «визжать (о плаче ребенка)» – также многократность действия.

Все отмеченные способы выражения многократности могут накладываться друг на друга, образуя многослойную семантику: *бугъ-бугъар акьас* «ворчать» / *бугъ-бугъар йирх1ас* «ворчать» (*букв.* «*бугъ-бугъ* бить»), основой для образования слова *бугъбугъай* «шмель» также служит повтор данного элемента. Мотивационная основа слова «шмель» в агульском языке явно носит образно-ассоциативный характер, что говорит о возможностях переосмысления звукоподражаний на основе эмоционально-образного осмысления носителями языка окружающих предметов живой и неживой природы.

Анализ различных точек зрения на проблему разграничения сложного слова и словосочетания высвечивает сложность обозначенной проблемы и неоднозначность ее решения на материале различных дагестанских языков.

Большинство исследователей при решении этого вопроса исходят из формальных признаков. Отсутствие единых орфографических норм вносит разнобой в написание однотипных конструкций не только в разных дагестанских языках, но и в одном и том же языке, что влечет за собой и различную интерпретацию их: как сложных слов или словосочетаний.

Учет отмеченных выше критериев разграничения сложного слова и словосочетания (фонетический, морфологический, семантический, синтаксический и др.) послужит, на наш взгляд, основанием для решения поднятой проблемы, хотя должны признать, что однозначный ответ на все вопросы дать невозможно ввиду динамичности самого языка, а также нерешенности многих проблем морфологии и синтаксиса как агульского, так и других дагестанских языков.

1.3. Типы словосочетаний по структуре

В структурном отношении словосочетания агульского языка так же, как и во многих других языках представлены простыми, сложными и комбинированными словосочетаниями.

В понимании самих терминов «простые», «сложные» и «комбинированные словосочетания» у лингвистов нет единого понимания.

К простым словосочетаниям в дагестановедении относят, например, «и такие трёхсловные сочетания, как глагольные словосочетания с зависимым компонентом — послеложной конструкцией, так как послеложные конструкции из двух слов (служебного послелога и знаменательного существительного) по отношению к главному глаголу образуют один зависимый компонент» [Гебекова 2009:36], к сложным – образованные при помощи трех и более компонентов.

Хотя вопрос об объеме словосочетания и не стоял в центре внимания исследователей и теоретиков синтаксиса русского языка, почти все они в той или иной степени касались данной проблемы.

Так, например, двучленность словосочетания подчеркивается А.А. Реформатским. Как наиболее употребительные, состоящие из двух полнозначных слов, отмечаются простые словосочетания у В.В. Виноградова.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к простым словосочетаниям большинство исследователей относит словосочетания, состоящие из двух полнозначных слов, к сложным – словосочетания, образованные из трех и более полнозначных слов.

Отмечая в составе сложного словосочетания наличие трех и более полнозначных слов, Н.Н. Прокопович подчеркивает, что «сложные словосочетания всегда парны: в основе их всегда лежит модель простого, двучленного словосочетания» [Прокопович 1966:67].

Каковы пределы распространения простого словосочетания?

Б.Г.-К. Ханмагомедов отмечает, что «это зависит от способности того или иного словосочетания (его стержневого слова) распространяться в предложении другими словами, сохраняя при этом свою номинативность и не переходя в предложение» [Ханмагомедов 1970:24].

Анализ работ, посвященных данному вопросу, показывает, что исследователи в основу деления словосочетаний по этому признаку кладут разные принципы [Османова 1970, Исаев 1982, Сулейманова 1980, Гюльмагомедов 1991-1992, Юзбекова 2010, Каручева 2006, Гебекова 2009 и др.].

Так, например, А.Г. Гюльмагомедов в лезгинском языке выделяет двучленные, состоящие из двух компонентов, многочленные, в которых главный член имеет при себе два и более зависимых члена, соединяющихся с главным членом по значению и наличию подчинительной связи.

Многочленные словосочетания могут быть простыми, сложными и комбинированными. К комбинированным словосочетаниям автор относит такие, в которых «зависимый член имеет при себе свой зависимый член» [Гюльмагомедов 1991-92:278].

В «Русской грамматике» комбинированными словосочетаниями называются словосочетания, которые образуются на основе связей, исходящих от разных стержневых слов; зависимое слово в таком словосочетании одновременно само является стержневым такого простого (или сложного) словосочетания: *увлеченно читать интересную книгу* [РГ 1980: 82].

П.А. Сулейманова в лакском языке выделяет простые и сложные словосочетания. Относительно образования сложных словосочетаний отмечается, что «…они образуются путем распространения компонентов простого двучленного словосочетания и, не теряя своего номинативного единства, а также своих семантических функций, выражают в новом осложненном виде еще более расчлененное, конкретизированное понятие» [Сулейманова 1989:10.].

С.К. Сулейманова, анализируя именные словосочетания аварского языка, выделяет: простые (бинарные), к которым относит словосочетания, состоящие из двух и более полнозначных компонентов (определяемого и определяющего) и сложные (многочленные). Словосочетание, состоящее из трех полнозначных слов, также считается простым, если определительная часть неделима с точки зрения семантики. Сложные словосочетания образуются на базе простых словосочетаний и являются продуктом их распространения [Сулейманова 1980:27].

Отмечая наличие в аварском языке простых и сложных словосочетаний, З.Г. Гебекова подчеркивает, что «классификационный анализ в разных работах строится то на основе структурной организации, то на основе объема, хотя трехсловные по объему словосочетания могут быть и

простыми, и сложными, и комбинированными. Ср. например, в русском языке*: человек преклонного возраста* (простое), *сильный удар наотмашь (*сложное: главный компонент распространен при помощи разных видов подчинительной связи), *поехать на новой машине* (комбинированное: представляет собой комбинацию двух простых словосочетаний: «новая машина + поехать на машине»)» [Гебекова 2009:34].

Анализируя глагольные словосочетания лезгинского языка, С.Б. Юзбекова опровергает утверждение Р. Османовой, которая считает простыми словосочетания, состоящие из двух слов, и подчеркивает, что простые словосочетания могут состоять из двух и более слов, если один из компонентов выражен двумя и более словами, образующими один компонент [Юзбекова 2010:33].

Словосочетания агульского языка в свете отмеченных выше признаков делятся классифицируются на простые, сложные и комбинированные:

1. Простые словосочетания состоят из двух и более компонентов, соединенных на основе подчинительной связи: *хьеттин хул* «ручеек воды», *муг1уйин чарх* «арка моста», *булахин хьед* «родниковая вода», *машиниъай вес* «ехать машиной», *ц1а кихьас* «разжечь огонь», *к1уч1 кик1ас* «пришить пуговицу», *тег1ди гьуккас* «быстро бежать», *ибг1а хьед* «теплая вода, *гьава хал* «высокий дом», *к1илле меркк* «тонкий лед», *варха г1ар* «дальний луг», *к1урар узас* «деревья посадить», *чукьариг1 аг1екьвас* «сесть в арбу», *хьибугелай пас* «трижды сказать». К этому же типу словосочетаний в агульском языке относятся послеложные конструкции.

Вопрос о выделении послелогов в агульском языке не имеет однозначного решения. Исследователи отмечают немногочисленность этих служебных слов в агульском языке. Р. Шаумян выделяет девять таких слов (*варттал* «над», «на», *к1енакк* «под», *уд (игь)* «около», *кьаб* (кер, кош *кьав*) «за», «после», *г1ан* «внутри», *ар, ара* «между», *бугу(гь)/ багу* «около», *бадалди* «для», «ради», *суман* «как»), отмечая при этом, что «послелоги по

своему строению связаны с соответствующими падежными суффиксами и, смотря по контексту, могут быть использованы также в качестве наречий» [Шаумян 1941: 113]. Что касается последнего отмеченного послелога (*суман* «как»), то мы склонны отнести его к разряду сравнительных частиц.

А.А. Магометов специально на послелогах не останавливается, называет их наречиями-послелогами, приводит только их парадигму [Магометов 1970:171].

З.К. Тарланов выделяет четыре послелога (*бугу, дала, суман, фари*), относя все остальные к локативам [Тарланов 1994:200]. В работе С.Р. Мердановой, в связи с исследованием процессов грамматикализации в агульском языке, также затрагиваются эти вопросы (ниже, во второй главе мы вернемся к этому вопросу в связи со статусом комитативного падежа).

Среди послеложных конструкций можно выделить грамматикализованные конструкции: *дадахъай вес ← дад хъай* «с отцом идти», а также трехсловные конструкции, в составе которых имеются слова (деепричастия, послелоги), относящиеся к главенствующему в качестве единого компонента: *рушра хъай вес* «вместе с девочкой идти», *шиниккв бадала ккихас* «ради ребенка терпеть», *хулан багулив гъузанас* «возле дома постоять».

Такие трехсловные конструкции легко трансформируются в двусловные: *шиниккв бадали ккихас → шиникквдихъас ккихас; хулан багулив гъузанас →хулав гъузанас* и т.д.

Наиболее употребительны такие конструкции в глагольных словосочетаниях, в субстантивных словосочетаниях встречаются реже: *етум бадалан джафабур* «заботы ради сироты». К послеложным субстантивным словосочетаниям близки словосочетания с причастными связками: *начальник <u>иде</u> чу* «начальником <u>являющийся</u> брат».

Двухкомпонентные простые словосочетания представляют наиболее распространенный вид словосочетаний агульского языка.

К простым словосочетаниям относятся также и такие, которые включают в свой состав более двух компонентов, если зависимый компонент (при одном стержневом) представляет собой целостную неделимую по смыслу единицу. Такими компонентами выступают фразеологизмы, послеложные конструкции, ср.: *раккакк кичик1ас* «подложить под дверь», *ччуччуккк* *ц1а кичик1ас* «настропалить брата», второе словосочетание состоит из трех знаменательных слов, два из которых *ц1а кичик1ас* (*букв.* «огонь поджечь») представляют одну цельную единицу – фразеологизм.

К этому же типу относятся и следующие словосочетания: *шиникквдихъ хъударкас* «за ребенком проследить», *хулахъ хьед хъударкас* «дом опустошить, разорить» (*букв.* «дом водой ополоснуть»), *к1ил дивас ачавес* «проведать пойти» (*букв.* «голову тянуть пойти»); *бабан багуливай вес* «идти рядом с матерью», где *багуливай* «рядом» является послелогом, который образует единое целое с существительным *бабан* (р.п.); если опустить данный послелог, то конструкция словосочетания **бабан вес* в агульском языке станет невозможна». Следующие словосочетания подтверждают регулярность образования простых словосочетаний с послелогами-наречиями: *хулан кьабахъ дурх1ас* «позади дома играть», *ккараватин к1енакк кичуч1ас* «под кровать залезть».

В агульском языке так же, как и в других дагестанских языках, широко представлены аналитические формы глаголов, которые тоже рассматриваются как один компонент словосочетания: *кар акьас вес* «работать пойти» (*букв.* «работу делать пойти»), *х1ейван гъурзар акьас* «лошадь остановить».

2. Простые словосочетания могут распространяться, образуя ***сложные*** словосочетания: *ккабанив фачиянас* «пастуху отдать» и *ккабанив дабраг фачиянас* «пастуху сумку отдать». При одном стержневом глаголе два зависимых компонента: глагол *фачиянас* управляет косвенным объектом *ккабанив* (апудэссив) и прямым объектом *дабраг* (им.п.). К этому же типу

относятся и следующие примеры: *шадти мактабиди вес* «радостно идти в школу»– *вес мактабиди* «идти в школу» и *шадтти вес* «радостно идти». Расширение простого словосочетания может происходить присоединением зависимых компонентов сразу к обоим компонентам: *руг аттивас* «грунт вытаскивать»; *1ашу руг аттивас* «мокрый грунт вытаскивать» – сложное словосочетание образовано распространением зависимого компонента *руг* определяемым компонентом *1ашу(ф)* «мокрый»; *бадрабирилди 1ашу аттивас руг* «ведрами вытаскивать мокрый грунт». Последний пример также представляет собой сложное словосочетание, где распространение зависимым компонентом получает как стержневой компонент *аттивас* (*бадрабирилди аттивас* «ведрами вытаскивать»), так и зависимый – *руг* (*1ашу руг).*

Присоединяемый к простому словосочетанию зависимый компонент может относиться к простому словосочетанию целиком, уточняя и конкретизируя его, или к какому-либо его компоненту: *хулагь гьае багъ* «сад возле дома» (букв. «возле дома находящийся сад») и *хулагь гьае бат1ар багъ* «возле дома красивый сад», присоединенный компонент *бат1ар(ф)* «красивый» уточняет стержневое слово *багъ* «сад», *кьац1ра дагу 1урдин мек1ер* «невиданные зимние морозы». Эти субстантивные словосочетания представляют собой результат распространения простого словосочетания. При одном стержневом слове в них можно выделить три простых словосочетания: *1урдин* *мек1ер* «зимние морозы», *кьац1ра дагу* *мек1ер* «невиданные морозы» (букв. «никогда не увиденные морозы») и *кьац1ра дагутттар* «не увиденные никогда». В сложном словосочетании *ч1ирхье машиъай адес* «в неисправной машине приехать» можно выделить два простых словосочетания с разными видами отношений: *машиниъай адес* «в машине приехать» - обстоятельственное и *ч1ирхье машин* «неисправная машина» - атрибутивное.

При образовании сложных словосочетаний агульского языка распространяются обычно те компоненты словосочетаний, семантика которых требует конкретизации, уточнения в силу своих валентностных возможностей. Такими словами в составе глагольных словосочетаний выступают глаголы говорения, речи, валентность которых требует для описания ситуации использования нескольких участников [см. об этом: Магомедова 2006: 317; Сулейманова 1989:11; Юзбекова 2000: 34].

К таким сложным словосочетаниям в агульском языке относятся, например, *шиникквдифас дарс хабар гъушанас* «спросить урок у мальчика»; *хьидин курарихъас дадахъай ахттилатар акьас* «о весенних заботах (*букв.* «делах») с отцом разговаривать». Во втором словосочетании при стержневом глаголе *ахттилатар акьас* «разговаривать» можно выделить следующие двучленные: *дадахъай* (комитатив*)* *ахттилатар акъас* «с отцом разговаривать» – называется объект, который вовлечен в совместный процесс, *курарихъас ахттилатар акьас* «о заботах/делах разговаривать», предмет разговора, внутренний объект, зависимый компонент *курар* в свою очередь также распространяется определением *хьидин курарихъас* «о весенних заботах». Как видим, распространяется как стержневой компонент (глагол), так и зависимый, реализуя атрибутивные отношения.

Среди сложных словосочетаний можно выделить и такие, в которых наблюдается последовательное подчинение: *аварарис ушу рушан к1ирк1ан ц1ак1инариг1ди унахъас* «пригласить на свадьбу сына дочери (той), которая замужем за аварцем» (*букв.* «аварцам замуж вышедшей дочки сына свадьбу позвать»); *агъуларин газитин редактордин кабинет* «кабинет редактора агульской газеты» (букв. «агульской газеты редактора кабинет»).

Проанализированный материал позволяет заключить, что сложные словосочетания агульского языка образуются путем распространения одного из компонентов простого словосочетания или обоих компонентов одновременно. Между компонентами сложного словосочетания, в котором

зависимые слова образуют цепь слов, последовательно присоединяющихся друг к другу, могут складываться также отношения соподчинения.

3. В агульском языке выделяется также ***комбинированный*** тип словосочетаний, к которому относятся словосочетания, представляющие собой соединение нескольких простых или сложных словосочетаний на основе связей, исходящих от разных стержневых слов. .В таких словосочетаниях зависимое слово одновременно само может распространяться зависимым от него словом: *че дадан лап ц1уппе дустт* «хороший друг моего отца». В составе данного субстантивного словосочетания выделяются: *ц1уьппе дустт* «крепкий друг»; *дадан дустт* « друг отца», *че дадан* «нашего отца». Другой пример: *дирецра фай 1уьк1ер уцас вес* «с косой идти косить траву»: *дирецра фай (фиштти?)←**вес** (фикьас? нач?)→ **уцас** (фи уцас?) → 1уьк1ер:* 1) *уцас вес* «идти косить»; 2) *1уьк1еср уцас* «траву косить»; 3) *дирецра фай вес* «идти с косой». Комбинированное словосочетание образовано при помощи синтаксических связей, исходящих из двух стержневых слов, второе из которых является одновременно зависимым от первого: *вес* «идти» и *уцас* «косить». Ср. также: *г1ешкъунилди алуч1уна бат1ар хал акьас* «увлеченно строить красивый/хороший дом»: *хал акьас* «строить дом»; *бат1ар хал* «хороший дом»; *г1ешкъунилди алуч1уна акьас* «увлеченно строить».

1.4. Типы словосочетаний по стержневому слову

Подчинительные соединения слов являются результатом распространения знаменательных частей речи, что служит критерием их классификации по основным группам как глагольных, субстантивных, адъективных, адвербиальных и т.д.

В агульском языке в качестве стержневых компонентов словосочетания могут выступать слова различных разрядов. В зависимости

от того, какой частью речи выражено главное слово, в агульском языке выделяются следующие типы словосочетаний: *глагольные* (стержневое слово – глагол), *адвербиальные* (стержневое – слово наречие), *именные,* которые подразделяются на субстантивные (стержневое слово –существительное), нумеративные (стержневое слово – числительные), адъективные (стержневое слово –прилагательное).

1.4.1. Субстантивные словосочетания

Среди именных словосочетаний наибольшую продуктивность проявляют **субстантивные** словосочетания. В качестве зависимого компонента в таких словосочетаниях могут выступать все имена:

1) ***«имя сущ + имя сущ»:*** *к1ет1айин к1уч1* «ручка лопаты», *г1аран 1уьк1* «луговая трава», *угъалин ун* «шум дождя», *гъвадин мурхьил* «балка потолка», *чукьарин фур* «колесо арбы». Между компонентами словосочетания складываются атрибутивные отношения. Ср. также и фразовые примеры: *Авалдин вахттари* ***хIурин гIедат*** *хьуная, 1уссехьехаб дадар файшуна дагьарилас алайхьаф.* «В давние времена в селении был обычай (букв. «обычай села») сбрасывать со скалы состарившихся родителей». *Гьеме хIуриъ са баб хъудай, дада ухIае кIиркI ахьуная. Джаллайи аркьа гIедат акьуна,чара адавай, файшуная кIиркIа учин йиркIв але дад* ***дагьарин къирагъихъди*** «В этом селе жил парень, которого отец вырастил один, без матери. Когда время подошло, по принятому обычаю, он отвез отца к ***краю скалы***»;

2) ***«имя прил+ имя сущ***»: *ибг1а хьед* «теплая вода», *гъазе гьеч* «зеленое яблоко», *1уьч1е некк* «кислое молоко», *пе1елан якк* «куриное мясо», *назик шинуькк* «худой мальчик». *Лап* ***гьава суван*** *к1енакк алчархьуне час гулунае укьарар* «У подножия ***высокой горы*** обнаружили мы пропавших баранов». *Бат1ар* ***уьрк1е урк1ара*** *рук1уна, дараъас файде* ***даран г1удул ругра*** *афархъай, узунаттар къуншибури чиппин г1анаъ ае елкабур* «Соседи

вырыли глубокие ямы и, присыпая мягкой лесной землей, высадили во дворе своего дома елки».

1экв вей-девей гъайшина ушуна уйи 1уьк1ер уцас 1удар ***х1а чуппар*** «Оба ***старших брата*** на рассвете ушли косить траву»;

3) ***« сущ +местоимение***»:

В качестве зависимого компонента функционируют следующие разряды местоимений:

а) указательные: *те к1ур* «то дерево», *ме хал* «этот дом», *ге тупп* «тот (который вдалеке) мяч»;

б) притяжательные: *че х1ур* «наше село», *ве лекар* «твоя обувь»;

в) определительные: *джалла джеме1этар* «весь народ», *гьер ягъ* «каждый день», *гьер кас* «каждый человек», *к1илди джигьилар* «вся молодежь»;

г) вопросительные: *нае руш?* «которая девочка?», *фи вахттуни?* «в какое время?». Ср. также и фразовые примеры:

Гьер са суал *алихьудегьен, вей дадалди, ягІар аркьай, агъатІуная ми* ***джалла суалар*** «***Каждый раз***, когда задавали вопросы/загадки, он советовался с отцом и отгадал ***все вопросы»*** (из аг. нар. сказки);

4) ***«числительное + сущ».*** Числительные в агульском языке при сочетании с существительными проявляют не изменяются: *хьибу китаб* «три книги», *хьибу китабис* « трем книгам» (букв. «три книгам»), *ери вец* «семь быков», *ери вецуналди* «семью быками».

Порядковые числительные образуются в агульском языке прибавлением к количественным числительным причастия *пеф* «сказанный», формант –***ф*** при этом опускается: *садпе т1инк1ар* «первые капли», *ерхьидпе май* «шестое мая», *якьудпе ягъ* «четвертый день. Ср. также и фразовые примеры: *Ме суал агъатІуф, алихьа мис хъара* ***ерхьидпе суал*** «После того, как он отгадал этот вопрос, ему задали еще и ***шестой вопрос***».

Словосочетания с порядковыми числительными в качестве зависимого компонента так же, как и прилагательные, проявляют определительные отношения. Связь между порядковым числительным (так же, как и между прилагательным) и существительным – примыкание;

5) «*сущ+ причастие»: гъархьунае шиниккв* «спящий ребенок», *арху меджар* «нарубленная зелень», *арг1е къаб* «разбитая посуда». *Дараг1* ***дурх1ае г1уран чаркквар*** *давай, нец1уг1 г1ае балугъара кех1яй аргвай хьуная ли1урас вартталас. Са арайилас керхьуная мин ул* ***куранил алекьунае бугьуйик*** « Орлу сверху было видно не только играющих в лесу зайчат, но и рыбу в реке. Вдруг его взгляд выхватил сидевшую на дереве сову» (Леонардо да Винчи «Орел-насмешник». Пер. с русск. наш – С.Г.).

1.4.2. Адъективные словосочетания

Словосочетания с именем прилагательным в роли стержневого слова – малопродуктивный тип словосочетаний в агульском языке.

Прилагательные в агульском языке образуются от различных частей речи при помощи аффикса ***–ф*:** *уьтт* «мед» - *иттеф* «сладкий», *рях1ет* «спокойствие, облегчение» – *рях1етинф* «легкий, простой», *къакъ* «ноша» – *къикъеф* «тяжелый», *гъван* «камень» - *гъвандинф* «каменный», *сум* «солома» – *суманф* «соломенный»; *тег1ди* «быстро» - *тег1деф* «быстрый», *накь* «вчера» - *накьанф* «вчерашний». Выделяется также ряд качественных прилагательных, образованных при помощи суффиксов *–лу,-суз,- дар,* в основном, это заимствования из тюркских языков: *даллу* «сумашедший», *девлетлу* «богатый», *гуджлу* «сильный», *г1ерсуз* «бессовестный», *1эмалдар* «хитрый», *лайикьлу* «достойный, заслуженный» и др. Представлены также атрибутивные имена без морфологических показателей прилагательного: *кьант1-а* «куцый» (< *кьат1* «обрубок, кусок»), *касиб* «бедный», *ялгъуз* «одинокий», *къурах* «засушливый» (о погоде).

Имена прилагательные, выступают в атрибутивной функции так же, как и во многих дагестанских языках, без морфологического оформления, порядок слов замещает функцию маркера, а в предикативной функции согласуются с существительным в числе. З.К. Тарланов отмечает относительно этой функции прилагательного агульского языка, что «…атрибутивная и предикативная функции прилагательного отчетливо противопоставлены и в том отношении, что только в рамках этой оппозиции проявляется его свойство согласоваться с существительным в числе. Ср.: *идже инсан* – хороший человек, *идже инсанар* – «хорошие люди»; *те инсан иджеф э* – тот человек хороший, *те инсанар иджеттар э* – те люди хорошие» [Тарланов 1994:94].

Разряды прилагательных в агульском языке слабо изучены. В имеющихся исследованиях по агульскому языку этот вопрос обойден вниманием. Только в работе Р.Шаумяна встречаем, что «…В качестве прилагательных также употребляются родительные падежи имен существительных, как, например; агs 'серебро', агsuгan 'серебряный'; kuг 'дерево', кигаnin'деревянный'» [Шаумян 194158].

В зависимости от характера зависимого компонента адъективные словосочетания агульского языка представлены следующими типами:

1) *«сущ в им.п. + прил»: хал кканеф* «дом любящий», *джан киеф* «сильный», *йирк1в алеф* «любимый, ненаглядный», *йирк1в мерттеф* «искренний», *мез киеф* «сладкоречивый». Широко представлены словосочетания этого типа устойчивыми словосочетаниями. К этому типу словосочетаний примыкают словосочетания, в которых зависимое существительное в именительном падеже содержит сравнительную частицу суман «как», *дегьен* «столько»: *баб суман бат1арф* «красивая, как мама», *т1уб суман сувеф* «толстый как палец», *ваз суман ац1уф* «полный как луна». Наличие подобных словосочетаний в табасаранском языке отмечает и Ш. У. Каручева: «…как во всех дагестанских языках, так и в табасаранском особую

группу составляют именные словосочетания, в которых прилагательные сочетаются с именами существительными посредством различного рода уподобительно-сравнительных аффиксов» [Каручева 2006:112].

К данному типу примыкают также словосочетания, с зависимым существительным именительного падежа с послелогом *бадала*: *дад бадала ушуф* «ради отца сходивший»;

2) *«сущ в род.п. п + прил»: йирк1уран г1еджиз* «слабовольный» (букв. «сердца слабый»), *джанарин джикъеф* «низкорослый» (*букв.* «тел короткий»), *курарин зурба* «ловкий в делах», *кьиматарин багьаф* «дорогой по цене»*; к1илин камф* «слабоумный» (*букв.* «в голове недостающий»), *к1алибарин ухшаринф* « телосложением похожий, *суратин бат1арф* «красивый лицом»;

3) «*сущ в дат. п. + прил*: *ччуччус яг1аф* «брату известный», *джаллабирис хабарф* «известный всем», *1уьт1убарис диреф* «шустрый в еде», *хизандис баджаранф* «для семьи заботливый, хозяйственный», *к1илис кучеф* «горячий для головы», *фунис дакканф* «то, что не хочется есть» (*букв.* «животу не желаемое»), *х1аттарис кьабулф* «приемлемое старшими», *бабас кканеф* «матери приятное», *шувас кьабулф* «мужу приятное», *хулас ттур йирх1уф* «для дома предназначенный». Словосочетания, образованные по этой модели, реализуют объектные значения, значения предназначения, адресата. Как показывают приведенные выше примеры, достаточно широко представлены в данном типе адъективных словосочетаний также и фразеологические единицы;

4) *«сущ в суперлатив. п. + прил»: гъургъубарилди зурба* «на словах молодец, храбрец», *дардуни угуф* «от горя сгоревший», *агубарилди бат1аф* «красивый на вид», *дадар-бабарин мех1ял* «окруженный любовью родителей»;

5) Достаточно активно в адъективных словосочетаниях агульского языка в качестве зависимого компонента функционируют существительные в эргативном, а также в локативных падежах:

а) с зависимым компонентом эргативным: *дардари угуф* «горем убитый», *йирк1ура дивуф* «сердцу понравившийся».

б) с зависимым существительным в направительном падеже (постлатив): *багун-к1иларихъди иджеф* «для родственников хороший», *дарахъди багуф* «к лесу близкий»;

в) с зависимым существительным в суперэлативе: *хулалалас гьаваф* «высокий, чем дом», *къизлилас багьаф* «ценный, чем золото», *валадилас кканеф* «любимее, чем родной ребенок», *какъалалас къикъеф* «тяжелее, чем ноша»;

г) с зависимым существительным в форме инструментального падежа, формально совпадающего с суперлативом: *гъургъубарилди иджеф* «по речам – добрый», *агубарилди бат1арф*;

д) с зависимым существительным в постэссиве: *ч1алахъ ц1иялф* «нуждающийся/ожидающий внимания (общения), *х1уппарихъ хъаеф* « пасущий овец»;

е) с зависимым существительным в контэссиве: *даракк ккееф* «под горой находящийся», *муджур ккееф* «бородатый, бороду имеющий».

ж) с зависимым контэлатив: *аргва багварикес ц1уьппеф* « с виду крепкий»;

6) ***«наречие +прил».***. В качестве зависимого компонента в таких словосочетаниях выступают наречия различных разрядов, но наиболее активно употребляются наречия времени, образа действия, *кьац1ра даг1аф* «совсем незнакомый», *лап иттеф* «очень вкусный», *гьемишанди ачухъф* «всегда открытый /приветливый», *гьемишанди иттаф* «постоянно больной». Зависимые компоненты-наречия в таких словосочетаниях могут

охарактеризовать в различной степени, временной и пространственной локализации и т.д.

1.4.3. Местоименные словосочетания

В качестве стержневого слова в именных словосочетаниях агульского языка функционируют также и **местоимения** различных разрядов. Зависимый компонент в таких словосочетаниях может быть выражен: а) существительным в различных падежах: *фушчи хизанарикес* «кто-то из членов семьи», ге касиб «он бедный»; б) причастием (субстантивированным), *гьерф уч1аттарикес* «каждый из поступающих», *найи ичин завалхьеттариг1ас* «кто-то из собравшихся», *даваттар аркьа чун* «вы, балующиеся»: в) местоимением: *фушра гебурикес* «никто из них», *чаб гебур* «они сами».

1.4.4. Нумеративные словосочетания

В составе именных словосочетаний выделяются также непродуктивный пласт нумеративных словосочетаний (стержневое слово – числительное). В качестве стержневого компонента функционируют и количественное, и порядковые числительные, зависимая часть таких словосочетаний чаще заполняется существительными в локативных падежах исходной серии. Именные словосочетания, образованные по этой модели выражают обычно выделительно-определительные отношения.

Зависимый компонент в них может быть выражен: 1) существительным в элативе: *1удпеф гьуккаяттарикес* (контэлатив) «*второй из бегунов*», *х1уриъас (инэлатив) садпеф,* «первый из села», *хьибудпеф к1енаккес* (субэлатив) «третий снизу», *уч1уттарикес* (контэлатив), *садпеф* «первый из поступивших», *1уд иттаттариг1ас* (интерэлатив) «двое из больных», *вартталас сад* «один сверху» 2) существительным в суперэсиве: *кардил*

садпеф «первый на работе», *хураттариг1* «второй из успевающих»; 3) существительным в инэссиве: *уьчурдиъ якьудпеф* четвертый в очереди»; 4) существительным в дативе: *шадвелдис садпеф* «первый для веселья»; 5) существительным в субэссиве: *вершакк сад* (субэссив) «из ста один»; 6) существительным в именительном падеже: 1*удар гъузунаттар* «оба стоящих», *г1ифудара адеттар* «пятеро приехавших»; 7) наречием: *хьибуд удигь* «впереди один», *кьабахъ якьуд* «сзади четыре;8) местоимением: *1уд тебирин* «два их»;9) причастием: *руьхьуттарикес сад* «из сваренных один»: *уд гъайшинаттарикес* «двое из стоящих», *а'туттарикес садра* «ни один из вылупишихся». Ср. также фразовые примеры: *Ратт ац1уная чулле луфари/* ***1уд гебуриг1*** *джагвар луфар г1уйи* «На току полно сизых голубей / и только двое из них белые».

Итак, в нумеративных в словосочетаниях в качестве стержневого слова функционируют порядковые, количественные и собирательные числительные, зависимыми компонентами в них могут выступать существительные во всех сериях местных падежей, но наиболее продуктивны модели с существительным в элативе.

1.4.5. Наречные (адвербиальные) словосочетания

В агульском языке в зависимости от семантики наречия подразделяются на несколько групп: времени, места, образа действия, причины, отрицательные, меры и степени и т.д.

Зависимое слово таких словосочетаний может быть выражено:

1) наречием: *лап 1уьрк1и* «слишком глубоко», *ппара ц1уьпи* «очень крепко»; *цац г1улана « летом прошлого года», накь 1уьшуй «вчера вечером», багами дахи* «рано утром»;

2) именем существительным, местоимением: *хуларигьас вархайи* «далеко от дома», *нандиласчи вартталас* «откуда-то сверху»: хулагъилас хьебайи «низко от крыши», *гилас тег1ди* «быстрее, чем он».

Как показывает приведенный материал, в агульском языке так же, как и во многих других дагестанских языках, обширно представлены наречия, образованные от различных локативных форм имен, что квалифицируется иногда как словоизменение наречий. Как отмечает З.К. Тарланов «…наречия сами по себе не склоняются. Но тот факт, что, во-первых, что многие наречия образуются от падежных форм существительных, с которыми они сохраняют ощутимую связь по ряду моментов; во-вторых, . бесспорную способность локативных наречий сочетаться с аффиксами локативных падежей, следует квалифицировать как факт словообразования, но не формообразования» [Тарланов 1994:192].

1.4.6. Глагольные словосочетания

Стержневым словом в **глагольных** словосочетаниях выступает глагол, а зависимыми компонентами могут быть существительные, наречия, деепричастия, глагол. Зависимые слова в таких словосочетаниях выступают в препозитивной позиции по отношению к стержневому глаголу:

1) **«сущ +глагол».** Это наиболее продуктивный тип глагольных словосочетаний агульского языка, существительные в которых могут выступать во всех падежах, проявляя объектные и обстоятельственные отношения: *хьеяр арх1ас* «стричь шерсть», *г1ад агвас* «звезду увидеть», *хьеттиг1 (интерэссив) аг1архьас* «в воду упасть», *гъвадилди* (суперлатив) *алгъавес* «на крышу подняться», *кунарис* (датив) *ути йирх1ас* «белье погладить», *бурунзиг1ас* (интерэлатив) *ч1ирх1ар г1аттирх1ас* «рис перебирать»;

2) «наречие + глагол». Наряду с существительными, активно выступают в качестве зависимого компонента глагольных словосочетаний агульского языка и наречия, реализуя временные, пространственные отношения.

илгунди аруцас «легко ходить», *бат1арди гъургъас* «красиво разговаривать», *вархайи вес* «далеко идти», *кьанди рукьас* «поздно доехать», *дахи гъайшас* «рано встать», *тег1ди гьуккас* «быстро бежать», *г1улана адес* «приехать летом». Менее продуктивно выступают в качестве зависимого компонента наречия причины и цели. Немногочисленность таких сочетаний в лакском языке отмечает также и П.А.Сулейманова [Сулейманова 1991:72] *кьасустти даес* «специально не прийти», *хъуьлаъастти вес* «назло пойти»;

3) «числ.+глагол». Глагольные словосочетания с зависимым числительным в агульском языке выражают обстоятельственные отношения. В сочетаниях с глаголом в агульском языке встречаются в основном собирательные, кратные и распределительные числительные: *са-сатти рукьас* «по-одному прибывать», *1у-1утти атас* «по двое сажать»; *1удара фит1анас* «обоих запрячь», хьиьбудара гьишас « втроем убежать»; *х1угелай хъучадес* « «два раза/дважды подойти», *сагелай адес* «один раз прийти»;

4) ***«глагол +глагол»*** . В качестве зависимого компонента в таких словосочетания функционирует чаще всего инфинитив, выражая целевые или причинные значения: *уцас айч1вас* «выйти на покос», *хурас вес* «пойти учиться», *дехъес атас* «дать остыть».

1.5. Типы синтаксической связи в словосочетаниях агульского языка

Общеизвестно, что у каждого языка свои специфические правила соединения слов, формального представления (выражения) тех или иных семантико-синтаксических отношений, которые складываются между компонентами синтаксических единиц.

Лингвистической науке известны различные подходы к определению понятия «синтаксическая связь», по-разному описываются также способы её выражения.

Традиционно лингвисты обращали внимание на формальное выражение синтаксической связи. Но уже А.М. Пешковский в своей работе «Русский синтаксис в научном освещении» подчеркивал, что связь между словами при помощи различных средств языка не должна пониматься как нечто внешнее («как звуковая цепь»), абсолютно оторванное от значения: «…формы ставят в известные отношения друг к другу не только *слова* нашей речи, но и те *представления*, которые этими словами обозначаются» [Пешковский 1938:78].

Лингвисты обращают внимание также на то, что «грамматические способы соединения слов проявляются и существуют на фоне определенных лексико-семантических отношений между словами» [Смирницкий 1957: 55]. В этом случае синтаксическая связь рассматривается как формальный способ представления (выражения) тех смысловых (внутренних) отношений, которые складываются между компонентами синтаксических единиц.

Каждое явление грамматического строя по своей природе двусторонне, т.е. имеет как внутреннюю, так и внешнюю сторону. Поэтому при анализе синтаксических связей надо учитывать не только способы формального выражения этих связей, что составляет внешнюю сторону, но и те смысловые отношения, которые складываются между компонентами связи, т.е. учитывать внутренние их отношения.

Понятие синтаксической связи может конкретизироваться и уточняться в различных аспектах, а именно с точки зрения:

а) формального устройства языка;

б) характера элементов, вступающих в синтаксическую связь;

в) языковых средств выражения синтаксической связи;

г) типов значений, передаваемых синтаксическими отношениями [Кибрик 1977: 161].

Обобщенный анализ различных определений подчинительной синтаксической связи позволяет оценить суть этой связи следующим

образом: подчинительная связь – это, прежде всего, такая связь, при которой выделяются главенствующий и зависимый компоненты. Такая универсальная характеристика подчинительной связи для различных языков, естественно, не исключает специфичности средств ее выражения и характера поведения главного и зависимого компонента в каждом конкретном языке.

В дагестанских языках типы синтаксической связи в строгом смысле этого слова все еще не стали предметом специальных исследований, хотя нельзя не отметить, что лингвисты-кавказоведы, рассматривая те или иные аспекты синтаксиса, касались этого вопроса.

Так, например, исследуя связи слов в чамалинском языке, П.Т. Магомедова пишет, что «связь между членами словосочетания устанавливается на основе подчинительных отношений. Для словосочетаний свойствены три вида синтаксических отношений: атрибутивные, объектные и обстоятельственные… Способами выражения синтаксических отношений в чамалинском языке являются согласование, управление и примыкание» [Магомедова 1972:110-111].

З.Г. Гебекова, анализируя разные подходы исследования способов выражения синтаксических связей в аварском литературном языке, отмечает, что «…способы выражения синтаксических связей в аварском и других дагестанских языках следует исследовать не по аналогии с русским языком, а учитывая их специфику и особенности грамматического наполнения в дагестанских языках» [Гебекова 2009: 99].

В качестве одной из таких особенностей автор отмечает следующее: «В глагольных словосочетаниях в аварском языке согласование нами рассматривается как вид подчинительной связи, при которой форма зависимого слова уподобляется формальными показателями форме главного слова в классе и числе. Это особый вид согласования, которое не имеет эквивалентности в русском языке. Средством выражения такого согласования в глагольных словосочетаниях аварского языка являются

классно-числовые показатели зависимого слова (по реально обозначенному объекту) или обоих компонентов» [Гебекова 2009:100].

Что касается агульского языка, то практически все проблемы синтаксиса, в том числе и вопросы синтаксической связи, требуют всестороннего и полного исследования в силу отсутствия специальных работ такого характера.

А.А. Магометов в разделе, посвященном синтаксису, касается только синтаксических связей, отмечая при этом такой вид связи, как «синтаксическая связь имени с именем: определяющее с определяемым в агульском языке не согласуется ни по классам, ни по числам и не изменяется по падежам» [Магометов 1970: 177].

З. К. Тарланов выделяет следующие типы связи между членами предложения в агульском языке:

1) согласование, действующее между качественными словами, выступающими предикативно, и определяемыми – подлежащими: *ругъу хьед* – холодная вода и *хьедар ругъуттар э* – воды холодные;

2) координация, действующая между главными членами в предложениях отождествления (тождества) констатации, локативными падежами и глаголами с локативными превербами;

3) управление (между сказуемым и дополнением);

4) примыкание (примыкают все неизменяемые слова и слова, не изменяемые в определенных синтаксических условиях) [Тарланов 1994:212].

Р.Р. Сулейманова, анализируя в сопоставительном плане синтаксические связи в агульском и французском языках, обращает внимание на позицию компонентов в словосочетаниях: «Основные различия между агульскими и французскими глагольными словосочетаниями заключаются, во-первых, в том, что во французском языке, как и в русском, именной компонент находится обычно в постпозиции, в то время как в агульском – в препозиции, и, во-вторых, в том, что во французском языке

более распространено предложное управление, а в агульском языке, обладающем развитой системой пространственных падежей, в большей степени представлено падежное управление и гораздо реже – послеложно-падежное» [Сулейманова 2011:13].

Если исходить из формального устройства, то в агульском языке можно выделить те же виды подчинительной связи, что и в русском: согласование, управление, примыкание. Но вместе с тем следует отметить, что каждый из этих видов связи в агульском языке имеет свои особенности выражения.

В качестве первого вида формального выражения зависимости в русском языке рассматривается обычно **согласование,** под которым понимают «уподобление формы зависимого слова формам слова главенствующего, такое уподобление осуществляется в тех случаях, когда зависимое слово изменяется по падежам, числам и родам (это прилагательные, включая местоименные прилагательные, порядковые числительные, причастия)» [РГ1980: 17]. Формальным средством выражения такой связи являются окончания зависимого слова.

В современном агульском языке, как и в лезгинском, отсутствует категория грамматического класса, соответствующая в определенной мере категории рода в русском языке, поэтому согласование здесь не может носить точно такой же характер. В этом случае более подходящим, на наш взгляд, для данных языков является понятие согласования, данное в работе А.Е. Кибрика [1977]. Говоря о соотношении понятия синтаксического подчинения с понятием согласования, он отмечает, что согласование «имеет место тогда, когда свободный или связанный признак (а) некоторого слова (х) имплицирует связанный признак (в) другого слова (у), т.е. если слово X имеет свободный или связанный признак а, то слово Y имеет связанный признак в» [там же, с. 174].

Категория класса сохранилась на сегодняшний день во многих дагестанских языках. Так, например, в чамалинском языке компоненты

словосочетания согласуются по грамматическим категориям класса и числа: *гьоъо**й** йагь* «хорошая дочь», *гьоъо**в** вагьа* «хороший сын», *гьаъо**бе** йаги* «хорошие дочери», *гьоъ**бе** вагье* «хорошие сыновья», *гьоъое хваде* «хорошие собаки».

Из языков лезгинской группы грамматические классы сохранились в цахурском (4 класса): первый именной класс объединяет в себе обозначения всех разумных существ мужского пола, названия божеств и святых, а также названия исторически сложившихся мужских профессий; во второй класс входят все обозначения разумных существ женского пола, а также названия мифических существ; в третий именной класс входят названия животных, птиц, насекомых и вещей; в четвертый класс входят названия вещей, наименования ряда неразумных существ, а также названия мифических существ [Ибрагимов 1990:55].

В рутульском языке также выделяются четыре грамматических класса имен [Махмудова 2001:12].

В табасаранском языке выделяются два грамматических класса: класс человека/личности и класс вещей, к которым относятся все животные, предметы, отвлеченные существительные.

В агульском и лезгинском языках грамматическая категория класса утрачена, следовательно, и согласования полного, как в русском языке или в других родственных языках, также нет. Следующие примеры атрибутивных словосочетаний демонстрируют это положение: *гъазе ч1ир* «зеленый луг» – в препозиции находится зависимый компонент, выраженный качественным прилагательным, стержневое слово–существительное стоит в ед.ч., им. п. При изменении формы числа или падежа главенствующего слова зависимое остается в неизменном виде: *гъазе ч1ирар* [мн. ч.] «зеленые луга»; *къикъе к1ур* «тяжелое дерево» – *къикъе к1урар* «тяжелые деревья», *бат1ар хал* «красивый дом» – *бат1ар хулар* «красивые дома».

Приведенные примеры демонстрируют тот факт, что в агульском языке так же, как и в лезгинском, изменение формы числа стержневого слова не приводит к изменению формы зависимого слова.

Не изменяется зависимая форма и при изменении главного слова (субстантива) по падежам: *гъазе ч1ир* (им.п) «зеленый луг», *гъазе ч1ир-ин* (ген.) «зеленого луга», *гъазе ч1ир –ис* (дат.) «зеленому лугу», *гъазе ч1ири* (эрг.) «зеленым лугом» и т.д.

Аналогично ведут себя и формы других зависимых адъективов: местоимений, прилагательных, порядковых числительных, причастий:

зе китаб «моя книга», *зе китабар* «мои книги», *зе китабарис* «моим книгам» (датив), *зе китабарил* «на моих книгах» (лок.);

садпе шинюкк «первый ребенок» (им.п. ед.ч.), *садпе шинюккар* «первые дети» (им. п. мн.ч.), *садпе шинюккарис* «первым детям» (дат.п. мн.ч.) и т.д.; х*уру дарс* «прочитанный урок» (им.п. ед.ч.), *хуру дарсар* «прочитанные уроки» (им.п. мн.ч.), *хуру дарсарис* «прочитанным урокам» (дат.п. мн.ч.).

Отсюда можно сделать вывод, что в агульском языке в именных (=субстантивно-адъективных) словосочетаниях вид связи имеет явные признаки примыкания в силу неизменяемости зависимой словоформы при изменении главного слова.

Привлечение более широкого фактического материала позволило нам выявить в словосочетаниях некоторых разрядов случаи согласования в числе:

1) в именных словосочетаниях, когда в качестве зависимого компонента выступают притяжательные и относительные прилагательные (хотя формально эти разряды прилагательных не выделяются = совпадают с генитивом существительного): *х1учан хьил* (*букв.* «волка след») «волчий след» (им.п. ед.ч.), *х1уч-ар-ин* (*букв.* «волков») *хьил-ар* «волчьи следы» (им.п. мн..ч.), *бабан ч1ал* «мамино слово» (им.п. ед.ч.), *баб-ар-ин ч1алар* «мамины слова» (им.п. мн.ч.); *г1удуран муг* «гнездо куропатки», *г1уд-ар-ин*

муг-ар «гнезда куропаток». Аффикс мн.ч. в зависимом компоненте занимает инфиксальную позицию;

2) при предикативном употреблении качественных слов: *тег1де нец1в* «быстрая река» – *нец1вар тег1деттар э* «реки – быстрые»; *итте гьеч* «вкусное яблоко» – *гьечар иттеттар э* «яблоки вкусные»;

3) согласование в числе наблюдается также в словосочетаниях с зависимым числительным (собирательным): *хьибу х1уб* «три овцы», *хьибуд**ар*** *х1упп**ар*** «все три овцы»; *1у дарс* «два урока», ***1удар*** *дарс**ар*** «оба урока», *ери инсан* «семь человек», *еридар инсанар* «все семеро человек /семеро человек»;

4) согласование в числе наблюдается также в сложных наименованиях, тяготеющих к устойчивым словосочетаниям со значением совокупности: значение *дад-баб* «родители» (*букв.* «отец-мать»), *дадар-бабар* «родители» (*букв.* «отцы-матери»); *къаб-къуджагъ* «посуда», *къабар-къуджагъар* «посуда»; *чи-чу* «близкие родственники» (*букв.* «брат-сестра»), *чияр-чуппар* «братья-сестры»; *иджеф-1аеф* «всякое» (букв. «хорошее-плохое»), *иджеттар-1аетар* «всякая всячина».

Управление определяется как синтаксическая связь, при которой «выбор падежной формы подчиненного слова, определяемый не данной грамматической формой подчиняющего слова (не данной его словоформой), а его свойствами как лексемы» [Ахманова 1966:486].

В русском языке при управлении зависимое слово занимает позицию косвенного падежа (без предлога или с предлогом), обусловленную лексико-грамматическими свойствами господствующего слова: *интересоваться искусством, любовь к родине, читать письмо.*

В русском языке выделяются различные виды управления в зависимости от морфологической природы господствующего слова, наличия или отсутствия предлога при зависимом слове, характера связи между

составляющими словосочетание компонентами, вариативности/невариативности зависимого компонента и т.д.

Особенно распространено глагольное управление существительными, заполняющими его синтаксические валентности.

При управлении в глагольных словосочетаниях зависимый компонент употребляется в форме того падежа, который обычно диктуется семантико-грамматическими свойствами стержневого глагола.

Специфика этого вида связи в дагестанских языках заключается в том, что глаголы переходной семантики управляют падежами не только объекта, но и субъекта. В некоторых дагестанских языках наблюдаются случаи употребления формы эргатива в объектном значении. Такую особенность в аварском языке отмечает З.Г. Гебекова: «…управляемой может быть форма эргатива в объектном значении (чаще): *ручкаялъ хъвазе* «ручкой писать», *т1илаца вухизе* «палкой избить», или субъектном: *гъороца ине* «ветром унести» и т.д.» [Гебекова 2009:102].

Отмечая фундаментальные различия между согласованием и управлением, А.Е. Кибрик пишет, что «согласование универсально для слов некоторого класса. Управление же в общем случае является признаком индивидуального слова, хотя …некоторые модели управления могут быть заданы для класса слов (например, для переходных и непереходных)» [Кибрик 1977:178].

Переходные глаголы в агульском языке управляют именем, требуя оформления зависимого субъекта чаще всего в эргативном падеже или в другой форме косвенного падежа, выбор которого диктуется также и семантико-грамматическими особенностями того или иного глагола.

Семантика глаголов чувственного восприятия предопределяет форму дательного падежа: *гъили**с*** *иттар акьас* «руку повредить», *джаллабири**с*** *унихьас* «все услышали», этого же падежа требуют глаголы физического воздействия: *гъвара**с*** *йирх1ас* «собаку ударить»; семантическая валентность

глаголов, связанных с умственной деятельностью, требует употребления зависимого слова в местных падежах: *ччуччу**хъас*** (постэлатив) *фикирар акьас* «о брате думать», *шиникквари**хъас** хиялар акьас* «о детях думать»; *к1ет1аййилди рук1ас* «лопатой копать», в объектном значении употреблена форма суперлатива, реализующего в агульском языке и инструментальное значение,ср.: *туьлуьнги**лди** рук1ас* «киркой копать» и *муг1уйи**лди** вес* «на мост пойти»; глагол *вес* «идти» предопределяет направительные формы зависимых обстоятельственных слов: *даради* (латив) *вес* «в лес пойти», *х1абабалди вес* «к бабушке пойти», но вместе с тем при данном глаголе реализуются также комитативные формы: *мег1елимди**хъай*** *вес* «с учителем пойти», *абабахъай гъургъас* «с тетей разговаривать». *Гьете къапубригьди э Ч1аъарин инсанар айч1уна уйиф укьас душманари**хъай*** «К тем воротам вышли жители Рича, чтобы сражаться с врагами».

В глагольных словосочетаниях представлен и такой вид синтаксической связи, при котором главенствующий глагол требует формы определенного падежа, но и сам при этом включает показатель (преверб) задаваемой формы: *т1агари**хъ** а**хъ**иянас* «на окно поставить» (постэссив), *гъванди**л** а**л**иянас* «на камень положить» (суперэссив), *хьеттиг**1** гъил **г1**ик1ас* «в воду руку положить» (интерэссив). *Эйчи, зе к1ирк1, /Хьибу исди кафали**хъ** **хъ**ихьина зун /Ме дуьняйил алурц вун* «Если так, мой сын,/ Три года взвалив на спину меня, / Ходи по миру ты» (К.Ахмедов).

Подобная **координация** наблюдается во всех сериях местных падежей. Схожая разновидность управления обнаруживается и при послелогах: *диванин кьаба**хъ** **хъ**учик1ас* «за диван положить», *шкафин вартта**л*** (суперэссив) *а**л**иянас* «на шкаф положить»; *китабарин арайиг**1*** (интерэссив) ***г1**ик1ас* «между книгами положить»; *ученикин удиг**ь*** (антеэссив) *аг**ь**иянас* «перед учеником поставить». Зависимая послеложная конструкция в приведенных примерах состоит из существительного в родительном падеже и послелога в различных локативных падежах; ср. также: *автобусдихъ*

(постэссив) ахъут1анас «ждать автобуса». Там, где в русском языке имеем родительный падеж зависимого компонента, в агульском языке представлен зависимый компонент в локативном падеже.

Такие отношения взаимно обусловленной связи в дагестанских языках выделяют на уровне предложения, субъектно-объектных отношений: «...предикатно-субъектные отношения в даргинском языке не носят ни господствующего, ни зависимого, подчиненного характера друг другу. Их отношения между собой можно назвать взаимной координацией (согласованием) равноправных членов» [Абдуллаев 1171:86].

При координации обе формы взаимно обусловлены лексико-грамматическими свойствами этих слов. Подлежащее и сказуемое соотносят свои формы друг с другом. Внешне такая связь напоминает согласование, но по существу она отличается от нее: 1) согласование – связь односторонняя; 2) согласование осуществляется по всей системе форм, а при координации объединяются две определенные словоформы; 3) при согласовании используются лишь формы слов, а при координации – еще и порядок слов; 4) при согласовании возникают отношения атрибутивные, а при координации – предикативные [Валгина 2000].

В составе глагольных словосочетаний зависимым (управляемым) компонентом могут выступать также имена <u>числительные</u>: *якьуйи**с*** (дат. п.) *пас* «четверым сказать», 1*удпетти**хъас*** (постэлатив) *униъхьас* «про второго услышать»; <u>субстантивированные прилагательные:</u> *гъазеттарике*с (контэлатив*) акьас* «из зелени сделать» *(букв*. «из зеленых сделать»), *иттеттари**хъас*** (постэссив) *руцас* «искать сладости» (*букв*. «сладкие искать»);<u> местоимения</u>: г*ебири**с*** (дат.п.) *шаб пас* «пригласить их»; в*ах**ъай*** (комит.п.) *вес* «с тобой идти».

Материал керенского диалекта обнаруживает некоторые расхождения с собственно-агульским диалектом в управлении: (с.-аг.) *за**хъ*** (постэссив) *хъуттурфанас* «на меня посмотреть» – (кер.) *за**с*** (дат.п.) *хъуттурфас*. Как

видим, в керенском диалекте нет координации с превербом. Ср. также*:* *х1ури**ъди*** (инлатив) *вес* « в село ехать» – *х1ури**с*** (датив) *вес* «в село ехать» (кер.).

Расхождения в управлении по диалектам наблюдаются также и при глаголах движения: в с-аг.: *хулаъди* (латив) *вес* «идти домой» – в кер.: *Ахъуна мерккун маргъар/Хьитти сувас* ***(датив)*** *фадини* «Ледяные глыбы/ В горы принесла вода» (П. Агасиев).

Примыкание определяют как вид синтаксической связи, при котором зависимое (неизменяемое) слово примыкает к главному, зависимость при этом не выражается формально. Её характеризуют и как связь, которая не является ни согласованием, ни управлением [Абдулаев 1971:111]. Возражая против такого определения примыкания применительно к даргинскому языку, З.Г. Абдуллаев отмечает, что, в отличие от русского языка , «в даргинском языке деепричастные и инфинитивные формы, отличаясь своей координацией от соответствующих форм русского языка, могут в то же время примыкать к ведущему члену» [там же, с. 112]. Они снабжаются признаком того или иного грамматического класса.

А. Е. Кибрик полагает, что примыкание имеет место тогда, когда ни одно из пары связанных между собой слов не управляет другим [Кибрик 1977:178].

В агульском языке примыкаемыми словами в атрибутивных словосочетаниях выступают (см. об также и выше):

1) качественные прилагательные: *чулле завар* «синее небо», *жъуьхъе тук* «желтый цветок», *биц1и чу* «младший брат» (в предикативной функции может иметь место согласование в числе);

2) числительные: *хьибу дарс* «три урока», *хьибу хулас* «трем домам» (*букв*. «три домам»); *садпе ягъ* «первый день»; *1удпе мартабилди* «на второй этаж». Зависимым компонентом в глагольных словосочетаниях могут выступать также кратные и разделительные и числительные: *1удпегелай*

рукьас «во второй раз дойти», сагелай *х1ат1а аттархьас* «один раз ошибиться»; *са-сатти ачадес* «по-одному заходить», *я-якьутти йиянас* «по четыре ставить»;

3) в глагольных словосочетаниях зависимыми компонентами, примыкающими к глаголу, являются:

а) наречия: *тег1ди вес* «быстро идти», *явашшти гъургъас* «медленно разговаривать», *хъулаъастти даес* «назло не прийти», *хабди адес* «потом прийти», *мисаъ рук1ас* «здесь копать», *гьавайи алттвес* «высоко лететь», *ц1уьппи фацанас* «крепко держать»;

б) инфинитив: *уджас алиянас* «жарить поставить», *уцас вес* «косить пойти», *хурас гьикас* «учиться отправить», *гъархьас экьвас* «спать остаться», *кквал акьас гьикас* «раздавать отправить»: *Угъалар угъастти 1уьк1ер* ***дивас хъучархьас****, 1уьш акьуна экьуне инсанар* «Чтобы до дождей успеть собрать сено, люди с ночевкой остались на сенокосе». *Ц1адабур, хунзахар хъуттурфанас вейи ги акьу ибхьин будаярихъ* «Цадинцы, хунзахцы приходили посмотреть на снежные фигурки, которые он делал» (Р. Гамзатов. Мой Дагестан). *Трудовой фронтиъ лиханас гьикайи дег1вин вахттуни хумбеф-идеми дагъай* «Во время войны на трудовой фронт работать отправляли и женщин, и мужчин» (*букв*. «женщина/мужчина не говоря отправляли»). *Х1уриъ амилгу 1усеттарна биц1и шиникквар монголо-татарин душманари, Убратт агъа мукьуйил завал акьуна, гебирилас х1ейванар алттвес акьуфе* «Собрав всех оставшихся в селе стариков и маленьких детей в местности Убрат, монголо-татары пустили по ним лошадей» (*букв*. «пройти сделали по ним лошадей» (из материалов телепередачи «Магъу-дере»);

в) деепричастия: *уч1уна адес* «поступив вернуться», *г1ихьуна руьхьес* «положив сварить», *завал акьуна фачиянас* «собрав отдать», *гъадивуна ахъатас* «подняв забросить», *кейхьуна атас* «повесив оставить», *хъихьуна дахъас* «зацепив открыть». *Ичира, ч1аъарифас хьуная, алгъушуна Хажи-*

жаяр агъа са гьава дагьарилди, джинихьвас «И все же, ричинцы смогли, поднявшись на высокую гору Хажи-жаяр, спрятаться». *Йирх1уна чанг гварас ушуне Сакинат булахиккди* «Схватив кувшин, пошла Сакинат к роднику».

Из вышесказанного о примыкании в агульском языке следует, что признаками данной подчинительной связи обладают как сочетания слов, демонстрирующие собственно примыкание (при морфологически неизменяемых зависимых словах), так и конструкции (адъективно-субстантивные), не характерные для русского языка.

Следовательно, не все то, что традиционно в ряде исследований по дагестанским языкам характеризуется согласованием, имеет признаки формального согласования. Из приведенных выше примеров явно выделяются случаи избирательного согласования в числе и в падеже, но не по классу.

Глава 2. Структурно-семантическая классификация именных словосочетаний агульского языка

*2.1.*Именные словосочетания агульского языка (общие сведения)

Именные словосочетания – объект активного изучения поскольку, наряду со словами, они являются основным средством расширенной номинации предметов и явлений.

Грамматическая структура и семантика именных словосочетаний разных языков, как отмечает Л.С. Балапанова, были предметом пристального внимания отечественных и зарубежных лингвистов в разные периоды истории языка, темой защищенных диссертаций [Ярцева 1955; Прокопович 1966; Бурлаков 1975, 1984; Виноградов 1975; Почепцов 1976; Филичева 1969; Тер-Минасова 1981, 1986; Скобликова 1990; Сучкова 1998; Бобоходжаева 2000; Sears 1971; Levi 1978; Coppen 1991; Brugman 1996; Monnink 2000, Иванова 2003].

Как было отмечено выше, именными называются словосочетания, в качестве стержневого слова в которых выступает имя: чаще всего – это имя существительное, но может быть и прилагательное (*адъективные*), числительное, местоимение. В некоторых работах среди именных словосочетаний выделяется группа субстантивных словосочетаний с главным словом-субстантивом.

Среди субстантивны***х*** словосочетаний в агульском языке можно выделить словосочетания, в качестве зависимого компонента в которых могут выступать существительные, прилагательные, местоимения, числительные, причастия, инфинитив, наречия:

а) с существительным в качестве зависимого слова: *хулан муртт* «угол дома», *к1уранин кул* «ветка дерева»*, угъалин т1инк1ар* «капли дождя», *г1анан цал* «ограда» (*букв.* «стенка двора»), *китабин ттур* «название книги», *нец1ун къирагъ* «берег реки», *хьеттин т1инк1* «капля воды», *берх1емин гъилив* «рукав платья»; *к1ет1айин к1уч1* «ручка лопаты», *г1аран*

1уьк1 «луговая трава», *угъалин ун* «шум дождя», *гъвадин мурхьил* «балка потолка», чукьарин фур «колесо арбы». Между компонентами словосочетаний данного типа складываются атрибутивные отношения:

Авалдин вахттар ***хIурин гIедат*** *хьуная 1уссехьехаб, дад файшуная дагьарилас алайхьуб* «В давние времена в одном селении был обычай (букв. «села обычай») сбрасывать со скалы состарившихся родителей». *Гьеме хIуриъ са баб хъудавай, дада ухIае кIиркI ахьуная. Джаллайи аркьа гIедат акьуна, чара адавай, файшуная кIиркIа учин йиркIв але дад* ***дагьарин къирагъихъди*** « В этом селе жил парень, которого без матери вырастил отец. Когда время подошло, по принятому обычаю, он отвез отца к ***краю скалы***» (из аг.сказки);

б) с прилагательным в качестве зависимого слова: *к1илле бахтта* «тонкая лепешка», *чулле ягълукъ* «синий платок», *рукьан ракк* «железная дверь», *х1учан ав* «волчий вой»; *ибг1а хьед* «теплая вода», *гъазе гьеч* «зеленое яблоко», *1уьч1е некк* «кислое молоко», *пе1элан якк* «куриное мясо», *назик шинуькк* «худой мальчик». *Лап* ***гьава суван*** *к1енакк алчархьуне час гулунае укьарар* «У подножия ***высокой горы*** обнаружили мы пропавших баранов». Р*ук1уна бат1ар* ***уьрк1е урк1ара,*** *афархъай дараъас файде* ***г1удул ругра,*** *узуная къуншибури чиппин г1анаъ елкабур* «Вырыв глубокие ямы, присыпая мягкой лесной землей, высадили соседи во дворе своего дома елки».

1экв вей-девей гъайшина ушуна уйи 1удар ***х1а чуппар*** *1уьк1ер уцас* «Оба ***старших брата*** на рассвете ушли косить»;

в) с местоимением в качестве зависимого компонента. В качестве зависимого компонента функционируют следующие разряды местоимений:

а) указательные: *те к1ур* «то дерево», *ме хал* «этот дом», *ге тупп* «тот (который вдалеке) мяч»;

б) притяжательные местоимения: *че х1ур* «наше село», *ве лекар* «твоя обувь»;

в) определительные местоимения: *джалла джеме1этар* «весь народ», *гьер ягъ* «каждый день», *гьер кас* «каждый человек», *к1илди джигьилар* «вся молодежь»;

г) вопросительные местоимения: *нае руш?* «которая девочка?», *фи вахттуни?* «в какое время?». Фразовые примеры:

Гьер са суал *алихьудегьен, вей дадалди, ягIар аркьай, агъатIуная ми* ***джалла суалар*** «***Каждый раз***, когда задавали вопросы/загадки, он советовался с отцом и отгадал ***все вопросы*» (**из аг. нар. сказки);

г) с числительным в качестве зависимого компонента**.** Количественные числительные в агульском языке сочетаются с существительным в им. падеже: *хьибу китаб* «три книги», *ери вец* «семь быков», *ери хал* «семь домов».

Порядковые числительные в агульском языке образуются прибавлением к количественным числительным причастия *пеф* «сказанный»: *садпе т1инк1ар* «первые капли», *ерхьидпе май* «шестое мая», *якьудпе ягъ* «четвертый день». Ср. также и фразовые примеры: *Ме суал агъатIуф, алихьа мис хъара* ***ерхьи суал*** «После того, как он отгадал этот вопрос, ему задали еще ***шесть вопросов***».

В словосочетаниях с порядковыми числительными в качестве зависимого компонента так же, как и с прилагательными, реализуются атрибутивные отношения. Связь между порядковым числительным (так же, как и между прилагательным, причастием с существительным) и существительным – примыкание;

д) с причастием в качестве зависимого компонента: *гъархьунае шиниккв* «спящий ребенок», *арху меджар* «нарубленная зелень», *арг1е къаб* «разбитая посуда». Ср. фразовые примеры: *Дараг1* ***дурх1ае г1уран чаркквар*** *давай, нец1уг1 г1ае балугъара кех1яй аргвай хьуная ли1урас вартталас. Са арайилас керхьуная мин ул* ***куранил алекьунае бугьуйик*** « Орлу сверху было видно не только играющих в лесу зайчат, но и рыбу в реке. Вдруг его взгляд

выхватил сову, сидевшую на дереве» (Леонардо да Винчи «Орел-насмешник». Пер. с русск. наш – С.Г.);

е) с инфинитивом в качестве зависимого компонента: *ахъакьас яг1архьеб* «умение рассказывать», *вес ният* «намерение пойти»;

ж) с наречием в качестве зависимого компонента: *лекулди ккируцуб* «прогулка пешком», *гъилилди 1уьччуб* «стирка вручную».

В качестве зависимого компонента в адъективных словосочетаниях чаще всего выступают:

а) имена существительные: *джанарин ирхеф* «телом высокий», *агубарин бат1арф* «красивый на вид», *умматилди девлетлу* «богатый родней»;

б) местоимения: *час герекф* «нужный нам», *чиппис нушф* «приятный им»; *лап ч1ирх1еф* «очень плохой»;

в) *г1улиндалди ибг1аф* «по-летнему теплый»; *к1едж суман илгунф* «легкий как бумага» (см. об этом ниже) и др.

Словосочетания с именем ***числительным*** в роли главного слова: *хьибудпеф вартталас* «третий сверху», *1уд гебурикес* «два/двое из них», *г1ифудпеф экьунаттарикес* «пятый из сидящих». Выделяются также именные словосочетания с местоимением в роли главного слова: *гьерф хьекес* «каждый из нас», *чин бабахъай* «мы с матерью».

В качестве стержневого компонента могут выступать также фразеологические единицы, о них будет сказано специально (см. об этом ниже).

Характеристика словосочетания как одной из синтаксических единиц языка должна быть дана в различных аспектах: а) в формальном; б) семантическом; в) функциональном; г) коммуникативном.

В основу формальной классификации словосочетаний положен принцип принадлежности определяемого компонента к тому или иному

классу слов. Детализация такой классификации позволяет выделить модели словосочетаний с учетом следующей информации:

а) принадлежности стержневого компонента к тому или иному классу слов;

б) количества составляющих компонентов;

в) синтаксических отношений между компонентами словосочетания, рассматриваемых в отвлечении от их конкретного наполнения;

г) наличия или отсутствия предлога и морфологической формы определяющего компонента;

д) порядка расположения компонентов [Молошная 1975:25].

Изучение словосочетаний в различных языках показывает, что закономерности их построения обусловлены не только грамматическим строем того или иного языка, они характеризуются также взаимодействием грамматических явлений с семантическими.

Еще в конце XIX века традиционные грамматики обращали внимание на семантические функции падежных форм в предложении. Начиная со второй половины XX столетия, после выхода работ В.В. Виноградова, Г.А. Золотовой и др., усиливается интерес к семантике синтаксиса. Более пристальное внимание обращается на слово, которое, как известно, рассматривают в качестве единицы различных уровней (лексического, морфологического и синтаксического), что повлекло за собой выделение [минимального звена синтаксической цепи] синтаксемы, т.е. такого минимального звена синтаксической цепи, которым становится слово, вступившее в отношения с другими звеньями [Золотова 1982:48]. При выделении этой единицы учитывается не только формальная стороны, но и семантика: «Взаимодействие семантики и морфологии создает языковую единицу с определенными синтаксическими потенциями, обусловливающими ее возможные отношения с другими звеньями синтаксической цепи» [Там же: 49]. Именно благодаря учету семантики и

морфологии слово приобретает возможность вступить в тот или иной тип словосочетания или предложения.

Термины *сочетаемость и валентность* в современной языковедческой литературе имеют различное толкование. Тем не менее, эти термины используются и как абсолютные синонимы. Встречается также мнение, согласно которому термин «валентность» чаще употребляется в зарубежной лингвистической литературе, а термин «сочетаемость» – в исследованиях отечественных языковедов. Вопрос о статусе *сочетаемости* как особом лингвистическом термине возник после появления в 40-х годах XX века в трудах С.Д. Кацнельсона другого синонимичного термина «валентность» (от лат. *valentia* – сила). В западноевропейской лингвистике данный термин был впервые введен Л. Теньером применительно к описанию сочетательных потенций глагола.

В диссертации Н.В Юдиной предлагается следующее понимание данного термина: «Термин «валентность», исходя из его первичного (специального, химического) значения, может означать способность единиц одного порядка вступать в сочетания друг с другом и, как кажется, может быть применим, прежде всего, по отношению к слову как основной единице языка. Кроме того, следует различать валентность языковую, которая представляет собой *потенциальную* способность языковой единицы сочетаться с другими, и валентность речевую, которая не всегда может соответствовать этим потенциальным способностям сочетающихся языковых единиц и даже - более того - нарушать традиционные закономерности соединения (напр., оксюмороны). Вместе с тем, под сочетаемостью следует понимать *конкретную реализацию* данной способности слова, которая обнаруживает себя в дискурсивном употреблении и может быть выявлена и изучена на основе анализа конкретного языкового материала» [Юдина 2006:11].

Национальная специфика различных языков находит свое выражение в особенностях структуры словосочетаний (в сильных или слабых синтаксических связях), а также в различной лексической сочетаемости слов.

Вопросы сочетаемости слов, валентностных возможностей слов получили освещение в лингвистической литературе, посвященной вопросам и морфологии, и синтаксиса. Речь идет о таких словосочетаниях, функционирование и порождение которых обусловлено семантикой одного из компонентов словосочетания.

Именно в словосочетаниях слова «приспосабливаются» друг к другу не только в формально-грамматическом плане, но и в плане семантическом, используя то или иное значение многозначного слова для передачи определенных семантико-синтаксических отношений, создавая необходимое информативное наполнение конструкций [Соседко 1975]. Реализуемое значение многозначного слова может зависеть также от контекста, от окружения, в котором оказывается то или иное слово. «Именно в контексте создается условие, необходимое данному значению в процессе актуализации» [Гришанина 1984:20].

Касаясь особенностей сочетания глаголов, В.П. Сухотин отмечает, что «сочетаемость глаголов современного русского языка определяется в общем тремя неодинаковыми по значению и распространенности факторами:

а) лексико-синтаксическими признаками глагола;

б) его структурно-грамматическими особенностями;

в) лексико-грамматическими признаками зависимого слова» [цитируется по: Богачев 1974: 10].

Сочетаемостные потенции переходных и непереходных глаголов не одинаковы: выделяют семантически валентные и невалентные глаголы, они характеризуются тем, что не нуждаются в каких-либо распространителях, так

как [они] семантически самодостаточны, поэтому могут и не участвовать в образовании словосочетаний.

Особенностями сочетаемости отличаются не только глаголы, но и другие разряды слов, в частности, имена. Но реальные и потенциальные возможности глагола как части речи в этом плане шире.

Рассмотрим традиционные случаи сильного управления, в которых реализуются «связанные, управляемые синтаксические формы, которые существуют только как зависимые элементы словосочетаний, заданные господствующим словом словосочетания (*ждать вечера*, *тосковать по дому, сомневаться в товарище* и т.д.) [Морфология и синтаксис 1968: 240]. В лингвистической литературе такие словосочетания называются также и синтаксически неделимыми словосочетаниями [Турутина 1972; Орлова 1975], связанными предложно-падежными и падежными формами» [Акимова 1990:20], которые передают чаще всего объектные и комплетивные отношения [Тимофеева 1998]. «Подобно тому, как черная пленка, на которой не видно изображения, проявляется в определенной среде, так связанные и обусловленные формы проявляют себя, выступают со своим значением лишь в той или иной синтаксической среде, синтаксическом контексте (контекстом служит для связанных форм словосочетание, для обусловленных – модель предложения» [Золотова 1973: 96].

2. 2. Субстантивные словосочетания

Субстантивные словосочетания в агульском языке представлены различными моделями, определяемыми тем, что в качестве зависимого компонента могут быть существительные прилагательные, местоимения, числительные в различных падежных формах.

2.2.1. Словосочетания модели «$С_{ном}$ + $С_{ном}$»

В качестве главной и зависимой части в словосочетаниях отмеченной модели выступают имена существительные в именительном падеже. Именительный падеж является исходной падежной формой, в которой существительное употребляется как название лица, предмета или явления, выступая в предложении как подлежащее или в составе сказуемого в качестве именной его части. Именительный падеж служит в основном для обозначения субъекта и в этом смысле противопоставляется всем остальным, выражающим те или иные объектные, а также обстоятельственные и определительные значения [ГРЯ 1960:118]. В языках эргативного строя, к которым относится агульский язык, именительный падеж служит для выражения субъекта при непереходных глаголах, при переходных глаголах – для выражения дополнения (объекта).

«В каждом языке конкретная падежная форма почти всегда имеет не одну, а много функций… Значения, выражаемые в одном языке одним падежом, в другом языке могут выражаться двумя разными падежами, т.е. с точки зрения употребления однозначного соответствия между падежными системами разных языков установить не удается» [Даниэль М Электр. ресурс].

Слово в именительном падеже может выступать и как определение для другого имени. С.Р. Мерданова отмечает, что в агульском языке «номинатив (именительный, абсолютный падеж), как правило, совпадает с исходной формой. Это падеж субъекта непереходного глагола и пациенса переходного. Помимо этого, номитатив выполняет и другие функции, выражая именную часть сказуемого: *зе* ***гада*** *х1уппахъан э* «Мой сын пастух»; обращения: *Магьият*-*абав, Х1ява хъайинаава мехьтеьбиъас* «Тетя Магият, Хава вернулась из школы?»; приложения: *Гюлегъин руш мег1елим* - гадайис шунаа «Дочь Гюлаги за парня-учителя вышла замуж»; с послелогом *бадала* номинатив указывает и на участника, в пользу которого осуществляется это

действие *ве гада бадала акьу кар э ле зун* «Ради твоего сына я это сделала» [Мерданова 2004:28].

В агульском языке в составе словосочетаний номинатив выражает и другие значения. Словосочетания отмеченной модели выражают определительные отношения. Определяемым компонентом обычно является первое существительное, в сочетании со вторым номинативом при этом реализуется связь примыкание.

В русском языке в структурах такого типа имеет место согласование в числе и падеже: *отличник-курсант, мальчик-поводырь, народ-герой, женщина-врач, баба-яга, диван-кровать* и т.д. В русском языке данные сочетания пишутся через дефис, и поэтому многие исследователи относят их к сложным словам на основании того, что они являются 1) цельнооформленными единицами; 2) традиционная орфография предписывает для них обязательный дефис; 3) ко второму компоненту невозможно вставить определение [Богуславская 1999: 147] .

Некоторые исследователи считают, что порядок компонентов в аппозитивных конструкциях [Молошная 1975:35] произвольный, следовательно, их можно менять местами без изменения смысла словосочетания.

О.Ю. Богуславская аппозитивными конструкциями считает «конструкции из двух имен существительных, в которых зависимый член либо согласован по падежу с главным, либо стоит в максимально немаркированном падеже – номинативе [Богуславская 1999: 146]. Наличие таких конструкций в дагестанских языках отмечают многие лингвисты [З.Г. Абдуллаев, А.Г. Гюльмагомедов, М-С. М. Мусаев, М.М. Гусейнова, Б.Г. Ханмагомедов, Н.Ш. Абдулмуталибов и др.].

Поднимая проблему дифференциации словообразования и фразообразования в дагестанских языках, А.Г. Гюльмагомедов отмечает

разные подходы к выделению сложных слов в дагестанских языках и выделяет следующие группы единиц:

а) образованные с помощью различных суффиксов, префиксов, инфиксов, присоединяющихся к непроизводным основам единиц различных частей речи или к падежным формам имен существительных, например: авар. *пешт1е(й) +ро*» свисток»; арч. *мик1ир+ан* «сновидение», *гъили +кул* «теплота»; лак. *къалай+чи* «лудильщик», *ссят + кар* «часовщик»;

б) образованные сложением непроизводных (чистых) основ, например, авар. *оцх1ут1* «навозный жук» (< *оц* «бык» и *х1ут1* «тля, червь»); арч. *иш-ихъ* «сутки (< *иш* «день» и *ихъ* «ночь»; *аб-ей* «родители»(< *аб* «отец» и *ей* «мать»; лезг. *диде-буба* «родители» (< *диде* «мать» и *буба* «отец»). У различных авторов, исследующих соответствующий материал одного и того же языка, единицы, образованные таким путем, находят различное графическое оформление: они пищутся то слитно, то полуслитно. Орфографические правила литературных языков также не регулируют правописание подобных единиц;

в) единицы, соотносимые со словосочетаниями, например, авар. *ц1адалх1ама* «улитка» (< *ц1адал* род .п. от *ц1ад* «дождь» и *х1ама* (им.п.) «осел»); *ц1урачед* «пирог с начинкой» (< *ц1ураб* причастие от глагола *ц1езе* «начинить» и *чед* «хлеб»); арч. *берхъен-ац1и* «малярия» (< *берхъен* «солнце» и *ац1и* «болезнь»); лезг. *яргъи руш* «радуга (< *яргъи* «длинная» и *руш* «девочка, девушка») [Гюльмагомедов 1996:37]. Отмеченные в пунктах б) и в) случаи А.Г. Гюльмагомедов относит не к словообразованию, а к фразообразованию. Подобные единицы автор относит к фразеологизмам.

С.М. Махмудова рассматривает словосложение как один из продуктивных способов образования слов в рутульском языке и выделяет следующие типы образования:

1) существительное в абсолютном падеже + существительное в абсолютном падеже: *Сайид+бег, Малла+Къурбан* (имена собственные),

лал+быч1 «мак» (*лала* «рубин» и *быч1* «цветок»); *дин-нин* «родители (*дид* «отец» + *нин* «мать»); *хал-лах* «имущество» (*хал* «дом» + *лах* «очаг»);

2) притяжательная форма существительного + существительное в абсолютном падеже: *бычилед-хыли* «род травы» *(бичил* «ласточка» *+хыли* «крыло»); *улид-къав* «веко» (*ул* «глаз» + *къав* «крыша») и т.д. [Махмудова 2001:91].

Такие конструкции достаточно продуктивно представлены и в агульском языке:

бадра-базар «ведро базар» (фруктово-овощной рынок, на котором единицей меры веса служат ведра); *хуьппехъен-к1ирк1* «чабан-мальчик», *духттир руш* «доктор-девушка//дочка», *Х1уч -Муса* «волк Муса» , *Хъехъв-гъун* «название склона горы в с. Тпиг» (*букв*. «Нос-склон», *кадка Кьулбан* «о любителе поесть/выпить» и др.

Оба компонента здесь употреблены в именительном падеже, поэтому возникает проблема определения главного слова. Признаком управления в русском языке является косвенная падежная форма зависимого слова. В агульском языке так же, как и в других дагестанских языках, в именных словосочетаниях подобного типа зависимый компонент предшествует главному. Например: *Ккелахъан- к1ирк1ас* *ппара гуч1 хьуна уйи яг1а: т1ир1ариг1 г1укъу х1уч агуна уйи гис* «Чабан-мальчик очень испугался сегодня: в кустах он увидел застрявшего там волка». Как видим, в аппозитивной конструкции отсутствует согласование в падеже (главное слово *к1ирк1ас* стоит в дательном падеже, а зависимое – *ккелахъан* остается в неизменном виде в именительном падеже). Нет здесь также согласования и в числе: *х1уьпехъен к1ирк1ас агуне* «чабан мальчик увидел», *х1уьппехъен к1ирк1арис агуне*» чабан-мальчики увидели».

Такое же явление мы наблюдаем и в других дагестанских языках: в цахурском: *баба-дидей* «прадед», *йигъ-х'а1м* «сутки», *хыни-хысма* «родня», *хав-уджах* «имущество, дом с имуществом, дом с обстановкой», *кьев-гыней*

«хлебосол», *чей-шакар* «суммарно необходимое к чаю», *абыр-гь'а1йа* «приличие, достоинство, благородство» [Ибрагимов 1990: 86]; в арчинском: *тувхан нокь* «нарядная комната в доме» (*букв.тувхан*-заим. +*нокь* «комната»), *къили ху1рху1* «обжора» (*букв. къили* – «деревянная мерка зерна» + *ху1рху1* «живот»); в аварском: *кьили мег1ер* «седло-гора» (гора, имеющая форму седла) и др.

Среди имён, выступающих в атрибутивных функциях в именительном падеже, имеются и такие существительные, которые в грамматическом и семантическом плане можно квалифицировать как субстантивированные прилагательные в связи с тем, что в сочетании с другими словами они теряют аффикс прилагательных, т.е. в формальном плане они теряют адъективатор.

В составе таких конструкций агульского языка достаточно много слов-компонентов, заимствованных из других языков (*сукъур* "слепой, слепец", *чулакъ* "калека", *г1еджиз* "несчастный, бедный, бедняк", *мискин* "бедный", *кьискьис* "скупой, скупец"): *тавур хал* «нарядная гостиная комната в доме, предназначенная для приема гостей» (*тавур* не пер., *хал* «комната»); *сукъур къала* «слепец» (экспр., с отрицательной коннотацией (*букв. сукъур* «слепец», *къала* – заимств. встречаетс также в составе составного глагола *къала йирх1ас* «лудить»); *кьискьис Кьулбан* «скряга Курбан».

Существительные агульского языка, выступающие как слова-атрибуты в форме именительного падежа, часто имеют компаративную семантику, выражают как бы сравнение одного предмета с другим и употребляются в таком значении вместо прилагательных, образованных от имени существительного и частицы *суман*. Например, *дагьра хъехъв* «топор нос», *дагьра суман зхъехъв г1аяф*, т.е. «тот, у которого нос похож на топор». Такой компонент может выступать как самостоятельное существительное, но этот же компонент может в данном словосочетании быть усеченной формой относительного прилагательного: *дагьра-йи-н*. Первый компонент такого сочетания в то же время отличается от неоформленных прилагательных тем,

что употребляется и отдельно (автономно) от определяемого слова, отвечая на вопрос определения. Этой особенности нет у неоформленных прилагательных или у существительных, которые в силу выполнения определенной функции синтаксически занимают позицию прилагательного (определения).

Об особенностях двойного функционирования подобных лексем свидетельствуют следующие ситуации: можно сказать *х1а к1ил* «большая голова», *алакьу к1ил* «бритая голова» (в данных примерах слово «к1ил» употреблено в прямом своем значении), а в словосочетании *арг1е г1унин к1ил* - «сломанное плечо» слово *к1ил* не образует самостоятельного компонента, а входит в ФЕ, и определение *арг1е* относится целиком к ФЕ *г1унин к1ил* – «плечо». Такие сочетания являются фразеологизмами, неразложимыми сочетаниями и сами могут употребляться в качестве определений: *г1унин к1илин иркк* «кость плеча», *ач1ан урк1ан яккар* «мышцы подмышек» *(букв.* «оврага ямы мяса»).

Словосочетания данной модели образуются продуктивно, определяемыми компонентами при этом служат как нарицательные, так и собственные имена. Словосочетания этой модели могут обозначать:

а) национальную принадлежность: *дарги шуй* «даргинец», *авар халкь* «аварский народ», *турк ч1ал* «турецкий язык», *1уьрус ч1ал* «русский язык». Слово *шуй* может добавляться и к названию населенного пункта, обозначая при этом жителя данного населенного пункта: *Ч1аъ шуй* «ричинец» или «мужчина из села Рича», *Дулдугъ шуй* «дулдугец». В целом жителей того или иного населенного пункта в агульском языке обозначают формой множественного числа от названия населенного пункта: *типпигъар* «тпигцы», *миссиъар* «миссинцы», *гъудгъулар* «хутхульцы» и т.д.;

б) материал, из которого сделан предмет: *къизил чал* «золотая цепь» (*букв*. «золото цепь»), *бухари бармак* «папаха из каракуля» (*букв*. *бухари* от названия города Бухара, так как каракуль возили раньше из Узбекистана);

в) количество, меру: *чувал г1ур* «мешок муки» (*букв*. «мешок мука»), *курушкка хьед* «кружка воды», *бадра ччам* «ведро масла», *къасун 1уьк1ер* «мешок травы», *машин 1уьк1ер* «машина сена», *хуп1 хьед* «глоток воды», *къвац хьей* «клок шерсти» (*къвац* – мера объема чего-либо набираемого: = столько, сколько может захватить рука с растопыренными пальцами), *шут1 кьел* «щепотка соли».

Чаще всего словосочетания подобной модели встречаются в разговорной речи. Большинство словосочетаний данной модели этимологически часто представляют собой стянутые формы более развернутых словосочетаний с той же семантикой, но с редуцированным компонентом глагольной семантики: *чувал г1ур – чувалиъ ае г1ур* «в мешок помещающаяся, в мешке имеющаяся мука» (т.е. столько, сколько помещается в мешок); синонимичной является также конструкция $С_{ном}$ + $С_{ген}$ (*чувал г1урин*), *къвацц хьей* «клок шерсти» – *къваццалаг1 г1ае хьей* «в *къвацц* помещающаяся шерсть», *хир гьечар* «подол яблок» – *хириъ ае гьечар* «столько, сколько можно набрать в подол платья».

Такие конструкции, возможно, имеют психолингвистическую основу, связанную с языковой картиной мира. Они отражают особенности образно-ассоциативного восприятия окружающей действительности.

«…В европейских языках некоторое количество вещества невозможно назвать одним словом – нужна двучленная конструкция, где одно слово указывает на количество (форму, вместилище), а второе – на само вещество (содержание): *стакан воды*, *ведро воды*, *лужа воды*. Уорф считает, что в данном случае язык сам заставляет говорящих различать форму и содержание, таким образом навязывая им особое видение мира» [цит. по: Супрун 1983:54];

г) форма: *к1ватт шалвар* «короб штаны» (так говорят об способе одеваться женщин, которые при выполнении физической работы заправляют платье в шаровары и оттого напоминают короб); *1уьфер сив* «пирог рот»

(рот, по форме напоминающий *1уьфер* – пирог с начинкой полукруглой формы).

Такие конструкции широко представлены в фольклорных, песенных текстах, где первый компонент обычно употреблен с метафорическим сдвигом или имеет компаративное значение:

Ибхь суман джагвар къварикк Под белоснежной аркой

Тук суман Iу руш ккея Цветку подобные две девушки стоят,

Сад ире легIли суманф Одна подобна красному камню (кольца)

Сад к1аре бегIли суманф. Другая подобна черной черешне.

(дословный перевод– С.Г.

В этом фрагменте *бег1ли ул* «черешня глаз» – о круглых, больших черных глазах; *лег1ли ул* «камень (в кольце) глаз»; такие примеры также говорят об особенностях эмоционально-интеллектуального и ассоциативного осмысления окружающей действительности и связаны с фрагментами агульской языковой картины мира;

д) продуктивную группу представляют собой аппозитивные конструкции, одним из компонентов которых является собственное имя. Оно может стоять как в препозиции, так и в постпозиции.

В постпозиции собственное имя является главным компонентом и указывает обычно на:

1) лицо по роду его деятельности, определяет оценку его общественной значимости. Словосочетания, обозначающие профессию, род занятий, в основном представлены двухкомпонентными единицами:

биргадир Кьулбан «бригадир Курбан», *духттир Фат1имат* «доктор Фатимат», *къулугъчи Рамазан* «служащий Рамазан», *къаравул 1уьмар* «караул Омар», *г1ешукь Джигьил* «ашуг Джигьил» *ккирисккум Х1есан* «крестком Гасан»; *закатуфкка-Кьулбан* «заготовка Курбан» (Курбан, который работал в

конторе по заготовке скота), *казначей Салих, маршрутка* Рамазан, *пирккурул Ах1мад* «прокурор Ахмед». Ср. также в лезгинском: *Чекмечи Муса* «сапожник Муса»; *шаир Сулейман Стальский* «поэт Сулейман Стальский»; *къелечи Пирим* «лудильщик Пирим»; *чатун уст1ар Керим* «кузнец» (*букв.* «мастер кузницы») Керим»; у*читель Абдуллагь и др*.

Наличие таких словосочетаний (аппозитивных конструкций), когда именительный падеж выступает определением для другого имени, выражая при этом качественную характеристику, возраст, профессию, должность, специальность и т.д. отмечают: в лезгинском языке – М.М. Гаджиев [Гаджиев 1954: 160], в даргинском – З.Г. Абдулаев [Абдулаев 1961: 93], в аварском – С.К. Сулейманова [Сулейманова 1980: 50-51], табасаранском – Б.Г-К. Ханмагомедов [Ханмагомедов 1970:12-13], они характерны и для некоторых других дагестанских языков [Гасанова 2003: 7-10, Гусейнова 2002, Исаев 2001].

Б.Г.-К. Ханмагомедов высказывает предположение о том, что наличие характеризуемых конструкций в табасаранском языке может быть вызвано влиянием азербайджанского языка, где именительный падеж регулярно выступает в роли падежа определения. Но, как видим, наличие таких конструкций почти во всех дагестанских языках говорит о том, что это явление общее.

2) словосочетания оценочного характера, называющие человека по каким-либо присущим ему индивидуальным качествам или содержащие оценку личности по ее положению в обществе. Сюда могут также входить композиты с нарицательными компонентами.

Особое место среди данных словосочетаний занимают двусловные (двухкомпонентные) словосочетания, одним из компонентов которых является собственное имя, другим – прозвище данного конкретного лица, перешедшее в разряд нарицательных. Иногда прозвища даются по внешним

признакам, иногда – по особенностям характера или по какому-либо памятному событию, связанному с данным лицом.

Данк1 Руслан (данк1-звукоподражательное слово), *бук1 Арсен* «пень Арсен»; *къаскъан Шаг1бан* «горб Шабан»; *г1инч1 Бат1ит1ай* (*г1инч1* – мимика рта при тяжелых физических нагрузках, а *Бат1ит1ай* – женское имя); *к1унт1 Биц1ируш* «кончик Биц1ируш» (имеется в виду кончик носа у женщины, получившей прозвище по форме носа, который был плоским, выступал только кончик); *бика-руш* «красавица девушка» (*Бика* употребляется также как женское имя собственное); *чехир 1эбай* (вино- Эбай) «о любителе выпить» (*чехир* –вино, 1Эбай – мужское имя); *пут Кьубай* (*пуд Кьубай*) «хвастун»; *нос Х1адад* «о человеке с большим носом»; *Гагарин Ибригьим* - о жителе села Тпиг, который прыгнул с горы, сказав, что он Гагарин; *джинджала 1Эли* «шутник Али»; *х1уч Муса* «волк-Муса», *хъатрик1-1Али* «вор Али», *шут1ач- Х1адад* «щипач Хадад»; *ч1ив 1Али* «шиповник Али», *бадбад Зейнуттин* «гребешок Зейнуттин» = о человеке с задиристым характером.

Имеются также и такие устойчивые в своем компонентном составе фразеологизированные единицы, в которых непосредственно антропоним не функционирует, но он подразумевается контекстуально: *х1урин к1арч* «села рог» – т.е. уважаемый, почитаемый всеми жителями человек: *Х1урин к1арч алархьуне 1Иса к1еф* «Села рог упал, когда скончался»;

3) формулы вежливого обращения к старшим по возрасту или указывающие на родственные отношения. Собственное имя в таких словосочетаниях предшествует нарицательному и является определяющим по отношению ко второму компоненту:

1уьмар-х1адад «дедушка-Умар», *Муслимат-ччиччай* «тетя Муслимат», *Гюльпери-абаб* «тетя Гюльпери», Рамазан - адад «дядя Рамазан»;

4) в субстантивных словосочетаниях с личными именами наблюдаются случаи отклонения от порядка расположения определяемого и

определяющего компонентов. Личное имя (определяющее) для актуализации обозначаемого может стоять в препозиции к определяемому. Второй компонент в таких словосочетаниях поясняет, уточняет, конкретизирует значение первого компонента: «*Мерседес*» *машин* «машина «Мерседес», «*ЖК*» *телевизор* – «телевизор «ЖК», «*Ока*» *машин* – «машина «Ока», «*Газель*» *машин* – «автомобиль «Газель», «*Самсунг*» *тарелка* – «тарелка «Самсунг».

К этому же структурному типу относятся словосочетания темпоральной семантики, в которых оба компонента могут быть нарицательными существительными: *май ваз* «месяц май», *Раджаб ваз* «месяц Раджаб», *Ник1алай замана* «времена Николая (царя)».

В агульском языке имеется ряд сочинительных структур, состоящих из двух имен в именительном падеже, являющихся собирательным (чаще всего) наименованием какого-либо понятия (мы касались этого вопроса выше, в первой главе). Это такие единицы, как *дад-баб* «отец-мать» – «родители». Здесь возможно употребление обоих компонентов во множественном числе, что является выражением синтаксической связи согласования: *дадар-бабар* «родители»; *х1аф-бициф* «старший-младший» – «все» (ср. в русском: *и стар, и млад*); *1аттеф-бур1еф* «хромой»(*бур1эф* не переводится) = всякий; *яг1а-багагь* «сегодня-завтра» – скоро; *къаб-къуджагъ* «посуда и кухонные принадлежности» (*букв*. «посуда и тому подобное»). Как видно из примеров, компоненты таких конструкций часто находятся в антонимичных отношениях. В зависимой позиции в указанных выше конструкциях в основном используются слова, являющиеся наименованиями внешних или внутренних признаков человека или животного: внешнего вида, поведения, характера, цвета, выражения лица, масти животного и т.д.

Вместе с тем следует отметить, что такие структуры (их статус) в лингвистической литературе оцениваются неоднозначно.

Так, Н.Ш. Абдулмуталибов называет подобные конструкции сложными словами с сочинительными или подчинительными отношениями: «По характеру взаимосвязей компонентов сложные слова подразделяются на сложные слова с сочинительным и подчинительным отношением компонентов. Сложные слова с сочинительным отношением в лезгиноведении называются композиты-сложения и пишутся через дефис: *паб-аял* «семья», *кьвед-пуд* «немного», *куьруь-яц1у* «низкорослый» [Абдулмуталибов 2002: 105].

Анализируя состав таких образований в агульском языке, надо отметить, что не всегда удается четко отметить границы сложных слов и словосочетаний. Отсутствие на сегодняшний день орфографического словаря затрудняет их единообразного отражения на письме. Ни для агульского, ни для других дагестанских языков нет четко определенных критериев однозначной оценки таких структур: ср. *мугулт1ул* «ребро» (< *мугулин т1ул* «метлы прут»).

Подобных номинаций в агульском языке немало: *фунт1а1* «обжора» < *фун* «живот», *т1а1* – «звукоподражание чему-либо лопающемуся»; *къаркаг1уб* «черепаха» < *къаркаъ ае г1уб* «в скорлупе находящаяся лягушка» или *къарк але г1уб* «скорлупу на себе имеющая лягушка»: причастие *але (ф)* содержит формант суперэссива **–л-**, обозначающий нахождение предмета на горизонтальной поверхности или вообще на верхней части чего-либо.

Ц1еваз – женское собственное имя < *ц1ае ваз* «новый месяц/ луна», ср. также: *кьвакьван 1эгв* «коленная чаша» (*букв.* «зеркало колена»), *утунин дар* «позвоночник» (*букв.* «спины дерево»), *гъилин г1ан* «ладонь» (*букв.* «внутренняя часть руки»)

Иной характер образования имеют следующие структуры: *гурба-гур* «долой с глаз» (оба элемента затемненной мотивировки, хотя второй элемент может считаться вариантом слова *гул*, в значении «вон, исчезни»; *1у-хьибуд* < 1*уд*, *хьибуд* «два, три» (номинация основана на соединительных

отношениях); первый элемент также дан в усеченной форме, без окаменелого классного показателя, который обычно опускается при сочетании первообразных простых числительных с другими словами (существительными): ср.: *1у гьеч* «два яблока» (*букв.* «два яблоко»).

Мы склонны относить большинство таких образований к словосочетаниям на основании того, что они состоят из двух самостоятельных знаменательных лексических единиц, объединенных одним из типов синтаксической связи: сочинительной или подчинительной.

2.2. 2. Словосочетания модели «$С_{ген}$ + $С_{ном}$»

Среди всех субстантивных конструкций данная конструкция в агульском языке занимает господствующее положение. Такую же ситуацию относительно приименного родительного падежа исследователи отмечают не только в дагестанских языках, но и в русском [Шувалов 1971].

Основная функция родительного падежа в агульском языке – выражение принадлежности [Магометов 1970: 73]. Основное значение посессивности – «определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету (относительная номинация). В содержательном и формальном аспектах посессивность связана с такими категориями, как детерминация, предикативность, локативность, семантическая релятивность» [ЛЭС 1990:338].

Форма родительного падежа в агульском языке образуется от основы эргатива при помощи аффикса – **н** (*дад-* им.п «отец») *дад-а-* эргатив → *дада-н* – родит. п. С.Р. Мерданова отмечает, что родительный падеж «маркирует имя, зависимое от другого имени, выражая различные определительные отношения: принадлежность, часть-целое, предмет-материал, признак-носитель признака, вещество-количество, участник (агенс)-действие,

предназначение, общеопределительное отношение, временное отношение, пространственное отношение» [Мерданова 2004:29].

Некоторые имена (местоимения, притяжательные и относительные прилагательные) имеют специфические особенности в образовании родительного падежа. В частности, отдельные личные местоимения первого, второго лица совпадают по формальным показателям с прилагательными: *зун* «я», родит.п. – *зеф*: *Зе китаб гъушуна ушуна уйи дустт*. (букв. «Мою книгу взяв, ушел мой друг»); *вун* «ты», родит. п. – *веф*; *чин* «мы» (эксклюзив) род. п. – *чеф, хьин* «мы» (инклюзив) род..п. – *хьеф*.

Кроме того, в агульском языке встречаются случаи двойной маркировки родительного падежа в субстантивированных формах: при склонении первичный родительный может принимать субстантивные аффиксы и склоняться: *Багаминттарин хъархьеттар маларис ккехъуне зун* «Остатки завтрака я скормила скоту». *Багаминттар – багами-н-ттар-и-н; 1уьшанттар – 1уьша-н-ттар-и-н* «ужин– ужина». Такое же явление имеет место и в лезгинском языке [Гайдаров 2003:123].

Анализ словосочетаний данной модели позволил выделить в агульском языке следующие семантико-синтаксические группы, обусловленные в первую очередь семантическими особенностями зависимой формы родительного падежа:

1. Одушевленный предмет/лицо (разумное и неразумное), которому принадлежит предмет, обозначенный вторым компонентом словосочетания. Чаще всего в словосочетаниях такого типа семантика принадлежности и объектные отношения совмещаются. Очень продуктивно представлены такие модели в песенном жанре агульского языка: *мег1елимдин дарс* «урок учителя», *рушан дад* «девочки отец» [отец девочки]; *ччиччин лекар* «сестры обувь», *ababан хал* «дом тети»; *дадан ватан* «родина отца»; *шиникквдин ахттилат* «рассказ ребенка», *улусумдин муг* «гнездо улара»:

Улусумдин мугуйиъ В гнезде улара

К1аре къаргъа икьунай, Черный гриф обосновался,
Муул ире ире джакьв Красноклювый красный воробей,
Пайгъамбардин иъ ухуф, Кровь Пророка выпивший,
Мухур джагвар галун джакьв Белогрудый равнинный воробей,
Кег1байис мухур ярх1уф Грудкой упавший на Каабу.

(Тарланов 2003:19, досл. перевод – С.Г).

2. Форма родительного падежа существительных в двухкомпонентных моделях отмеченной выше семантики широко используется в микротопонимах агульского языка [Гасанова 2006:68-73]. Определенную часть из них представляют наименования с антропонимическим компонентом. Продуктивной является модель, в которой в качестве антропонимических компонентов выступают названия тухумов, что, по мнению многих исследователей, является отражением былой частной собственности на недвижимость, сенокосные участки, пашни и т.д. Имя в составе таких наименований может также свидетельствовать об исторических событиях, имевших место на данной территории[2], отражать мифологические представления людей и т.д. Например, в сел. Тпиг есть гора, склон которой называется *Душмандин лек* *(ишивус)* «где вражеская нога (ступала)».

Как было отмечено выше, чаще всего такие словосочетания образуются по модели «сущ.- антропоним в генитиве + сущ.= индикатор в именит. п.»: *Ч1ермекьерин мехьер «*Загоны скота, принадлежащие тухуму *Ч1ермекьер* (*букв.* «Чермекеровы загоны»), *Хутарин г1ар* (луг, принадлежащий Хутар), *Къакъамарин гъун* (склон Къакъамар), *Маллайин хулар* (дома Маллы), *Бех1ин сув* (гора Бех1ея), *Нет1ифан ишан* (знак-памятник Нетифа). В последнем примере форма генитива антропонима «Нет1ифан» может указывать как на принадлежность предмета адресату, так и на адресата, который произвел/оставил этот знак или же которому

[2] По данным историков (Агулы 1975:78) на землях агулов оставили следы арабы, монголо-татары, персы.

поставили/ посвятили его. Ср. также: *Кьубин булах* «родник Кубая» (построенный Кубаем); *Мях1ераман булах* «родник Магарама» (расположенный на земельном участке Магарама).

Среди топонимов с данной семантикой встречается и модель «$С_{ном}$ + $С_{ном}$» *Раджаб дар* «лес Раджаба», *Айваз укун* «склон Айваза», *Чупан сув* «гора Чупана». В данных примерах так же, как и в перечисленных выше, антропонимический компонент указывает на лицо, которому принадлежит предмет. Форма номинатива генетически представляет собой усеченную форму генитива, которая чаще встречается в живой речи. Имеют место также другие топонимы со структурой двухкомпонентных словосочетаний, представляющих собой упрощение более сложных структур: *Зуьлер х1ур* (остатки села сохранились в окрестностях с. Тпиг), (букв. «Ступенька село», т.е. село, построенное в виде ступенек, когда крыша одного дома являлась двором или первым этажом для другого ← *зуьлерар ккие х1ур* (*букв.*«ступеньки имеющее село»), аналогично образовано и *Шейт1ан сув* (Шайтан-гора) ← *шейт1анар ае сув* (букв. «гора, где водятся шайтаны»).

Полные и усеченные формы генитива в аналогичных моделях топонимических номинаций наблюдаются и в лезгинском языке, о чем сообщается в совместной статье А.Г. Гюльмагомедова и Ш.М. Саадиева [Гюльмагомедов, Саадиев 1990:166]: *ламра япар* ← *ламран япар* «мать-и-мачеха», *Пулал-ан кек* «коса Пулала», *Кеф-а к1унт1* «курган Кефа», *Джубура булах* «родник Джубуры». Авторы отмечают, что усеченные формы генитива совпадают с формой эргатива (ср.: Манаф (абс) – Манафа (эрг), Селим (абс) – Селима (эрг).

Как отмечалось выше, в агульском языке формального совпадения падежей нет, но в содержательном плане, в контексте, может реализоваться значение как генитива, так и датива.

3. В отдельную группу входят словосочетания со стержневым словом, называющим часть предмета (как отчуждаемую, так и не отчуждаемую) и

зависимым – сам предмет. Это такие единицы, как *1ерабайин фур* «колесо арбы», *хулан багв* «дома часть», *гунин кьурц* «кусок хлеба», *шаккарин къун* «кусок сахара», *гъилин г1ан* (букв. «руки внутренняя сторона») = ладонь; *рубалан г1ун* (*букв.* «плечо иголки») = «игольное ушко». К этой же группе относятся словосочетания, в которых часть предмета входит в целое как его составляющая: *кьваран уд* «зернышко пшеницы/зерна».

Такие же единицы, как показал материал, характерны и для близкородственных лезгинского и табасаранского языков. В лезг.: *арабадин чарх* (арбы колесо), *фудан к1ус* (кусок хлеба), *капан юкь* (кисти (руки) центр/ середина – ладонь), *нисидин к1ал* (сыра кусок); в таб.: *хилин т1убар* (руки пальцы), *аьрабайин чарх* (арбы колесо), *хилин гагь* (руки ладонь= ладонь).

В качестве господствующего в таких словосочетаниях выступает слово релятивной семантики, т.е. название конкретного предмета, составляющего часть другого предмета, обозначенного зависимым именем (ср. в русском: *ветка березы, борт машины, клавиатура компьютера, створка шкафа, бумажка от конфет* и др.).

Среди словосочетаний данной семантики выделяются такие, которые указывают на принадлежность предмета «в качестве конструктивной части некоторому сложному целому: *каркасы зданий, крыши домов, купола церквей*» [Тулина 1976]. Отношение вхождения в состав некоторого множества заключено в самом смысле сочетающихся слов (сущ. в им.п.), принадлежащих к подклассу неодушевленных существительных, обозначающих искусственно созданный человеком предмет, предназначенный для функционирования в составе более сложного предмета, обозначаемого с помощью существительного в родительном падеже, ср. в русском: *крылья самолета, стрелка часов*; в агульском: *1уянин гварджар* «зубья грабель», *чукьарин фур* «колесо арбы»; *джигетин к1учар* «пуговицы кофты», *ккулин гъилив* «рукав тулупа», *берх1емин хир* «подол платья», *т1агарин ул* «окна глаз» = «оконце», *хулагъин зуран* «край крыши».

Особый класс составляют сочетания неодушевленных имен, обозначающих часть предмета естественного происхождения и весь предмет: *хуйин 1урц* «поля полоса», к*аламин ц1абар* «капусты листья», *гьечин сур* «яблока долька», *суван к1ил* «вершина горы», *нец1ун къирагъ* «берег реки», *к1уранин к1ек1вар* «верхушки дерева».

Словосочетания, обозначающие предмет, функционирующий в составе более сложного предмета, в русском языке трансформируются в словосочетания других моделей: *стрелка часов→ стрелка от часов, стрелка для часов*, чего без изменения семантики не может быть в агульском языке: *1уянин гварджар →1уянис* [дат.п.] *гварджар* – значение предназначения выражается при помощи дательного падежа существительного, обозначающего целый предмет.

Самостоятельную подгруппу образуют словосочетания со стержневым словом-соматизмом в форме именительного падежа, а позицию зависимого слова занимает одушевленное/неодушевленное существительное в форме родительного падежа. Такие словосочетания образуются продуктивно: *рушан сурат* «девочки лицо», *х1унин г1ав* «коровы вымя», *суратин кьул* «лица крышка = «щека», *сулан рудж* «лисы/ий хвост», *т1убун фун* «живот пальца= подушечка пальца», *кьуркьан кулагъ* «адамово яблоко» (букв. «бусинка горла»).

Довольно часто оба компонента в таких словосочетаниях представлены соматизмами. Чаще всего они обозначают те или иные части тела или конкретизируют его часть.

Как уже говорилось выше, в агульском языке не разграничиваются относительные и притяжательные прилагательные, формально совпадающие с родительным падежом существительного. В силу этого в составе словосочетаний отмеченной модели в качестве зависимого компонента могут выступать прилагательные с компаративной семантикой: *ярдунан улар* «бычьи глаза» (компаративно-образное наименование глаз человека,

похожих на бычьи (обычно с отрицательной коннотацией о мужских глазах); *х1ейвандин селебар* «лошадиные зубы» = о некрасивых, крупных зубах; *урч1унан к1ил* «телячья голова» = о неухоженной, лохматой голове.

Словосочетания, обозначающие отчуждаемую часть, могут указывать на растение и его часть: *тукун ц1аб* «цветка лепесток», *лусарин мер1ер* «конского щавеля корни»;

одежду и ее часть: *берх1емин хир* «подол платья», *ягълукъин ц1имилар* «кисти платка»;

помещение и его часть: *хулан гъвад* «дома/комнаты потолок», *айвандин пай* «веранды половина»;

часть предмета и его меньшая часть: *гъилин г1ан* «ладонь», *хъехъуьран кул* «носа ветка= ноздря» и т.д. Это одна из самых продуктивных моделей образования словосочетаний в агульском языке.

4. Генитив называет предмет (материал), из которого сделана обозначаемая главным словом вещь: *къизил (-ин) къафаз* «золотая клетка [для птиц»]; *хьейин лех1еф* «одеяло из шерсти»; *г1урин гвад* «комок теста»; *бембегин шалвар* «ватные штаны»; *муссу1йин гвадар* «колобки из толокна»; *арсуран чал* «серебряная цепь»; *ифан гвар* «медный кувшин», *рукьан ттур* «железная ложка», *нирх1ин аш* «каша из крупы (пшеничной)»; *гъвандин цал* «каменная стена»; *г1урин ширищ* «мучной клей»; *к1урарин чардах* «шалаш из деревьев». Ср. примеры употребления подобных словосочетаний в народных песнях:

Туйгъймарин дастайил	За свадебным столом
Къаргъавур руцафева?	Грифы разве бывают?
Къизилдин тахттавурил	На золотых досках
Камширар уьц1афева?	Камширар (металл) разве плавят?

Арсуран ч1арар («Серябряные волосы»)

Я руш, арсуран ч1арар	Эй, девушка, серябряные волосы

Фидех1ен ве къалиндай Твои так густы.

Яраб ве гъургъа ч1алар, Почему [не знаю я]

Мидехе1ен фас шириндай? Речи твои речи столь сладостны?

(М. Магомедов.Сборник песен.)

5. Словосочетания данной модели имеют тенденцию превращаться в несвободные сочетания, т.е. фразеологизироваться.

Достаточно большой разряд таких номинаций представляют собой соматизмы: *гъилин кьаб* «запястье» (*букв.* «руки конец, верхушка»), *сивин гъвад* «твердое нёбо» *(букв.* «рта потолок»), *сивин г1ан «*ротовая полость» (*букв* «рта нутро»), *т1убун фун* «подушечка пальца» (*букв.* «пальца живот»), *утунин дар* «позвоночник» (*букв.* «спины ствол, дерево») *к1илин кьул* «череп» (*букв.* «крышка головы»), *муч1урин кулар* «челюсть» (*букв.* «мотивировка первой части затемнена+ ветки»), *мугулт1ул < мугулин т1ул* «ребро» (*букв.* «метлы прут»); *кьвакьван 1эгв* «коленная чаша» (*букв.* «колена зеркало»); *суратин кьул* «щека» (*букв.* «лица крышка»), *улин къарк* «веко» (*букв.* «глаза кожура/скорлупа»), *ач1ан урк1* (вариантная номинация – *ач1а урк1*) «подмышки» (*букв.* «оврага яма»), *зурин т1умбаг1* «мочевой пузырь» (*букв.* «мочи пузырь»); *хъехъуьран кулар* «ноздри» *(букв.* «носа ветки»), *хъехъуьран улуд* «носовой проход» (*букв.* «носа дырка/отверстие»; *сивин багв-ар* «уголки рта» (*букв.* «рта бока»); *к1ет1айин к1ил* «лопатка» *(букв.* «лопаты голова»); *г1унин урккагъ* «ключица» *(букв.* «плеча ярмо»); *йирк1уран ибур* «предсердие» (*букв.* «сердца ухо»), *йирк1уран хал* «мышечная стенка миокарда» (*букв.* «сердца комната/оболочка»*), агъун иркк* «большая берцовая кость» *(букв.* «бедра кость»), *кьуркьан кьаб* «глотка» (*букв.* «горла верхушка»), *хъуьссуйин иркк* «скула» (*букв.* «лица кость»), *мухур кьул /мухурин кьул* «грудная клетка» (букв. «крышка груди») и т.д. По такой же модели образовано и следующее устойчивое наименование: *т1урфандин к1ил* «приближение, начало грозы» (*букв.* «голова смерча»).

Надо отметить и тот факт, что фразеологизмы как устойчивые единицы сохраняют в своем составе такие лексические единицы, которые в свободном виде уже не функционируют в языке. Сказанное подтверждает фразеологическая единица *абар ахъихьас* «насупиться». Лексема «абар» имеет неясную, затемненную семантику, хотя четко вычленяется аффикс множественного числа *-ар* и корень с затемненным словообразовательным значением ***аб-.*** Соматизм *абанкьул* «лоб» также содержит лексему *аб-а-н,* где, как мы видим, выделяется основа эргатива, к которой прибавляется показатель родительного падежа **–н.** Учитывая то, что в агульском языке достаточно много названий частей тела образовано по модели «$С_{ген.}$ + $С_{ном}$», надо полагать, что слово ***аб*** (по диалектам – вариант с щелевым звуком ***ав***) в прошлом имело значение «брови или надбровие». Доказательством этого являются эквивалентные ФЕ в других диалектах агульского языка, где в составе аналогичной единицы функционирует и лексема *унет1ар* «брови: *абар//унет1ар ахъихьас*. По происхождению данная единица является мимической: когда человек чем-то недоволен, его брови сдвигаются, спускаясь вниз, прикрывая глаза (ср. в русском *насупиться*). Показатель локативного падежа со значением «нахождение предмета за, позади ориентира» – формант ***-хъ*** и преверб ***а***-со значением «нахождение предмета ниже» (ср.: *абаб* – тетя, *адад* – дядя, т.е. те, кто находятся ниже матери, отца по родословной линии) подсказывают, что семантику слова *аб* надо мотивировать как «бровь».

В агульском языке, как и в других дагестанских языках, прослеживается тенденция перехода словосочетаний и фразеологизмов с родительным приименным в сложное слово: *к1арант1ур* «родинка» ←*к1ар-а-н т1ур*. Ср.: *к1аран ттун* «черная нить»: слово *к1ар* – это существительное, образованное в результате конверсии из прилагательного *к1ареф,* употребляющегося в очень ограниченных контекстах. Она встречается также в несвободных значениях, описывающих состояние

природы: *к1ар ат1ас* «чернь заполнить» = стать черным (о небе перед грозой); *муч1-к1ар ат1ас* «темень-чернь заполнить» – «стать черным» (о небе перед грозой);

Некоторые исследователи агульского языка [Сулейманов 2000:180] подобные сочетания относят к сложным словам, образованным описательным способом. На наш взгляд, это несвободные сочетания (фразеологизмы) со структурой словосочетания.

6. Родительный падеж в словосочетаниях данной модели может выступать в качестве определения в наименованиях растений, деревьев, трав: *х1учан тукар* «волчьи цветы» = «белена», *ккелан ибрар* «ягнячьи ушки» = «съедобная трава», *галун 1уьк1ер* «кутанная трава» = «мокрица», *ифалин тукар* «название желтых луговых цветов с блестящими лепестками, похожих на лютики» (*букв*. «масляные цветы»), *ибх1алин г1уяр* (*букв*. «пахоты картофель» , т.е.оставленного незасеянным на год = «топинамбур», *ч1ирин джихерар* «дикие// луговые груши» = «название съедобного растения», *г1удуран арч1акьур* = «название съедобного растения» (*букв*. «пестрое зерно куропатки»), *гьечарин к1ур* «яблока дерево» = «яблоня», *гъибгъерин к1ур* «рябины дерево» = «рябина»; *мяхъуьн к1ур* «дуб» и т.д.

7. Родительный падеж имени существительного в качестве зависимого компонента встречается и в зоонимических наименованиях: *суван кьун* «горный козел» (*букв*. «горный козел»), *суван вец* «тур» (*букв*. «горный бык»); *ч1ирин гитан* «дикая кошка» = рысь; *хьеттин 1ул* «водяная мышь» = «выдра», *галун х1уни* «жук» (*букв*. «равнины корова»).

Названия детенышей животных также образуются описательно по схеме: «название животного в род. п. + *чарккв* «детеныш»: *х1учан чарккв* «волчонок», *багнишин чарккв* «медвежонок», *гитанин чарккв* «котенок», *сулан чарккв* «лисенок», *къазалан чарккв* «гусенок», *урдагин чарккв* «утенок». Автономно, вне связи с наименованием конкретного животного, слово *чарккв* функционирует только для названия цыплят. Для названия

детенышей некоторых домашних животных имеются не аналитические, а синтетические наименования: *курц1ул* «щенок», *ккуккутай* «жеребенок», *къемч* «осленок», *урч* «теленок», *ккел* «ягненок», *мудур* «козленок». Может быть, это было связано с тем, что характеризуемые животные имели большое хозяйственное значение для агульцев, так как скотоводство было и остается одним из основных занятий агульского народа, а человек, как известно, в первую очередь обозначал то, что имело в его жизни первостепенное значение.

8. В отдельную группу можно выделить названия ковровых рисунков, узоров, образованных по данной модели. В основе таких наименований чаще всего лежит метафорический перенос в семантике атрибутивного компонента: *джакьвалан к1ил* «воробьиная голова» = «рисунок в виде головы птицы, ткется только как кайма ковра», *гитанин бе1эр* «кошачьи лапки» = «мелкие цветочки в форме лапок кошки», *ласккарин к1илар* «рожки сухты», *1эгуран к1ил* «голова рисунка» (*1эгур* – центральный рисунок ковра), *фурин карчар* «завершающий рисунок на верхней части четырехугольного рисунка» (*букв*. «рога ромба») и т.д.

9. Родительный падеж в словосочетаниях отмеченной структуры употребляется также для выражения временных и пространственных значений (более подробно об этом будет сказано в 3 главе). В качестве определения в таких словосочетаниях выступают чаще всего существительные со значением времени: *ягъ* «день», *1уьш* «ночь», *ис* «год», *ваз* «месяц» и т.д. В данную группу входят также словосочетания, являющиеся названиями отрезков времени: *мактабирин вахттар* «школьные годы»; *г1езабин ягъар* «дни мучений», *экзаменарин вег1да* «пора экзаменов», *вазалан ахир* «конец месяца»; *мит1рин манзил* «метровое расстояние», *минутин кар* «минутное дело», *ягъан манзил* «дневное расстояние» – т.е. расстояние, которое можно пройти за день; *цулин къайгъубур* «осенние заботы», *1уьшан ахун* «ночной сон», *хьидин курар*

«весенние работы», *1урдин ибхьер* «зимние снега», *се1етин кар* «дело на час». Зависимые компоненты со значением времени года «*хьидин, цулин, 1урдин и* т.д. могут быть употреблены также с оттенком предназначения: *1урдин кунар гъушуна ккандея зун рушас* «Для зимы (зимние) вещи надо мне купить для дочки».

В составе словосочетаний отмеченной семантики встречаются информативно недостаточные стержневые компоненты, употребленные в именительном падеже. Чаще всего они обозначают части каких-либо территорий: *хуйин къирагъ* «край поля», *хулагъин зуран* «край крыши».

10. Родительный падеж в составе словосочетаний данной модели может выражать и значение предназначения, хотя чаще всего такая семантика реализуется при помощи дательного падежа: *сусас (д.п.) кунар* = «невесте [для невесты] одежда»; *х1авун к1ур* (воротника палка/плеть) = «дугообразная плеть вокруг шеи быков, привязываемая к ярму».

Зависимый компонент в некоторых словосочетаниях данной группы может употребляться в значении как предназначения, так и принадлежности: *шуван посылка* «посылка мужа» / «посылка мужу» [для мужа]: ср. контекстное употребление: *Шуван посылка адиная пуна, хабар акьуне зас почтальонди* «Почтальон сообщил, что пришла посылка мужа [от него]. *Шуван посылка кьабул даркьай бизар акьуне зун почтайиъ* «Посылку мужа [для мужа] не принимали, замучили меня на почте».

11. Отмеченный тип двухкомпонентных словосочетаний употребляется также для обозначения рода занятий человека. «В таких номинациях первый атрибутивный компонент обозначает материал, с которым имеет дело работник или ремесленник, а второй, постоянный компонент обозначает самого мастера» [Каидов 2005:67]. К таким словосочетаниям относятся: *к1уранин устта* «деревянных дел мастер», *рукьан устта* «железных дел мастер, кузнец», *гъвандин устта* «специалист по кладке каменной стены».

12. Редко встречаются субстантивные словосочетания с зависимым препозитивным родительным падежом, обозначающим причину какого-либо состояния природы или человека: *завалин хьеф/хьеб* (*букв.* «неба становление») «состояние сильного града, грозы, дождя как наказание свыше, за какие-либо грехи». В основном же причинные отношения родительный зависимый выражает в глагольных словосочетаниях: *улин хьас* «глаза стать» = «сглазить», *ч1алан хьас* «слова стать» = «напустить порчу», *г1иян хьас* «подвергнуться нехорошей ауре» (более подробно об этом см. в 3-ей главе)

12. Термины родства: *хьиран чу* «жены брат» = «свояк»/ *хьеджар чу* «(?)… брат»: первый компонент автономно не встречается, возможно, это была форма родительного падежа от существительного *хьир-а-н* «жены, женщины» (такая семантика этимологически поддерживается арчинским *иъонн-ло* «жена, женщина» с корневым *иъ-); хьеджар чи* «свояченица», *дадан дадан дад* «отца отца отец»= прадед; *дадарин дадар* «предки» (*букв.* «отцы отцов»), *хьеджар баб, дад* «свекор, свекровь»; *сусан баб* «невесты мать» – так называют подружек невесты (девушку, женщину), которая сопровождает невесту в дом жениха. В буркиханском говоре девушку, сопровождающую невесту, называют *ч1аран руш* (ср. в лак. *ч1арав душ* «рядом девушка»).

13. Препозитивный зависимый генитивный компонент может употребляться также с метафорическим сдвигом в сравнительном значении и содержать положительную или отрицательную оценку: *1уьферин сив* «кривой (*1уьфер* «чуду полукруглой формы») рот»; *зурзумин лекар* (ноги {похожие на} стебли)= «худые ноги», *бочккайин фун* «живот, подобный бочке», *т1абак1ин сурат* «о большом лице», *гъурагъалдин гуг* (*букв.* «яйца голова») – 1. «лысый»; 2. «голова яйцевидной формы»; *х1уьрчалин суратар* «щеки хомяка» – «о человеке с круглыми/полными щеками», *тукун 1уьмур* «цветка жизнь» = «молодой, цветущий возраст»: *Рагъ атай, угъал атай*

/Г1алин дуьнья къач хьунай./Гьар Багун дардар атай / ***Тукун 1уьмур*** *пуч хьунай* «То солнце било, то дождь/Летний мир превратился в жухлую траву/ Переживая за все/ Жизнь цветка погасла» (букв. пер.– С.Г.) [Тарланов 2003:44].

2.2.3. Словосочетания модели «$С_{ном}$. +$С_{ген}$».

В русском языке такая модель является самой распространенной моделью субстантивных словосочетаний. Почти любое существительное теоретически может иметь при себе определение, выраженное родительным падежом другого существительного. Как отмечают исследователи [Молошная 1975: 49], в славянских языках данная модель выражает собственно определительные, объектно-определительные и субъектно-определительные отношения. В агульском языке такие отношения выражаются различными моделями, в том числе и моделью $сущ_{род}$+ $сущ_{им}$.

Словосочетания же модели «$С_{ном}$. +$С_{ген}$.» выражают в основном комплетивные отношения.

В словосочетаниях с комплетивными отношениями главное слово чаще всего информативно недостаточно и составляет с необходимым для выражения грамматической семантики зависимым словом тесное единство (смысловая неполноценность главного слова компенсируется семантикой зависимого компонента).

Русская грамматика отмечает: «Слова, которые в силу своего лексического значения обязательно требуют зависимой формы с содержательно раскрывающей, информативно восполняющей функцией называются информативно недостаточными словами» [РГ-80, т. II: 16], такие слова обязательно требуют распространителей, обеспечивающих определенность в противовес словам, которые по значению сами по себе достаточны для называния какого-либо предмета. Словосочетания с

комплетивными отношениями в качестве самостоятельного вида синтаксических отношений были выделены в АГ-70 [Грамматика современного русского литературного языка 1970:487]. В русской грамматике эти отношения получили название отношений информативного восполнения. При восполняющих отношениях зависимое слово «содержательно необходимо восполняет собою главенствующее слово, т.е. образует вместе с ним минимальное информативно достаточное словосложение [Русская грамматика 1980:16].

Вместе с тем академическая грамматика не приводит полный перечень информативно недостаточных слов, а лишь некоторые примеры глаголов (*быть, состоять, стать, сделаться, выглядеть*), существительных и числительных (*два дома, семь участников*). Самостоятельный анализ грамматических значений (смысловых отношений) вместе с тем «отвечает современным требованиям о многоаспектности синтаксических единиц» [ССРЛЯ:2008:44].

Словосочетания с комплетивными отношениями на материале дагестанских языков специально не рассматривались. Обычно комплетивные отношения характеризуются как объектные. Вместе с тем такие словосочетания, например, в агульском языке образуют значительный пласт. В нашем исследовании используется опыт классификации комплетивных словосочетаний в славянских языках, прежде всего – в русском, в котором комплетивные отношения характеризуются, как правило, как объектные.

В агульском языке выделяются:

1. Словосочетания с общим значением количества

В качестве грамматически стержневого слова в таких словосочетаниях обычно выступают существительные, называющие количество, объем, меру, длину, а зависимым компонентом (семантическим центром) является существительное, называющее предмет или вещество, которое измеряется.

а) Словосочетания, называющие меру жидких или сыпучих веществ:

бадра / гвар хьеттин «ведро/ кувшин воды», *битун некkдин* «бидон молока», *маргай ччаман* «кувшин масла», *вакъ ракьин* «миска супа»= *вакъаъ а ракь* «в миске, находящийся суп», *(са) хуп1 хьеттин* (один) «глоток воды», *(са) шут1 кьелан* «щепотка соли», *машин къуман* «машина песка», *чувал г1урин* «мешок муки», *к1ватт джархан* «короб овса», *хир меджарин* «подол съедобной травы», *1ур1 къайфатарин* «платок конфет»; *дабраг гуниварин* «сумка (пастушья, кожаная) хлеба», *исттикан чайин* «стакан чая», *курушкка хьеттин* «кружка воды», *хъуьнт1ин рат1ал* (метаф. «сопли кувшин»; *бучка нисин* «бочка сыра», *ч1вех1ен к1еч1* («сыворотки мешок» («из кожи для жидкости»), *тах, тибит эк1ен* «ларь пшеницы», *чанг семичкабирин* «в ладошке («сколько помещается») семечки».

Подобные конструкции широко представлены и в близкородственных языках:

в лезг. (*са) гичин нек* (один) «кувшин (глиняный) молока», *(са) гъуб// са синбил машмашар* «одна корзина (специальная, для фруктов) абрикос»; *са киле къуьл* «один киле (мерка в 6 кг) пшеницы», *са жибин калар* «один карман калар» (жареное пшено с коноплей»);

в таб. *саб стакан чай* «один стакан чая», *саб бедре никк* (одно ведро молоко), *путылка чахир* «бутылка вина», *са бац/ са бацайи гьафатар* «одна горсть/в одной гости имеющиеся конфеты». Числительное *сад* «один», употребляемое в данных словосочетаниях сравниваемых языков, не указывает на количество измеряемого, оно в определенном смысле выполняет функцию неопределенного артикля. Оба компонента словосочетания выражены формой именительного падежа.

Анализируемый материал показывает, что иногда словосочетания с комплетивными отношениями легко трансформируются в словосочетания с локативной конструкцией. Например, в агульском: *исттикан чай* (*букв.* «стакан чай») и *исттикандиъ ае чай* («в стакане находящийся чай»), хотя в собственно семантическом плане здесь имеют место определенные различия.

Сравниваемый материал выявил и другую особенность. Наряду со словосочетаниями, в составе которых имеются информативно недостаточные слова, выявились словосочетания с безэквивалентными лексическими единицами, значение которых, на первый взгляд, не требует обязательной конкретизации в контексте. Речь идет о таких словах агульского языка, как *дабраг* «сумка пастуха», *тах* «деревянный ларь для хранения зерна, муки», *тибит* «деревянный ларь (меньших размеров) для хранения сушеного мяса», которые в настоящее время стали малоупотребительными [словами] в связи с деактуализацией самих реалий, обозначениями которых они являлись. В словосочетаниях такие слова чаще всего употребляются с распространителями в силу экстралингвистических или обусловленных лингвистических причин.

б) Самостоятельную группу образуют словосочетания со значением *мера длины*. В качестве стержневого слова в таких словосочетаниях обычно выступает единица, семантика которой уже содержит указание на меру длины, а зависимое слово уточняет, конкретизирует то, что отмеряется. В структурном отношении здесь можно встретить и двухкомпонентные, и трехкомпонентные словосочетания компаративного характера:

ч1иб дегьен манзил «пядь земли» (*ч1иб* «мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого пальца и мизинца»), са *1амайин манзил* (один) «шаг земли», *ери къарин кьвадилкьван* «сумах в семь локтей» (*къари* – «расстояние между локтем и кончиками пальцев»), са *къваладж куппар* – «сажень кизяка» (*къваладж* «при раскинутых руках – расстояние до кончиков пальцев»); *1у фуниккен ху* «два *фуниккен* «расстояние, между бороздами поля». Сюда же можно отнести ФЕ со значением меры: *са лекун кьадамра* «совсем близко» (*букв.* «даже одной ноги расстояние»); *1у лек алттилан вус/1у 1ама аркьавус* «близко» (*букв.* «две ноги, где можно перекинуть») ; х*ъехъуьран к1унт1ал* «близко» (*букв.* «на кончике носа»).

2) *Словосочетания, указывающие на объем или количество через форму предметов*

(Са) тупп чайин «пачка чая» (*букв.* «мячик чая»), *дуч курарин* «вязанка дров», *ит1ул сурарин* «узелок черемши», (*са) фур 1уьк1ерин* «(один) стог сена», *маркв сумарин* «сноп соломы», *буханка гунин* «буханка хлеба», *са бахтта гунин* «(одна) лепешка хлеба», *са рачал ттунарин* «пучок шерстяных ниток»; *гвад г1урин* «комок теста» (*букв. гвад* – неоформленный кусок) *кьут нисин* «кусок сыра» *(кьут - букв.* «камень четырехугольной формы»), (са) *к1ил г1урин* «(один) колобок теста» (*к1ил – букв.* «голова»)

В словосочетаниях данной группы встречаются случаи употребления слова с метафорическим сдвигом, что приводит к выражению положительной или отрицательной коннотации. В таких словосочетаниях содержится качественная оценка лица, предмета, чем определяется их компаративный характер.

3) *Словосочетания со значением совокупности предметов*

Данная группа словосочетаний характеризуется тем, что называет предметы в их совокупности. Формальная отличительная черта таких словосочетаний, как и в русском языке [Турутина 1972], – употребление зависимой формы родительного падежа во множественном числе.

Семантика стержневых слов позволяет выделить следующие подгруппы:

а) словосочетания, стержневое слово которых выражает совокупное количество-число, а позиция зависимого компонента заполняется формой родительного падежа одушевленного существительного (иногда и в им. п.): *маларин лудж* «стадо (крупного рогатого) скота», *к1арат1 х1уппарин* «стадо [мелкого рогатого] овец», *джалга инсанарин* «вереница, ряд людей», *гим ккецу идемар* «полный годекан мужчин», *са х1ур халкь* «село народа», *са верх1 шиберин* «поле (полное) девушек» *шиниккварин радж* «ряд детей»; *пус пуларин* «куча денег», *гъаб кунарин* «куча одежды»;

б) в составе субстантивных словосочетаний родительный зависимый часто допускает присоединение определительного компонента, расширяя словосочетание до трехкомпонентных словосочетаний. Это объясняется аналитическим характером самого агульского языка, в котором многие новые понятия выражаются описательными конструкциями: *къабарин дасмал* «посудное полотенце»/ *къабар джика дасмал* «полотенце для посуды» (*букв.* «посуду вытирающее полотенце»); *ппулун чапп* / *ппул 1уьрччан чапп* «тряпка для пола» (букв. «пол вытирающая тряпка»); *х1уни уза бадра* «ведро для дойки коровы» (*букв.*«корову доильное ведро»); *к1илин раг1* // *к1ил джирха раг1* «расческа для волос» (*букв.* «волосы расчесываемая расческа»).

Проведенный анализ словосочетаний с комплетивными отношениями показывает, что в структурном отношении такие словосочетания в основном представлены двухкомпонентными единицами.

Субстантивные словосочетания с родительным падежом выражают различные семантико-синтаксические отношения, причем зависимый компонент чаще всего занимает препозицию по отношению к главному. Встречаются случаи и обратного порядка, когда главный компонент предшествует зависимому: *бадра ччаман* «ведро масла», *гвар хьеттин* «кувшин воды».

Двухкомпонентные словосочетания характеризуемого типа, как уже отмечалось, допускают возможность расширения определительным компонентом.

2.2.4. Словосочетания модели «$С_{дат}$ + $С_{ном}$»

Дательный падеж в агульском языке образуется от основы эргатива при помощи аффикса ***-с***: *руш-а-**с*** «девушке», *х1ур-и-**с*** «селу», *цил-и-**с*** «стене» и т.д.

Функций у дательного падежа, по сравнению с родительным падежом, в агульском языке гораздо меньше. А.А. Магометов отмечает всего одну функцию данного падежа: «Дательный падеж является падежом косвенного объекта при переходном глаголе и падежом реального субъекта при глаголах чувствования» [Магометов 1970:73]. Такая же функция у дательного падежа при глаголах чувствования отмечается и в других дагестанских языках: в лезгинском [Мейланова 1960:71; Гайдаров 1987:28], в аварском [Магомедов 2003:99] в рутульском [Махмудова 2001:72].

Говоря о наиболее общих функциях «чистых» падежей, З.К. Тарланов отмечает, что «дательный падеж обозначает предмет, для которого предназначается глагольное действие, или то, что выражается глагольной группой (глагол +прямое дополнение)» [Тарланов 1994:87].

С.Р. Мерданова выделяет следующие основные значения датива:

адресат: Р*уша гадайис к1едж лик1ине* «Девушка парню письмо написала»;

бенефактив: *дада гадайис хал лихьине* «Отец сыну дом построил»;

экспериенцер: *Шиниккводис мик1илди а* «Ребенку холодно есть»;

локативное значение движения вовнутрь (инлатива): *Дад хулас хъушуне* «отец домой ушел» [Мерданова 2004:27].

Наш материал свидетельствует о том, что локативное значение дативом выражается не во всех диалектах агульского языка. В основном датив в таком значении употребляется в керенском диалекте. Часть населенных пунктов, где говорят на этом диалекте, находится на территории Курахского района (соответственно С.Р. Мерданова рассматривает локативное значение датива на материале речи с. Хпюк, испытывающей сильное влияние лезгинского языка). Для лезгинского языка характерно локативное значение дательного падежа. У.А. Мейланова отмечает, что «местные значения дательного падежа дают нам некоторые основания предполагать, что это бывший направительный падеж из ныне неполной

четвертой серии местных падежей со значением нахождения внутри чего-либо и движения изнутри предмета и внутрь предмета. Последнее значение имеет дательный падеж, когда он выражает место в лезгинском языке» [Мейланова 1960: 61]. Употребление дательного падежа в локативном значении имеет место также в речи сел. Рича (керенский диалект):

«Хатум алеф э абур!»-	«Хатум степенна и прекрасна»,–
Гимил ахттилат хьуне.	На годекане был разговор.
Хилив фай кьяц1ул капур,	Держа в руке обнаженный меч
Зубайл <u>гим-и-с</u> т1ушуне	Двинулся Зубаил <u>на годекан.</u>

(Чархъи къала, Абумуслим).

СМ. также: *Зун <u>дуьньяйис</u> адине,/ акьуна гьарай* «Я <u>на свет</u> появился,/ Издав крик» (Ахмедов 1992). При глаголе *адес* «прийти» вместо ожидаемой в большинстве диалектах агульского языка формы существительного в направительном падеже (*адес дуньяйиди*) употреблена форма дательного падежа.

В агульском языке в элативе сохранился показатель **- с** в составе аффикса *-**ас***: *х1ури-ъ-**ас*** (инэлатив) «по направлению из села». Это говорит в пользу того, что дательный в историческом прошлом в лезгинских языках совпадал с формами локативных падежей направительной семантики.

В субстантивных словосочетаниях существительное в дательном падеже выступает зависимым компонентом и маркирует различные семантические роли:

1) предназначения, адресата: *<u>сусас ишанас</u>//паяр* «невесте доля (-и)» (со значением «подарки для невесты со стороны жениха, его родни»). Данное сочетание является устойчивой единицей, связанной со свадебным обрядом агулов: за несколько дней до свадьбы со стороны жениха в дом невесты направляется делегация представителей *«паяр фаеттар»*, которые несут одежду и обувь, предназначенные в качестве подарков от жениха невесте – «*сусас паяр*», отдельные подарки полагаются также родителям, братьям,

сестрам невесты, а также бабушке и дедушке (это называется – *хуланттарис гъуршанттар* «подарки для домашних»); *иттатис дарман* «больному лекарство»; *гашинттис гуни* «голодному хлеб/еда», *ц1ак1инар аркьаттарис* «тем, кто свадьбу играет»: *Ц1ак1инар аркьаттарис се1эт иджеф акьурай/ Дакьуна аметтарис аркьа ягъар агурай* «Тем, кто свадьбу играет, пусть час будет добрым/Тем, кому предстоит сыграть, пусть увидят такие дни» (Из агульских нар.песен).

Ай дере, Агъул-дере/Суварис сарин дере/ Ай дере-Агъул-дере/Дусттарис ухьтан дере «Ай ущелье, Агул-дере/ ущелье/ Горам прохладное ущелье/ Друзьям прекрасное ущелье» [Магомедов 2005:8].

Дательный падеж активно используется в заголовках песен, стихов-посвящений, в эпиграфах: *Дег1виъ* (лок.In) *гулуттарис* «На войне пропавшим»; *Райондин (род.п.) х1аттис»* «Главе района»; *Мактаб ккирк1уттарис* «Школу окончившим»; *Баба (эрг.п.) солдатис* «Мать солдату» [Магомедов Г.Г 2005]. В дательном падеже в таких заголовках используется субстантивированное причастие, являющееся стержневым словом, а в качестве зависимого компонента выступает существительное в косвенных падежах.

2).Тесно связаны со значением предназначения объектные отношения с указанием на лицо или предмет кому/чему предназначен предмет, обозначенный именительным падежом существительного: *чаркцварис ккерхъаттар* «корм цыплятам», *маларис кичархъаттар* «скоту на подсыпку» (в хлев); *шиниккдис 1экьулар* «ребенку наставления», *биц1иттарис тамашибур* «детям развлечения»; *к1илис бала* «голове беда»= «вечно нависшая угроза»; *йирк1урас ряхьетвел* «сердцу покой»; *джандис сагъвел* «телу здоровье»; *фунис 1эшалар* «животу плачи» = «очень мало еды»; *итталис дарман* «от/для болезни лекарства» = «лекарство от болезни»; *джандис г1езабар* «телу/душе переживания».

Довольно часто зависимый дательный падеж встречается в устойчивых выражениях, пословицах и поговорках: *дагис рюкъ* «ослу зола» – усеченный вариант компаративного фразеологима: *дагис рюкъ агуф суман* «как осел, увидевший золу» (шутл. «о тех, кто ищет повод, чтобы отлынивать от работы»). *Наврузбегдис гъаре сус, ери к1ирк1ан баб хьурай!* «Жениху предназначенная невеста, пусть будет матерью семи сыновей!».

В песенном жанре имеет место инверсионный порядок расположения главного и зависимого слова, что, видимо, обусловлено задачами актуального членения и ритмикой стиха. Стержневым словом часто выступают субстантивированные причастия. Об этом свидетельствуют и следующие устойчивые выражения (чаще всего такие конструкции встречаются в составе формул речи, благопожеланиях, проклятиях): *Сивис рак хьурай ве*! «Рот твой чтобы раком заболел» (проклятие тем, кто своим языком сеет раздор между людьми). *Йирк1урас рях1ет дахьурай ве*! «Чтобы сердцу твоему покоя не было!». *Йирк1в алеттифас хьурай вун!* «Самого желанного, любимого чтобы ты лишился/лась!».

3) Имеет место выражение значения предназначения с оттенком целевой и темпоральной семантики: *1урдис къарфунар* «к зиме припасы», *г1улис кунар* «для лета одежда», *отпускайис путевкабур* «к отпуску путевки», *абкьанис 1елеф* «к обеду съестное» (о еде к обеду); *1уьшас гуни* «к ужину хлеб»; *уч1агунас х1езурвелар* «к поступлению (в вуз) приготовления» – «приготовления к поступлению (на учебу)»; *шиниккварис хабчехишар* «детям отложенное» [на будущее].

Кроме того, временное значение может быть имплицитно выражено посредством указания на предназначение чего-либо в будущем: накопления детям [на будущее], подготовка к поступлению [на учебу] и т.д. Из примеров видно, что темпоральная семантика в ряде словосочетаний находит лексическую поддержку через слова типа *лето, зима, отпуск* и т.д.

Словосочетания, выражающие семантику предназначения, могут иметь и ограничительные оттенки – именно для кого/чего-либо: *г1алашуварис аркьа гуни* «гостям приготовленная еда»; *x1аттарис мукьар* «старшим места»; *хумбарис мукьар* «женщинам места» (места, предназначенные только для женщин).

Синонимичны по семантике дативу трансформы с генитивом: *хумбарин накьишар* «женские узоры», *идемарин лик1инар* «мужские узоры», *маларин лат* «водопой для скота» (*букв.* «водопой скота»); *x1уппарин азалар* «загон для дойки овец».

Зависимым компонентом во всех группах могут выступать как одушевленные, так и неодушевленные существительные. Неодушевленные существительные в дательном падеже выражают временные значения, значения предназначения и объекта.

4) В фольклорных тестах (в песенном жанре) очень часто дательный падеж существительного употребляется в субстантивных словосочетаниях компаративной семантики: *руш тукарис ухшар* «девушка, подобная цветам».

Арсуран кулагъ суман,	Как серебряная бусинка,
Руш къизилдин багъ суман,	Девушка подобна саду золотому.
Кканегьан ц1а вун агъай,	Как хотел бы я, о, огонь, быть тобой,
Г1арас ярх1у рагъ суман	Чтобы коснуться, как солнце касается луга.

[Тарланов 2003:23] . (Досл. пер. наш – С.Г.).

5) Кроме отмеченных выше значений, датив выполняет и некоторые другие функции, в частности, при переходных глаголах чувственного и психического восприятия (аффективных глаголах) имя в дательном падеже выступает в качестве субъекта, а объект (прямое дополнение) – в именительном падеже. К таким глаголам относятся глаголы *агвас* «видеть, унихьас* «слышать», *ккан хьас* «хотеть, любить», желать», *кьабул хьас*

«понравиться», *гуч1 хьас* «испугаться», *неч хьас* «стыдиться», *хабар хьас* «почувствовать», «узнать», *джик1ес* «найти»:

дадас [дат.п.] *агуне мархал ч1урхай* (*букв.* «Отцу [=отец] увидел селевые потоки» – *мархал* [им.п]. *Зас* [дат.п.] *агу 1эламатар дава ттиъан аязар* [им.п.] «Я не видел таких сильных морозов». Ср. фразового употребления:

Г1улин емиш вун хьурай,	Летним фруктом ты пусть будешь,
Вакес ире гьеч хьурай.	Из тебя пусть яблоко красное будет.
Йирк1урас ппара кканеф.	Сердцу моему очень любимая
Вун бутмиш иреф хьурай.	Ты процветающей пусть будешь!

[Тарланов 2003:24.] (Досл. пер. наш – С.Г.).

Дательный падеж выступает в роли субъекта также и при глаголах *джик1ес* «находить» / *алчархьас* «наткнуться»: *1Уьк1ер уцаттарис г1удуран муг алчархьуна уйи* «косари наткнулись на гнездо куропатки».

Истти руцай, джик1индава ччуччус [субъект в дат п.] лихун Москвайиъ «Год искал, но не нашел брат работу в Москве».

Ми варис гюрчек дюнья,	Этот всем прекрасный мир
Хатумас [дат.п] муч1е хьуне.	Для Хатум темным стал.

[Абумуслим. Чархъи къала]

Отмеченные выше глаголы с аффективной семантикой могут входить в состав аналитических форм глаголов, при которых субъект также выражается дательным падежом, а объект – именительным:

Университетиъ уч1ас кканди уйи Фат1иматас [дат.п.] «Фатимат хотела поступить в университет». Глагол «хотеть/ любить» встречается в агульском в основном только в составе аналитического образования, т.е. как составная конструкция, включающая именную и глагольную части. К таким же сложным образованиям примыкают и следующие: *даккан хьас* «опечалиться, расстроиться, ненавидеть», *х1ейиф хьас* «пожалеть», *язукъ*

хьас «пожалеть, сжалиться», *хъел алгъадес* «разозлиться», *хабар хьас* «узнать, почувствовать».

Дательный падеж со значением объекта употребляется в агульских диалектах и при глаголе *хъуттурфас* «смотреть» :

Терс январин т1урфан суман/ Хъуттурфуне ***зас*** «Как суровая январская метель, посмотрела на меня» [Ахмедов 1992]. В собственно-агульском диалекте с данным глаголом употребляется форма локатива постэссив *хъуттурфуне захъ* «посмотрел на меня» (более подробно об этом в 3 главе).

2.2.5. О статусе комитативного падежа в агульского языке

Рассматривая процессы грамматикализации в агульском языке, к традиционно выделяемым в агульском языке четырем основным падежам С.Р. Мерданова добавляет комитативный падеж с показателем *хъай,* который присоединяется к основе эргатива: *гадайихъай (gadaji-qaj)* «с мальчиком». Р. Шаумян также выделяет данный падеж, показателем которого он считает частицу *хъай* [Шаумян 1941:43]. А.А. Магометов отмечает, что «формы, выражающие совместность (comitativ), образуются посредством деепричастий вспомогательных глаголов. При совместном движении употребляется деепричастие: *хъад/хъари/хъай* (варианты по говорам), означающее «находясь позади» [Магометов 1970:85]. С.Р. Мерданова приводит следующие факты в пользу выделения комитативного падежа:

1) на стыке с *–хъай* происходят фонетические процессы:

а) упрощение группы согласных, в результате которого вместо двойного или долгого ***хъ*** произносится краткий согласный;

б) словоформа имеет одно ударение, которое падает на тот же слог, что и в имени в постэссиве;

в) гласный в -*хъай* подвергается такой же редукции, как и любой гласный в заударном слоге;

2) показатель -*хъай* неотделим от имени даже частицей -*ра*, которая обладает максимальной способностью вклиниваться внутрь словоформ;

3) значение формы с -*хъай* не равно сумме значений имени в постэссиве и статива *хъаа*.

4) показатель -*хъай* сочетается со всеми именами, обозначающими как людей, так неодушевленные предметы;

5) комитативная форма на –*хъай* сочетается с симметричными предикатами, обозначающими парные действия, требующие участия двух субъектов с одной и той же ролью [Мерданова 2004:148-150].

Исследования по дагестанским языкам показывают, что место данного падежа в общей падежной системе не конкретизировано. В арчинском языке, например, его рассматривают после основных падежей, но перед местными [Микаилов 1967:55], в рутульском – среди основных [Махмудова 2001:74], в цахурском – среди местных, хотя и с оговоркой, что вне серий представлены три падежа – комитатив, аффектив и иллатив [Ибрагимов:1990:72]. В агульском языке, на наш взгляд, комитатив занимает особую позицию в системе падежей, так как нами обнаружены другие форманты со сходной семантикой. В частности, отмечена тенденция зарождения комитатива на -*фай* (Р.Шаумян называет данную форму collativus со значением пассивного движения).

Признавая доводы, которые приводит С.Р. Мерданова о выделении комитатива на *хъай*, хотелось бы высказать несколько соображений о данном падеже.

Как было уже отмечено, комитатив образовался из словосочетания, где на границе двух слов произошла редукция, диэреза повторяющегося согласного на диссимилятивной основе. В полном виде словосочетание данной модели имеет следующий вид: *гадайихъ* (постэссив) + *хъай*

(деепричастие с превербом *хъ*). На наш взгляд, превербы предполагают препозитивное или постпозитивное согласование с именем, от которого они зависят. Такого рода согласование как вид синтаксической связи имеет место и с другими формантами-превербами других локативных падежей. Приводимые ниже примеры демонстрируют семантику совместности, одновременности действия двух субъектов:

Гюнна багун хъюхъе тук, Южного склона желтый цветок
*1уьк1и**фай** рукъас гуч1е* Боюсь, что с травой (=совместно) высохнет
Ягъар-манзилар хьехаб Дни-пространства когда пройдут,
Йирк1уралас вес гуч1е Боюсь, что забудешь (ты меня).
(нар. песня).

Форма *1уьк1ифай* образована от основы эргатива – *1уьк1-ив//ф + фай* (деепричастие) и выражает значение совместности двух субъектов: девушки (желтый цветок) и парня, от лица которого сложена песня.

Такая форма довольно широко распространена в собственно-агульском диалекте, можно предположить, что она характерна и для других диалектов: *Вецунафай ярдра фит1уна уйи чин ттиъ* «Вместе с быком запрягли мы в этом году и бычка». Формант *-фай,* вернее, преверб *ф//в* показывает нахождение предмета в близком контакте. В некоторых диалектах агульского языке (в частности, в керенском) нами выявлено употребление усеченной формы показателя совместности:

Алурцуне дуньяйил Побродил по свету я,
Инсанив гъургъай С людьми разговаривая (общаясь)».
Секин хьасе ругариг1 Успокоюсь я в земле,
Лакьандив гъургъай С могилой разговаривая
(Ахмедов 1992:27)

Данная семантика может быть передана и формантом *–хъай* : *вецунахъай ярдра уйий ккит1уна* «с быком бычок тоже был запряжен». Формы -*хъай* или -*фай* могут быть употреблены и дистантно по отношению к имени, к которому они относятся. Мы считаем, что в данном случае

семантика морфемы *–хъай* способствует его обособлению и функционированию в адвербиальной функции, и перед нами форма деепричастия настоящего времени, активно и продуктивно образуемая при помощи аффикса *–ай*: *хурас* «читать» - *хур-ай* «читая», пас «сказать» – *агъ-ай* «говоря». Ср.: У*гъалра кулакра хъай аттархьуне садпуна.* «Дождь и ветер одновременно вдруг появились». *Угъалихъай кулакра аттрахьуне* «Вместе с дождем ветер тоже появился». Дистантное расположение компонента *хъай,* как показывает материал исследования, связано чаще всего с задачами актуального членения сообщения, выражаемого предложением. Семантику совместности и симметричности действий демонстрируют и следующие строчки стихов:

Зун агъул э, агъул чIалал гъургъаф э, Я агулец, на агульском я говорю,
Халкьарихъай-харжи чIалар ахIаф э, С людьми разговаривать я умею,
Агъуларин хас Iэдатар чIирдакьай Традиции исконные агульцев чтя, *Гьартихъайра икьвас-гъургъас кканеф э* С каждым посидеть-поговорить люблю я.

[Шерифов Ш.] (Досл. пер. наш - С.Г).

Нам представляется необходимым вернуться к вопросам формообразования и употребления комитатива при целостном описании падежной системы агульского языка. Такая перспектива исследования комитатива имеет отношение и к морфологии, и к синтаксису.

Специальное изучение данной проблемы поможет выявить и описать условия функционирования выделенных формантов в разных морфолого-синтаксических условиях. Может быть, выявятся также возможности переносного употребления описываемой падежной формы. Ср. в арч.: *Аминатли –лъу зон ххванками у1хъа1* «С Аминат я пошел в лес». *Аминат – лъу адам йархун эттат1у* «С Аминат никто не сравнится» (в значении «она лучшая, лучше всех»). В первом примере реализуется значение

совместности, во втором – значение совместности «подавлено» компаративно-альтернативной семантикой.

2.2.6. Субстантивные словосочетания модели «$С_{лок}$ + $С_{ном}$»

Агульский язык богат пространственными падежами. В последних исследованиях, посвященных морфологии агульского языка (Н.Г. Гаджиев, Н.Р Исрафилов, З.Г. Каидов, Д.С. Магомедова, С.Р Мерданова, Н.Д. Сулейманов, З.К Тарланов и др.), среди местных падежей выделяются собственное местные (эссивы) – 8 падежей и направительные падежи, которые подразделяются на падежи приближения (латив) и падежи удаления (элатив).

Эссивы образуются на базе эргатива при помощи соответствующих падежных формантов и передают локализацию:

1) Инэссив (нахождение внутри полого предмета, показатель *–ъ*: *хула-ъ* «в доме»);

2) Интерэссив (нахождение предмета между другими предметами в однородной массе, показатель *- г1: хьетти-г1* «в воде»;

3) Суперэссив (нахождение предмета на горизонтальной поверхности), показатель *- л: хьетти-л* «на воде»;

4) Антеэссив (нахождение предмета перед ориентиром), показатель – ь: *хула-гь* «перед домом»;

5) Апудэссив (нахождение предмета около, вблизи ориентира), показатель *- в/ф: хула-в* «около дома»;

6) Субэссив (нахождене предмета под ориентиром), показатель *– кк :* хула-кк «под домом»;

7) Контэссив (нахождение ориентира вертикально), на поверхности, в контакте с ним, показатель *– к: хула-к* «на стене, на вертикальной части»,

8) Постэссив (нахождение ориентира позади ориентира), показатель – *хъ: «хула-хъ* «за домом» [Мерданова 2004 :32-51].

С.Р. Мерданова значительно расширяет семантику локатива. Наряду с традиционно выделяемой семантикой нахождения чего-либо внутри предмета (*In* – показатель ***-ъ***) данный падеж выражает и локализацию «на (Super). Наш материал подтверждает эти наблюдения и расширяет функции данного падежа: ср.: 1) локализация «внутри»: *Х1ури**ъ** хьурай, хула**ъ** хьас* «пусть будет достаток в селе, чтобы достаток был в доме» (*букв*. «в селе пусть будет, чтобы в доме стало»). *Сатти дара**ъ** к1урра дахьурай* «Одиноко пусть и дерево не растет в лесу». *Вей рякъериъ агьан,/Адина хулаъ агьан./Вун дагуна зун к1ичин,/Вас зе язукъ хьасегьан* «Может идет, в дороге он/ Может, пришел и дома он/ Если вдруг я умру, не увидев тебя,/ Пожалеешь ли ты меня»;

2) локализация «на горизонтальной поверхности»: *1ае инсан рекъуъра гьучадархьурай* «злой человек пусть и на дороге не встретится»;

3) значение «локализация post» – показатель ***хъ*** «за, позади» связано с обозначением нахождения предмета позади ориентира, чаще вне видимости: У*ндахъуттин мукь раккан кьабахъ хъавефе* «место неприглашенного – за дверями» (в значении «не следует лезть в чужие дела»). *Бабахъ са к1ирк1 дахьурай, кьабахъ уммат хъудавай* «Пусть у матери не будет один сын, у которого (позади которого/за спиной) не будет родни».

Пословичный материал демонстрирует возможности употребления данного падежа и в значении указания на нахождение чего-либо внизу: *Багагь пе миргурахъ рудж ахъадефттава* «У оленя, сказавшего «завтра», хвост не вырос» (в смысле «нельзя откладывать на завтра то, что можешь сделать сегодня»);

4) интерес представляет также падежная форма с семантикой антеэссив – нахождение предмета перед ориентиром, показатель ***-гь.*** В пословице *Гъилигь гьае т1убар джалла сад дава* «Пальцы на руке не одинаковы» (в

знач. «люди, разные по внешнему виду, привычкам, характеру требуют разного отношения к себе») лексема *гъилигь* с показателем отмеченного падежа – нахождение предмета перед ориентиром, вне контакта, употреблена в значении «перед ориентиром в контакте». Кроме того, в данном контексте выявляется совершенного необычное значение этого слова: морфемный анализ позволяет выделить здесь формант ***-гь***, корень ***гъил*** и показатель эргативной основы ***-и***. Такой морфемный анализ позволяет сделать два вывода: либо слово *гъил* употребляется в значении «часть руки до пальцев, т.е. ладонь, либо здесь присутствует контактное употребление данного падежа.

Формант ***-гь*** в агульском языке может эксплицитно выражать также и значение направительного падежа: *Ракка**гь*** *аттиву шумарикес шаламара верефттава* «Из отрезка кожи, достаточного для шитья сапожек, не получатся и тапки, если его вынести на улицу» = «Когда начинаешь какое-либо дело, советчиков находится много, и если всех их слушаться, то делу – конец»);

5) показателем локализации суперэссив – «нахождение предмета на горизонтальной поверхности» – является ***-л***: *гъили**л*** *хьурхьурар хьуная* «на руке волдыри появились», *хулагъи**л*** *1уьк1ер гьахъуная* «на крыше трава сушится». *Кумётти**л*** *к1арчар алвефттава* «У дурака рогов на голове не бывает» = не всегда человека с первого взгляда можно раскусить». *Гьава суван к1иларил джагвар ибхьер угъафе* «На вершинах высокой горы выпадает белый снег».

В собственно-агульском диалекте отмечено употребление данной формы и в семантике направительного падежа: ср.: *Хьетти**л*** *гъаре гвар, хьетти**л*** *арг1афе* «к воде (на воду)[который] несут кувшин на воде и разобьется» = «повадившись по воду ходить, кувшин у воды и разобьется».

2.2.7. Субстантивные словосочетания модели «$С_{элатив}$+прич+ $С_{ном}$»

Словосочетания отмеченной модели в основном выражают локативно-определительное значение. Зависимый определительный компонент чаще всего в таких словосочетаниях указывает на происхождение, принадлежность того, о чем сказано в стержневом компоненте, к определенной местности, национальности, коллективу. Такие значения могут сопровождаться качественно-определительной оценкой.

1) Словосочетания, указывающие на лицо или предмет по месту происхождения или жительства: *Мах1ачкъалайиъас аде х1аттар* «из Махачкалы приехавшие начальники» = «начальство из Махачкалы»; *Маскавдиъас файде духттирар* «из Москвы привезенные врачи» = «врачи из Москвы»; *суваъас гьику джандакар* «с хутора отправленные продукты» – «продукты с хутора»; *г1анахъас хье нисар* «со двора (летней дойки овец) получившийся сыр» – «овечий сыр с гор»; *Дулдугъаъас файде сус* «из Дулдуга привезенная невеста» –«невеста из Дулдуга»; *Хьирагъаъас аде угъал* «Из Чирага пришедший дождь» – «дождь, пришедший со стороны Чирага»; *Хеваъас аде г1алашувар* «из Хива гости». *Улариъас ададе негъвар* «из глаз, пролитые слезы», *джандиъас ададе 1уьр* «из тела спустившаяся боль» = «боль телесная»; *йирк1ураъас адавере хиялар* «из сердца выходящие думы» – «печальные мысли»

Зависимый компонент в инэлативе может передавать также семантику расположения/движения предмета по горизонтальной поверхности (транслатива): *дараъас вере рекъ* «дорога из/по лесу» = «дорога через лес»; *дараъас адавея малар* «скот, спускающийся из лесу» = «скот, спускающийся по тропинке из леса».

В составе словосочетаний отмеченной модели зависимый компонент может указывать на место постоянного проживания или нахождения предмета, а также на временное, непостоянное место нахождения предмета: *г1анахъас файде нисар* «с дойки привезенный//принесенный сыр»; *езаниъас*

адеттар «с пахоты вернувшиеся»; *армиъас гьикуттар* «из армии отправленные» = «отправленные из армии»; *галариъас агъдеттар* «с кутанов поднявшиеся» [вернувшиеся с равнинных зимних пастбищ на горные летние пастбища].

2) Зависимый компонент в элативе может указывать также на принадлежность лица/предмета к тому или иному учреждению, коллективу: *университетиъас экзаменаторар* «из университета экзаменаторы» = экзаменаторы из университета; *администрациъас ревизорар* «ревизоры из администрации»; *суттиъас к1едж* «бумага из суда»; *больницайиъас хабар* «из больницы весть».

Словосочетания с зависимым существительным в интерэлативе и суперэлативе могут передавать также семантику транслатива. В агульском языке отсутствует специальный падеж для транслатива (как, например, в аварском языке). Ср.: *х1уриъас рекъ* «из села дорога» = «дорога из села» и *х1уриг1ас рекъ букв.* «между селом дорога» = «дорога, проходящая, через село»; *ц1ак1инарилас алттархьеттар* «со свадьбы оставшееся» = «прибыль со свадьбы»; *фунилас рекъ (е*с). ФЕ «через живот дорогу (дать)» – отказывать себе во всем ради кого-либо (ср. также ФЕ *джандилас гъил гъушанас* « с тела/души руку взять» = «рисковать собою ради кого-либо»).

3) Элатив в разных сериях может передавать также объектные, объектно-причинные и причинно-целевые отношения: *дадар-бабарихъас джафабур* «за родителей заботы» = «заботы о родителях»; *шеэрихъас руцубар* «из-за вещей хождения» = «поиски [ради] вещей»; *фунихъас хъархьеттар* = «после живота остатки» (с отрицательной коннотацией), т.е. то, что не успел проесть (об обжоре); *хут1урахъа*с *хъархьеф* = «из-за пупка упавший» – иронич. «самый родной, близкий» – (ФЕ)

4) Исходный падеж в агульском языке употребляется также в объектном значении: *сивилас* (суперэссив) *алархьеф*/ сиви**ъ**ас (инэссив) *аттархеф* «со рта упавший // из рта выскочивший» – «сказанное слово».

Ср. фразеологизм: *сивиъас аттархьегъилди аркьаф* «как только изо рта выскочит[=быстро, моментально] делающий» = «послушный». Интересен в этом плане синонимичный фразеологизм *сивиъ ачадаркеф* «в рот уставившийся» – «послушный, тот, из которого веревки вьют, подкаблучник». Зависимый компонент в данном фразеологизме употреблен в локативном падеже со значением нахождения предмета внутри чего-либо, хотя семантика словосочетания предполагает направление: «находиться в направлении к кому-либо», т.е. должна была быть употреблена форма «*сивиъди ачадаркеф*». *Китабиг1ас* (интерэссив) *к1еджар* «из книги страницы», *к1ураникес* (контэссив) *ц1абар* «с дерева листья», *суратиг1ас* (интерэссив) *гъил /г1айх1ас букв.* «между лицом руку провести»= «умыться».

В агульском языковом сознании *лицо*, определяется как часть тела, располагающаяся между чем-либо (скорее всего, между ушами). Ср.: *сурат г**1**адаф* «бесстыжий»). Об этом свидетельствует формант ***г1***- со значением «нахождение предмета между, в середине, в сплошной массе». Ср.: *дагьрайин хъехъв* *г**1**аеф* «*букв*. «топора нос имеющий между» = «нос, подобный топору» Формальный показатель падежа определяет местонахождение носа также между чем-либо (щеками?).

Такие номинации свидетельствуют об особенностях эмоционально-интеллектуального и образно-ассоциативного осмысления человеком (носителем агульского языка) самого себя и окружающего мира. Следовательно, такие морфологические структуры могут считаться микрофрагментами языковой картины мира.

2.3. Субстантивные словосочетания модели «прил /причастие+сущ» (Adj//Part +$С_{ном}$)

Показателем прилагательного (также и причастия) в агульском языке является формант ***-ф,*** который исследователи связывают с остатками некогда существовавшей четырехчленной категории грамматического класса.

В атрибутивных словосочетаниях прилагательные не согласуются со стержневым словом ни в числе, ни в падеже. При субстантивации прилагательные склоняются и образуют форму числа, что происходит при полной редукции определяемого слова.

Исключение составляют относительные и притяжательные прилагательные (семантику которых, как известно, выражает генитив существительного), согласующиеся в некоторых случаях с главным словом в числе : *дадан хал – дадарин хулар* «отцовский дом – отцовские дома» = «дома отцов», *х1уппан хьей* «овечья шерсть» – *х1уппарин хьеяр* (букв. «овечьи шерсти»).

В свободных словосочетаниях валентность отдельного слова в первую очередь определяется тем, каков диапазон тех смысловых отношений, который может передавать данное слово в сочетании с другими словами по характеру своих лексико-грамматических свойств.

Грамматическое значение предметности у существительных предопределяет широкую возможность распространения их зависимыми компонентами признаковой семантики. Отсюда и свободная сочетаемость существительных с зависимыми прилагательными, существительными и другими словами, которые специализировались для обозначения признака предмета [Скобликова 1990: 7].

Субстантивные словосочетания отмеченной модели выражают различные грамматические значения. Наиболее широко представлены словосочетания с квалитативными отношениями.

Формы реализации семантической валентности слова имеют собственно языковой характер и несут на себе отпечаток национального своеобразия.

В отличие от проанализированных выше словосочетаний атрибутивного типа, в данном параграфе речь пойдет об атрибутивных словосочетаниях, в составе которых функционируют качественные прилагательные и причастия.

В словосочетаниях отмеченного типа в русском языке зависимая часть чаще всего является выразителем «…обобщенных признаков, постоянно присущих каждому человеку, или физических признаков, которые всегда свойственны тому или иному предмету» [Тимофеева 1998: 56]; имеются в виду случаи, когда содержание зависимого компонента включено в семантику главного слова.

Для выявления и классификации словосочетаний с зависимым качественным прилагательным и причастием в агульском языке мы пользовались, наравне с другими методами, и трансформационным методом анализа словосочетаний, суть которого заключается в том, что «различные языковые единицы, будучи членами определенной системы, могут преобразовываться / трансформироваться друг в друга, как бы «порождать» друг друга по определенным, предписываемым системой правилам» [Распопов 1979: 28].

Словосочетания характеризуемой семантики подразделяются на следующие группы: а) словосочетания, характеризующие внутренние качества лица или предмета: *мез адаф* «бессловесный, робкий» (*букв.* «язык не имеющий»); *хабк1илан як1в* о человеке, который все делает не так» (*букв.* «обратный /неправильный топор»); *сивиъ фера гъадатаф* «болтун, ненадежный человек»» (*букв.* «во рту ничего не задерживающий»); *дургъу сив* «болтун»; (*букв.* «дырявый рот»); *мезурал шаккар алеф* «сладкоречивый» (*букв.* «на языке сахар имеющий»); *гъилин джикъеф* «скупой» (*букв.* «руки короткий»); *йирк1уран г1еджиз* «беззащитный, слабовольный» (*букв.* «бедный сердцем»); *х1а к1ил алеф* «умный» (*букв.* «большую голову имеющий»); *темпеларин паччагь* «бездельник» (*букв.* «царь бездельников»);

сивъиас агъу адавереф «злой, со злым языком» (*букв.* «изо рта яд выходящий»); *ширин мез хъаф* «сладкоречивый, ласковый» (*букв.* «сладкий язык имеющий»); *ачухъ йирк1в аеф* «открытый, приветливый человек» (*букв.* «открытое сердце имеющий»); *алгъату тур* «человек, всегда готовый драться» (*букв.* «поднятый меч»); *даран идеми* «дикий, не соблюдающий общественные нормы поведения» (букв. «лесной/из леса мужчина»); *шадвелдин негъвар* = «слезы восторга» и др.

Как видим, основное место в данной подгруппе занимают фразеологические единицы, трансформация которых могла бы привести к дефразеологизации.

Свободные словосочетания данной подгруппы в агульском языке допускают трансформацию: *тег1де йирк1в* «быстрое сердце» → *тег1де йирк1в аеф* «быстрое сердце имеющий»; *тег1де юруш* «быстрая походка» → *тег1де юруш хъаеф* «быструю походку имеющий», т.е. модель «прил.+сущ.» трансформируется, при сохранении того же значения. в модель «прил.+ сущ. + прич.», но не все словосочетания допускают такую замену: ср.: *ц1ак1инин шадвелар* – «свадьбы (свадебное) веселье»; *х1уьлматин ишаратар* (*букв* «уважения признаки») = «знаки внимания»; *къикъе къакъар*= «тяжелые ноши»; *итталин тагьарар* (*букв.* «болезни признаки») = «симптомы болезни». В последних примерах трансформации, если и возможны, то уже других моделей.

Иногда замена приводит к развитию многозначности, или реализуется совершенно другое значение: *ац1у яккарин руш* (*букв.* «мясом полная девушка») → *ац1у руш*– 1) «полная девушка»; 2) «щедрая девушка». Возможно, в этом случае мы имеем дело с особой разновидностью метафорического осмысления: полная (в физическом плане) → щедрая (щедрость включает сему отсутствия ограничения=много).

Все случаи такого своеобразного национально-культурного переосмысления значений прилагательных могут стать предметом специального исследования.

б) Словосочетания с характеристикой лица или предмета по его внешним признакам (очертания, форма, цвет, рисунок):

батa1ар к1алибаринф (*букв.* «красивых очертаний») = «красивый // красивая телосложением»; *джикъе джанаринф* (*букв.* «коротких тел») = «низкорослый»; *ац1у яккаринф* (букв. «полного// плотного мяса») = «полный, в теле»; *назик джанаринф* (*букв.* «тонкого тела») = «худой»; *муул гьаеф* (*букв.* «губу имеющий») = «имеющий форму выступа» (о форме обуви, земельного участка и т.д.); *гъазе рангунин дарман* «зеленого цвета лекарство»; *ц1уьппе гъвандинф* (*букв.* «из твердого камня») = «из камня твердой породы»; *ирхе джанаринф* (*букв.* «высокого телосложения»)= «высокий»; *къикъе хасиятинф* (*букв.* «тяжелый на характер») = «скромный, немногословный»; *хуларин берх1ем* (*букв.* «полосок платье) = «платье в полоску»; *т1ут1ар ачирх1у кьумаш* (*букв.* «мухами утыканная ткань») = «ткань с рисунком в горошек».

В таких словосочетаниях определение первого или второго яруса так же, как и в русском языке [Молошная 1975:52], в ряде случае можно опустить без ущерба для смысла. Сравним: *гъазе рангунин дарман* «зеленого цвета лекарство» → *гъазе дарман* «зеленое лекарство»; *ирхе джанарин идеми* «высокого тела мужчина» → *ирхе идеми* «высокий мужчина»; *1урч1е рангунин берх1ем* «рубашка пестрого цвета» → *1урч1е берх1ем* («пестрая/разноцветная рубашка».

Как было отмечено выше, среди квалитативных словосочетаний, подчеркивающих внешние и внутренние качества лица, предмета, животных, очень много фразеологических единиц компаративной семантики, способствующих более детально-образному описанию внешних данных лица или живого существа: *гъилин кьаб дегьен суьве илан* = «змея, толщиной с

человеческую руку»; *фатуна г1ачихьу сурат г1аеф* «о человеке с грубыми чертами лица» (*букв*. «такое лицо, как будто с размаху закинули»); *дагьрайин хъехъв г1аеф* «нос, похожий на топор» (*букв*. «топора нос имеющий»); *зурзумин лекар ккиеф* «о человеке с худыми ногами» (*букв*. «тростиночки ноги имеющий»); *пе1элан муг суман к1ил алеф* «о человеке с взлохмаченной головой» (*букв*. «как куриное гнездо голову имеющий»); *хил кейхьу пе1 суман* «иметь жалкий вид» (*букв*. «как курица с опущенным/поломанным крылом»); *суван багв суман* «рослый, здоровый, статный» (*букв*. «подобный половине/части скалы»).

К этой же группе можно отнести словосочетания, которые являются названиями масти, породы, кличек животных, даваемых им по характерным внешним признакам: *г1ут1е ибрар алеф* «маленькие уши имеющий»; *кьант1а гъуй* «собака с коротким хвостом» (*букв*. «обрубок собака»); *бак1ай урч* = «теленок с пятном на лбу» (*букв*. «пятно теленок»); *1урч1ай х1уни* = «пеструшка корова»; *рашай х1уни* = «рыжеватая корова».

В большинстве своем словосочетания отмеченной семантики представлены моделью «$С_{ном}$+$С_{ном}$.». Данная модель – это, скорее всего, результат изменения более сложной конструкции атрибутивного словосочетания, которая легко восстанавливается в синхронном плане: *бак1ай урч* «пятнистый теленок» ←*бак1ай ае урч* = «пятно имеющий теленок», *кьант1а гъуй* «с коротким хвостом» ←*кьант1а рудж хъае гъуй* = «обрубленный /короткий хвост имеющая собака».

Аналогичные процессы опрощения, контаминации и распада словосочетания имеют место и в других языках, например в русском языке [Акимова 1990:19].

Словосочетания данной группы могут расширяться, образуя многочленные структуры следующих моделей: $С_{локат}$.+$C_{ном}$.+Part+$C_{ном}$; $С_{ном}$.+Conv + Part.+$С_{ном}$.

Дуьньяйин ттур ае инсан «известный» (*букв.* «в мире имя имеющий человек») – $С_{ген}$.+ $С_{ном}$ + Part.+ $С_{ном}$; *гъил алархьуна кар аркьая устта* «опытный» (*бук*в. «руку набив, работающий мастер»); $С_{ном}$ + Conv+ Part.+ $С_{ном}$; *улар алийина кьвадилкьван руха руш* «опытная ковровщица, рукодельница» *(букв.* «глаза закрыв ковер ткущая девушка»).

К подобным же конструкциям относятся и следующие словосочетания: *гъилиъас къизил адавере шиниккв* «парень с золотыми руками»(*букв.* «из руки золото выходящий парень»); *садпе мукь фацу чемпион* «занявший первое место чемпион»; *инсандисра авус яг1ардахье руш* «тихая, скромная девушка» (*букв.* «девушка, про которую [есть она или нет] ни один человек не знал»); *т1убун ккея руш* «достойная девушка, за которую ничего не жалко отдать» (*букв.* «девушка, которая стоит пальца»); *кепекин ккидава инсан* «никчемный, ненужный никому» (*букв.* «копейки не стоящий человек»); *сивиъ т1уб ик1учин кьац1 алишас даг1аф* «безобидный» (*букв.* «в рот если палец положишь, кусать не умеющий») ; *гъилар дуга кьец1*«первый помощник» (*букв.* «шипцы, которые не жгут руки»); *гъилин пешабур кеф* «ручных дел мастер»; *ишар-пешабур кеф* = «рукодельница».

Большинство словосочетаний данной группы представляют собой также устойчивые единицы. Приводимые далее примеры свидетельствуют об этом: *т1уб гьадик1учин, гъил гьарт1аф* (*букв.* «палец если протянешь, руку отрывающий») = «ненасытный, жадный»; *сад агъаф, сад арт1аф – ирон.* «исполнительный, тот, кто смотрит в рот кому-либо; во всем согласен с собеседником (*букв.* «один говорит, другой – режет»); *бембегил 1аттар аркьаф* (*букв.* «на вате хромающий») = «капризный, придирчивый»; *ккея неккар яг1аф* (*букв.* «знающий, сколько должно быть молока») = «знать чьи-либо слабые места»; *йирк1урал алгъархьеф агъаф* (*букв.* «на сердце что всплыло говорящий») = «о человеке, который говорит не подумав, все, что взбредет в голову»;

в) словосочетания, обозначающие физические параметры предметов.

Данную группу образуют словосочетания, в состав которых входят лексемы со значением физических параметров предмета – ширины, высоты, размера, температуры и т .д. Основные модели*:* $С_{ном}$+ компарат. частица + $С_{ном.}$; Conv.+ Part..+ *частица* + $С_{ном}$: *гап дегьен манзил* = «расстояние с ладонь»; *ч1ил суман ху* = «поле как ремень»; *ч1ул суман ирхеф* = «высокий как тополь», *т1уб дегьен суьвеф* = «толщиной с палец», *гъван дегьен ц1уьппеф* = «крепкий как камень»; *ери къари але кьвадилкьван* = «ковер длиной в семь *къари*» (*къари*- мера длины, равная примерно 50 см); *мях1 суман ибг1аф* = «теплый, как сыворотка»; *х1уьл дегьен х1аф* = «большой, как море»; *даракк аккета дегьенф* = «такой, который достанет до леса»; *ве агъай дарукьадегьен рекъ* (*букв.* дорога, которой не видно конца») = «очень дальняя»; *кьурк1ар уга рагъ* (*букв.* «солнце, которое сжигает плешь») = «сильная жара»; *1ама дегьен джил* = «земля расстоянием в один шаг»; *хал арц1адегьен к1ирк1* (букв. «сын/парень, который заполняет комнату») = «крупный, рослый»; *ц1а ата меляхъв* «светлячок» (*букв.* «огонь бьющий червь») .

Зависимая часть таких словосочетаний представлена компаративными конструкциями, называющими физические, параметрические данные того, что обозначено главным словом. Параметры одного предмета передаются через сравнение с другим предметом*: с ладонью, ремнем, шагом, размером комнаты, моря, высотой леса* и т.д. Физические ощущения человека передаются через сравнение с ощущениями, связанными с воздействием *солнца, сыворотки* и т.д., т.е. с теми реалиями, которые знакомы носителю языка.

Словосочетания, построенные по трехкомпонентным моделям с зависимым прилагательным и причастием, нередко являются наименованиями инструментов, бытовых предметов: *руькъ адархъа кьул* «совок для золы» (*букв.* «золу выгребающая доска»); *фурд ккегъирх1а 1уй* «вилы для навоза», *к1ил джирха раг1* «расческа», *хьеяр рук1а раг1* «станок

для чесания шерсти», *кьурар руг1а раг1* «мельница», *куппар арт1а тур* «деревянное приспособление в форме меча для нарезания кизяка», *шаккар руг1а кьец1* «щипцы для сахара», *пичиг1 г1адарка кьец1* «щипцы для углей» (букв. «в печи перемешивающие щипцы»), *хинк1ар аркьа кьул* «доска для раскатывания хинкала», *кунар диркьван машин* «швейная машинка» (*букв.* «одежду шьющая машинка»), *хьибу муртт але руб* «сапожная игла» (*букв.* «три угла имеющая иголка»), *х1уппар арх1а х1уьттез* «ножницы для стрижки овец». Стержневые компоненты в отмеченных словосочетаниях являются многозначными словами, поэтому только в подобных номинациях конкретизируется, уточняется их семантика.

Как видим, субстантивные словосочетания с квалитативными отношениями отличаются богатой семантикой. Они обозначают как внешние, так и внутренние признаки, свойственные лицу или предмету. Субстантивные словосочетания данной семантическй группы широко представлены фразеологическими единицами, компаративными конструкциями. Среди синтаксических моделей, передающих квалитативные отношения, превалируют двухкомпонентные модели, хотя почти во всех проанализированных группах встречаются также трех- и многокомпонентные словосочетания.

2.4. Субстантивные словосочетания модели «числительное + существительное» (Num+$С_{ном}$)

Числительное в агульском языке – это в целом замкнутый разряд слов, обозначающих количество предметов и порядок их при счете. Система счета здесь, в основном, десятеричная, хотя в речи старшего поколения и в некоторых диалектах сохраняется и двадцатеричная система счета: 10 – *йиц1уд;* 30 – *хьибц1ур* (*хьибуд* «3» и *йц1уд* «10», 60 – *ехьц1ур* (*ерхьид* – «шесть» и *йиц1уд* «10»), а также параллельно употребляется двадцатеричная система счета: *хьибукъад* (*хьибуд* –«три» и *къад* – «двадцать»).

А.А. Магометов выделяет в агульском языке следующие разряды числительных: количественные, порядковые, дробные, распределительные, собирательные и кратные [Магометов 1970:94].

З.К. Тарланов выделяет количественные, порядковые и дробные числительные. Относительно распределительных числительных он отмечает, что нет достаточных оснований причислять слова типа *хьи-хьибутти* «по два», *са-сасатти* «по-одному» к числительным, и считает, что они должны быть отнесены, скорее, к наречиям, поскольку, во-первых, в речи они синтаксически связаны с глаголом, отвечая на вопрос «как?», во-вторых, не склоняются и, в-третьих, не сочетаются с конкретными существительными [Тарланов 1994:98].

Не включает в состав числительных З.К. Тарланов также и слова типа *хьибудара* «втроем», *якьудара* «вчетвером», считая, что здесь представлены количественные числительные, усиленные союзом ***ра*** («и»). Соглашаясь с З.К. Тарлановым относительно усилительного значения, привносимого союзом ***ра*** в данные числительные (и не только в них, но и в местоимения, существительные, глаголы: *мебура* «и эти», *китабара* «и книги», *экьучира* «даже, если останусь»), отмечаем, что указанные выше числительные, кроме количества и усиления этого значения, содержат и семантику собирательности, совокупности. Ср.: *хьибудар шибер шувас йиная Кьулбана* «Все трех дочек Курбан выдал замуж». Числительное *хьибудар* относится к существительному *шибер* «дочки» (склоняется по падежам в субстантивированном виде). Морфологический анализ таких числительных позволяет разложить их на следующие составные части: *количественное числительное* + *ар*. Что касается конечного **-а**, так это действительно усилительный союз, который может опускаться. В агульском языке формант множественного числа ***-ар*** является и наиболее продуктивным деривационным аффиксом; семантика производного слова, связанная с множеством предметов, прозрачная [Каидов 2005:32].

В качестве словообразовательного форманта ***–ар*** в лезгинских (в том числе и в агульском) языках отмечает и Н.Д. Сулейманов [Сулейманов 2000:271]: *т1аб* «пень» > *т1аб**-ар*** «капкан, деревянный замок», *лек* «нога» > *лек**-ар*** «обувь», *рукь* «железо» > *рукь**-ар*** «замок», *некьв* «могила» >некьв***-ар*** «кладбище», ккейшуф «спустившийся» > *ккейшур-ар* «остатки муки, зерна, после чистки или помола», ср. в этом же значении: *багв –ар* «мука, собирающаяся по бокам жерновов, мельницы» < *багв* «бока» т.д.

Числительные агульского языка, выступая в качестве зависимого компонента в субстантивных словосочетаниях, не согласуются с существительным ни в числе, ни в падеже, но указывают на точное количество предметов, обозначенных стержневым компонентом. Например: Са *чувалиъ* *ая г1ур ккенегуна ц1ег1ифугелай, ушуна канве х1аттарилди, миннар аркьай* «Чтобы один мешок муки купить, десять-пятнадцать раз надо ходить просить начальство» (ВА 1994, №29): числительное *сад* «один» стоит в им. пад., а существительное *чувалиъ* – в локативном, т.е. согласования в падеже с существительным нет.

Якьу багв ул ярх1уна,/ Ве джандис чара акье «Четыре стороны обозрев,/ Найди себе выход». *Са г1анаъ 1у юрк1в аеф* «В одном теле два сердца имеющий» (А. Алиева. «*Юрк1в ут1ас 1эмал маркьа*»). Такой же тип подчинительной связи демонстирируют и другие разряды числительных. Порядковые числительные: *Хьибудпе суалра агъат1уная ми паччагьдин* «Третий вопрос [загадку царя] тоже отгадал он» (из фолькл текстов). *Садпе дарсуниди кьана акьуна адине шиниккв* «На первый урок с опозданием пришел мальчик».

Порядковые числительные в агульском языке образуются от количественных путем добавления ***-пе***, являющегося усеченной формой от причастия прошедшего времени *пеф* «сказанный». При употреблении в качестве определяемого компонента у порядковых числительных так же, как и у прилагательных, конечный формант опускается, но в изолированном их

употреблении он сохраняется. Следует отметить, что порядковые числительные, субстантивируясь, как и прилагательные, склоняются по падежам: *хьибудпе*ф (им.п.) «третий», *хибупетти* (эрг.п.) «третьим», *хьибудпеттис* (дат.п.) «третьему» и т. д.

Особый интерес представляют субстантивные словосочетания с собирательными числительными: в составе таких словосочетаний существительные тоже ставятся в форме множественного числа. Ср: количественное числит. в ед.ч. *г1ифу идеми* «пять мужчин (*букв.* «пять мужчина»), но *г1ифудар идемар* «пятеро мужчин».

В агульском языке конструкции «*колич. числ.+ сущ.*» являются квантитативными: *хьибу к1ур* «три дерева, *хьибу к1урарихъ* «за тремя деревьями». В таких конструкциях числительное не согласуется ни в числе, ни в падеже с существительным. Активно употребляются словосочетания с числительными в форме множественного числа: *Хьибудара шиникквара атуна, ушуне ге г1аради* «Оставив троих детей, пошла она на сенокос». На самом деле, перед нами совершенно другой разряд числительных – собирательные, которые образуются добавлением форманта -*ар* (одновременно являющегося аффиксом множественного числа) к количественному числительному*: якьуд – якьудар* «четыре – четверо», *ерид – еридар* «семь – семеро».

Сочетания существительных с числительными представляют интерес и в лингвокультурологическом плане. О культурологическом значении категории числа Р.Т. Муратова отмечает, что в последнее время актуальными стали исследования, посвященные языковой картине мира. В качестве параметров языковой картины мира выступают, прежде всего, уникальные категории человеческого сознания и культуры, к которым относится и число [Муратова 2009:7].

Исследованию универсального характера символов, передаваемых при помощи различных чисел, посвящено достаточно много работ не только по лингвистике, но и по философии, литературоведению и т.д.

На материале аварского языка написана статья Л.Г.Алихановой «Числовая символика в аварских фразеологических и паремиологических единицах» [Алиханова 2011:34], на материале агульского языка – С.Н. Гасановой [Гасанова 2010: 147].

Символика чисел анализируется нами, в основном, на материале устойчивых единиц (фразеологизмов, паремий, формул речи). В широком понимании все они относятся к фразеологизмам. Привлекается также фольклорный материал. Определенное представление о символике чисел дают и обычаи, традиции агулов, к которым восходит та или иная числовая символика.

Как показывает проанализированный материал, в составе отмеченных выше устойчивых комплексов этнокультурная символика чаще всего связана с числами 1, 2, 3, 4,7, 40.

Числительное *сад* «один» употребляется наиболее продуктивно. При сочетании с другими словами данное числительное (как и все другие количественные числительные) утрачивает конечный согласный, являющийся, по мнению А.А. Магометова, окаменелым классным показателем [Магометов 1970:98].

Наряду с указанием на единичное количество чего-либо, данное числительное употребляется в значении неопределенного количества чего-либо или в качестве усилительной частицы. Ср.: с*а т1убун ккеяф* (*букв.* «одного пальца стоящий») = «о чем-либо заслуживающем внимания». *Са ягъарикес са ягъа, геда урчарихъ хъаегуна, баба файдиная гис са ч1укь уьтт* «Однажды (*букв.* «из одних дней в один»), когда мальчик пас телят, мама принесла ему немного меду» (из сказки). В данном предложении числительное *сад* употреблено в двух значениях: с одной стороны, оно

указывает на неопределенный, неконкретный день, а с другой – в сочетании с существительным *уьтт* «мед» выступает как усилительная частица к наречию *ч1укь* «мало». О грамматикализации данного числительного и о приобретении им функций неопределенного артикля со значением «какой-то, некий» пишет и С.Р. Мерданова: «В таком значении *сад* используется при описании неопределенного референта (перед именной группой) и неопределенного аппроксимативного числа (перед количественной группой)» [Мерданова 2004:154] .

Ср. еще*: Са гъили 1у халпусак фацанас верефттава* «В одной руке два арбуза удержать невозможно». *Са ул са улихъ хъадархьурай э пуна э арайиг1 хъехъв г1ик1унаеф* «Чтобы один глаз за другой не запал, между ними поставили нос». *Фидегьен алцучира, дагин руджурал алеф са къари э* «Сколько ни мерь, длина хвоста ишака – один аршин». В пословице *Сатти дараъ к1урра дахьурай!* – «Одиноко пусть и дерево в лесу не растет» число один символизирует одиночество.

Число *сад* «один» может быть носителем временной символики, обозначением непродолжительного, кратковременного действия, процесса: *Са ягъ хьеф суманра дахьуна алттушуне 1уьмур* «Жизнь пролетела как миг» (*букв*. «как один день»). *Са гъалат1 маллайин рушафасре верефе* «Одну ошибку допускает и дочь муллы».

Достаточно продуктивно употребляется числительное *1уд* «два», часто символизирующее непродолжительное время, которое вовсе не является равным именно количеству двух дней: *1У ягъра дахьуна, ккирк1уне гъушудегьенттар* «Двух дней не прошло, уже кончились запасы». Число *1уд* связано также с обозначением парных предметов: *1у улис дагуф андава* «чего только два глаза не видели», *са гъил 1у к1ил хьуна гъузуная зун* «одна рука две головы стали у меня» (= «оказался в безвыходном положении»); *1у лек ккетттархьасттегьен гьишине зун* «две ноги пока не отвалятся бежать» = «бежать очень быстро».

Интерес представляют некоторые сложные слова, в состав которых входит число *1уд*: *1удраккатай* (название мифического существа): данное сложное слово образовано сложением двух самостоятельных слов: *1уд* «два» и *раккатай* «тот, кто ходит под дверями, попрошайка»: по поверьям агулов, если *1удраккатай* постучит два раза в чью-то дверь и позовет кого-то его именем, а тот отзовется – это к беде, чаще всего к смерти; *г1удафанар* < *1уд* а(-я) *фун-ар* «двойня, близнецы»: где *1уд* –«два», *а(я)*«иметь, находиться» и *фун* «живот». В качестве символа (обозначения близнецов) числительное «два» используется и в кошанском диалекте: *кьулахай* «близнец».

Особо сакральным является число *ерид* «семь». В выражениях *Ери джилариъ ушурай вун!* «В семь земель чтобы ты провалился!» *и Ери заварил алгъушуне, шад хьуна* «На семь небес поднялся от радости» отражены взгляды агульцев на Вселенную, которая состоит, по их представлениям, из семи слоев земли (внизу) и семи слоев неба (наверху). Число *семь* в агульском языке часто символически связано с положительными, добрыми делами, пожеланиями. Об этом свидетельствуют формулы речи с числительным *ерид* «семь», связанные с некоторыми обычаями: после того, как невесту вводят в дом жениха, ее сажают в угол комнаты, три раза к ее коленям прикладывают ребенка – мальчика, приговаривая при этом: *Ери к1ирк1ан баб хьурай, ваъалас ери хал алттирай!* «Чтобы ты стала матерью семи сыновей, чтобы через тебя перешли семь домов (семей)!». Положительная числовая символика выражена и в структуре следущего поверья: *ери къуттулас алайшу хьед ух1ас ахттигьар ая* «вода, [текущая в ручье, речке] если через семь камушков перетекла, значит, она чистая и можно ее пить».

Семантику семикратного усиления признака (в противопоставлении числу *сад* «один») несет число *ерид* «семь» в следующей агульской поговорке: *Дад хъадаваф – сагелай етум, баб хъадаваф – еригелай* «У кого нет отца – тот единожды сирота, у кого нет матери - семижды сирота». Такое

же противопоставление числа *ерид* и *сад* мы видим и в следующей пословице: *Ери вец хъаяф са т1ул хъаеттил алчархьафе агъа* «Тот, у кого есть семь быков, вынужден бывает иногда обратиться к тому, у кого есть только один прутик для скота».

Числительное *ерид* «семь» часто используется в агульских народных песнях:

Ери рангунин зе рагъухъан	Семицветная ты моя радуга//
Ери ц1аб кее ц1антук	С семью лепестками цветок,
Ве ц1абар кедахъурай	Пусть не осыплются твои лепестки,
Дадар-бабарин масан	Ненаглядная для родителей,
Вун ч1аларин дахьурай	Чтобы не сглазили тебя

(букв. пер. наш – С.Г.).

О символическом употреблении аварского числительного *анкьго* «семь» Л.Г. Алиханова пишет, что семеричный ряд играет большую роль в религиозных представлениях людей: «…согласно Корану, Аллах сотворил «семь небес рядами», и, по мусульманскому преданью, именно на седьмом небе находится рай» [Алиханова 2011: 34].

2.5. Субстантивные словосочетания модели «местоимение + существительное» (Pron+ $С_{ном}$)

Среди субстантивных словосочетаний агульского языка словосочетания с зависимым местоимением занимают особое место, что обусловлено спецификой данного лексико-грамматического разряда слов. А.А. Магометов выделяет в агульском языке следующие разряды местоимений: личные (*зун* «я», *вун* «ты», *хьин* «мы» - инклюзив, *чин* «мы» – эксклюзив); притяжательные (*зеф* «мой», *веф* «твой», *тинф* «его» и т.д.); указательные (*ме* «этот», *те* «тот», *ле* «тот наверху»), вопросительные -

(*фуш?* «кто?», *фи?* «что?»), возвратные (*уч* «сам», *чаб* «сами»), неопределенные, отрицательные [Магометов 1970:101-117].

З.К. Тарланов добавляет к ним также разряд указательно-локативных местоимений: «Совершенно особо стоят слова, исторически сложившиеся на базе указательных местоимений и существительного us –низ, место, служащего для указания на место: mewus – это место, tewus – «то место», lewus – «то место наверху и т.д.» [Тарланов 1994:108].

В керенском диалекте агульского языка наблюдаются расхождения между формами именительного и эргативного падежей личных местоимений первого и второго лица. В остальных диалектах эти формы не различаются. «Керенский диалект в этом отношении противостоит всем остальным диалектам агульского языка: форма эргатива в нем отличается от формы именительного и выражается формантом ***-ш***» [Сулейманов 1983:91]:

Хьасгьан зал яраб бала, Нагрянет ли беда на меня,

Ве таг1риф, Чархъи-къала Если похвалу Чархи-къала

Заш акьучин, дардуман Я сделаю тебе, дорогой

(Абумуслим «Чархъи-къала»).

В собственно-агульском диалекте *заш* в эргативе имеет форму *зун* (как и в именительном падеже).

В зависимости от разряда местоимений субстантивные словосочетания подразделяются на следующие типы:

1) Словосочетания с зависимым личным местоимением. Личные местоимения используются для обозначения субъекта действия и, следовательно, являются предметом анализа на уровне предложения.

Словосочетания с личными местоимениями выражают определительные и притяжательные значения как в двухкомпонентных, так и трех- и многокомпонентных словосочетаниях: *Яг1а зе кардилди*

журналисттар адина уйи «Сегодня ко мне на работу журналисты приходили». Значение принадлежности выражает родительный падеж личных местоимений *зе(ф)* (им. п. - з*ун* «я»), *ве (ф)(* им.п. *вун* «ты»), *че (ф)* (им.п. чин «мы» – эксклюзив) и *хье* (им.п. *хьин* – инклюзив). Значение принадлежности выражает также форма родительного падежа возвратного местоимения *учин* (им.п. – *уч* «сам»), *чиппин* (им.п. *чаб* «сами»).

Данная семантика в зависимости от контекста может выражаться и редко употребляемой в разговорной речи формой притяжательного местоимения *жуван*. В плане морфологической структуры данное слово можно разложить на следующие морфемы: *жув-а-н*. Форма именительного падежа (*жув* «сам») в живой речи не встречается, хотя в близкородственном лезгинском языке она есть. Чаще употребляется эргативная форма данного местоимения: *Жува* [эрг. п] *дакьуф жувас* [дат. п] *джирк1ейдава* «Найдешь [себе] только то, что сам (своими руками) сделал».

2) Притяжательные местоимения в сочетании с существительным указывают на принадлежность предмета тому или иному лицу, предмету: *зе чи* «моя сестра, *зе хиялар* «мои переживания», *ве кар* «твоя работа», *ве китаб* «твоя книга», *чве х1уппар* «ваши овцы», *че ц1ак1инар* «наша свадьба».

Как и в других дагестанских языках, притяжательные прилагательные в агульском языке формально совпадают с формой генитива личных местоимений. В изолированном виде притяжательные местоимения склоняются и имеют показатель ***-ф***, который редуцируется в сочетаниях со словами. Местоимение в таких словосочетаниях всегда предшествует существительному, связь между компонентами – примыкание. В постпозиции притяжательные местоимения выступают в предикативной функции и оформляются формантом *–ф*,ср. з*е ттирзин* «мой велосипед» – *Ме ттирзин зеф э* «Этот велосипед мой [есть]».

В вопросительных предложениях уточняющего характера возможно употребление полной формы (без редукции -*ф*) притяжательных местоимений, ср: в*е хал* «твой дом» < > *Веф эв ме хал*? «Этот дом твой?»

Притяжательное местоимение *зеф* указывает на принадлежность чего-либо или кого-либо субъекту действия.

В собственно-агульском диалекте отмечаются некоторые ограничения в семантической валентности данного местоимения: сочетается только со словами отдельных семантических групп слов, например, не употребляется в сочетании со словом *ч1ал* «язык»: не встречается словосочетание *зе ч1ал* (в значении «свой/родной язык»), используется *хье ч1ал* «наш язык» (инклюзивная форма множественного числа местоимения *хъин*-мы), *че ч1ал* «наш язык» (эксклюзивная форма).

Также ограничена сочетаемость данного местоимения и с лексемами «отец», «мать»: принято говорить *че дад* «наш отец», *че баб* «наша мама», что, возможно, связано с экстралингвистическими факторами (с количеством детей). Такие конструкции употребительны в речи одного человека [из детей] и в некоторых других дагестанских языках: ср. в ав. *нижер эбел* «наша мама», в арч. *доло бува* «наша мама» и т.д.

Компоненты отмеченного типа словосочетаний в агульском языке связываются связью примыкания. Показатель притяжательного прилагательного (-*ф*), так же, как и при зависимом прилагательном, опускается, зависимое слово находится в препозиции к главному. В составе данного типа словосочетаний наблюдается совпадение формы генитива личных местоимений и им.п. притяжательных местоимений, ср.: *зун* («я» - им.п.), .*зе* («я» - р.п.), з*е* (-ф) *китаб* «моя книга».

В словосочетаниях другой модели с определительной частью, выраженной причастием, значение принадлежности, предназначения выражает также форма дательного падежа притяжательного местоимения,

ср.: *Вас лик1и к1едж илгуная зе гьидикуна*. «Тебе написанное письмо осталось мною не отправленным».

3) Словосочетания с указательными местоимениями представляют собой наиболее распространенный тип словосочетаний. Это объясняется прежде всего необходимостью выразить пространственное нахождение предмета относительно того или иного ориентира или определить, уточнить предмет с точки зрения его временной протяженности.

В субстантивных словосочетаниях, в зависимости от семантики указательного местоимения, возможно указание на нахождение предмета относительно ориентира в следующих локальных точках: нахождение предмета вблизи, рядом, вдали – как на горизонтальной линии, так и вверху или внизу.

Есть местоимения, которые указывают на нахождение предмета недалеко от говорящего, но рядом со вторым участником акта речи. Ср.: *ме булах* «этот родник», *те булах* «тот родник, находящийся на определенном равноудаленном горизонтальном расстоянии от участников ситуации или говорящего», *ге булах* «тот родник, находящийся ниже относительно ориентира», *ле булах* «тот родник, находящийся выше относительно ориентира, а также ближе рядом со вторым участником ситуации».

К данным местоимениям может препозитивно присоединиться усилительная дейктическая частица *гьа-//-гье* [Магометов 1970:110, Сулейманов 1993:128, Тарланов 1994:103], семантику которой в свою очередь еще больше усиливает другая частица *гьо*. Обе эти частицы могут указывать как на более удаленное расположение предмета, так и на конкретизацию местонахождения. Ср.: *Гьете дармандхъас э зун гъемидегъен гагьди руцай уйиф* «/Вон/ то лекарство столько времени я искал». *Гъо гъате хlадада э зас накъ хевар еф* «Вон тот дедушка мне вчера дал орехи». В последнем предложении уточняется место нахождения указанного лица среди других лиц или относительного других предметов.

Указательные местоимения сочетаются с вещественными, конкретными существительными почти всех семантических групп, а также с существительными абстрактной семантики:

Те багв, ме багв дагьарар,	Та сторона эта сторона скалы,
Я1аниъ - Магъу-дере,	Посередине – Магъу-дере.
Магъу-дере майдан хьурай	Магъу-дере, пусть будет ровным
Машинарис рекъер хьурай	Пусть будут дороги для машин.

(Сб. «Песенное творчество агулов»).

Зун агъул э	Я – агулец
Агъулар дакканди дава	Агульцев не люблю не говорю
Агъул хьубал	Что агульцем родился,
Зун мусра пашмалдава	Никогда я не сожалел.
Зе агъул халкь	Мой агульский народ
1эджиз ва уджуз хьуна	Чтоб был несчастен и унижен,
Гьич мусра кех1яй,	Никогда с этим делом
Ле кардил зун разидава	Не буду согласен я.

(Ш. Шерифов. Досл.пер.наш –.С.Г.).

В силу неизменяемости определяемого слова в косвенных падежах между компонентами характеризуемых словосочетаний реализуется связь с признаками примыкания; в постпозиции (в предикативной функции) местоимение может быть согласовано в числе и падеже: Г*е идемар* «Те мужчины» - *Идемар – гебур* «Мужчины те» [есть].

Таким образом, возможности реализации той или иной связи и формального согласования в конкретных грамматических категориях зависит от определительной (в препозиции) или предикативной (в постпозиции) функции указательных слов как одного из компонентов словосочетания.

Адъективные словосочетания

Краткие выводы по 2 главе:

Именные словосочетания – это продуктивная модель номинации агульского языка. В качестве стержневого компонента в таких словосочетаниях выступают существительные, прилагательные,

местоимения, числительные. Наиболее регулярной и продуктивной оказалась модель субстантивных словосочетаний. Субстантивные словосочетания в агульском языке представлены различными моделями, в которых в качестве зависимого компонента могут выступать существительные, в различных падежных формах, прилагательные, местоимения, числительные, причастия.

Выявлены словосочетания следующих моделей: $\mathbf{C}_{\text{ном}} + \mathbf{C}_{\text{ном}}$; $\mathbf{C}_{\text{ген.}} + \mathbf{C}_{\text{ном}}$; $\mathbf{C}_{\text{ном}} + \mathbf{C}_{\text{ген.}}$; $\mathbf{C}_{\text{дат}} + \mathbf{C}_{\text{ном.}}$; $\mathbf{C}_{\text{лок}} + \mathbf{C}_{\text{ном.}}$; $\mathbf{C}_{\text{элатив}} + \mathbf{C}_{\text{ном.}}$; $\mathbf{C}_{\text{ном}} + \mathbf{C}_{\text{ном}}$; $Adj + \mathbf{C}_{\text{ном}}$; $\mathbf{Part} + \mathbf{C}_{\text{ном}}$ и т.д.

Анализ словосочетаний отмеченных структурных моделей позволил расширить представление о семантике некоторых падежей агульского языка. Образцы текстов позволили вскрыть некоторые аспекты, способствующие дифференциации значений слов.

Наиболее продуктивной моделью среди субстантивных словосочетаний оказалась модель $\mathbf{C}_{\text{ген.}} + \mathbf{C}_{\text{ном.}}$ Выявлено 13 семантико-синтаксических групп этой модели, обусловленных особенностями семантики формы родительного падежа.

Основной вид синтаксической связи в именных словосочетаниях – примыкание. Наше исследование позволило выявить в некоторых типах именных словосочетаний и частичное согласование (в числе).

Глава 3. Глагольные словосочетания

Грамматически стержневым компонентом в глагольных словосочетаниях выступают простые глаголы, сложные глаголы, фразеологические единицы с глагольной семантикой (о последних будет сказано в четвертой главе).

В образовании различных моделей словосочетаний ведущая роль принадлежит стержневому слову. Характер отношений и связей, проявляющихся в словосочетании, зависит не только от семантики, но и от лексико-грамматических свойств стержневого слова, в том числе от валентностных свойств глагола.

В дагестанском языкознании за последнее десятилетие сделан значительный шаг вперед в исследовании валентности глагола, особенностей взаимодействия глагольной семантики и синтаксических свойств глагола.

Глагол – один из самых сложных лексико-грамматических разрядов слов в агульском языке. Ввиду наличия у него развитой системы временных и модальных форм, глагол способен управлять именами. Те семантико-синтаксические отношения, которые могут складываться между компонентами глагольных словосочетаний, зависят не только от стержневого глагольного компонента, его семантики и валентностных особенностей, но и от лексико-грамматических свойств других компонентов, входящих в состав словосочетания.

К изучению глагола агульского языка в разное время обращались исследователи как в связи с описанием данного языка в целом, так и в целях специального исследования глагольной лексики. В той или иной мере глагол агульского языка был исследован в работах А. Дирра, Р. Шаумяна, А.А. Магометова, Н.Д. Сулейманова. Более подробно и полно глагольные

категории исследованы в работах З.К. Тарланова [1994], С.Р. Мердановой [2004].

Нас в данной работе интересует глагол как грамматический стержневой компонент глагольных словосочетаний, поэтому нет необходимости в описании разных подходов к изучению глагольных категорий.

Глагольные словосочетания исследуются в данной диссертационной работе с точки зрения смысловых отношений между составляющими их компонентами, так как во многих случаях эти отношения эксплицируются не только грамматическими особенностями языка, но и валентностными возможностями глагола, семантикой взаимодействующих компонентов.

На характер отношений, таким образом, влияют лексико-грамматические свойства компонентов.

В глагольных словосочетаниях агульского языка реализуются объектные и обстоятельственные отношения. Среди словосочетаний с обстоятельственными значениями можно выделить пространственные, временные, целевые, причинные и др. отношения.

3.1. Глагольные словосочетания, выражающие объектные отношения

Объектные отношения – это наиболее распространенный тип отношений, реализующихся в глагольных словосочетаниях разных языков. Разнообразие выражаемых объектных отношений вытекает из семантики глагола как стержневого компонента.

Исследование глаголов агульского языка по лексико-семантическим группам на фоне фундаментальных работ по другим дагестанским языкам [К.Р. Керимова, П.А. Магомедовой, С.М. Махмудовой, Р.О Муталова., С.Б Юзбековой] остается на сегодняшний день малоразработанной областью, хотя можно отметить появление первых наблюдений в этой области [С.Р. Мердановой, З.К. Тарланова].

В зависимости от принадлежности глагола к тому или иному лексико-семантическому классу можно выделить ряд групп глагольных словосочетаний с объектными отношениями.

3.1.1. Словосочетания с перцептивными глаголами

Данный класс глаголов, обозначает состояния, возникающие при слуховом, зрительном, осязательном, эмоциональном восприятии человеком действительности.

В лингвистической литературе такие глаголы называются различными терминами, выделяется разное количество их групп: так, П.А. Магомедова выделяет пять групп глаголов со значением зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания [Магомедова 2006:196], С.М. Махмудова [2001:99] отмеченный класс глаголов рассматривает в группе аффективных, в которую включает также глаголы рутульского языка, выражающие различные желания: *йигас* «любить, хотеть» (о любви к противоположному полу), *хъыгас* «любить» (о любви к родным, близким, друзьям и т.д.).

Состав аффективных глаголов агульского языка, как было уже сказано, специально не исследовался. По нашим данным, в агульском языке глаголы отмеченной семантики составляют небольшую группу. Среди них выделяются как простые, первообразные, а также и сложные и аналитические образования, в основной массе своей представленные устойчивыми словосочетаниями.

Глаголы со значением осязания в качестве стержневого компонента образуют словосочетания, в которых реализуются различные семантико-синтаксические отношения.

В глагольных словосочетаниях с зависимым дательным падежом может быть названо лицо, являющееся субъектом действия.

Глаголы *агвас* «видеть», *унихьас* «услышать», *итте хьас* «понравиться на вкус» и некоторые другие сочетаются с именами существительными в различных падежах. Субъект действия при таких глаголах выражается

дательным падежом, а объект может быть обозначен формами как основных (грамматических), так и местных падежей.

Ваз агвас «луну увидеть»: *Дифариг1ас ваз г1айч1вай агуне час* [дат.] «Мы увидели, как луна появилась из-за облаков» (*букв.* «Из облаков выходящую луну увидели мы»).

Рагъар дата гъванкIарас	Солнце не знающих северных склонов
Гьарай, рагъар йирхуне	Ах, солнце коснулось!
Iэквар даргва сукъурас	Света не знающий слепец,
Гьарай, Iэквар агуне	Ах, вдруг свет увидел ! (нар. аг. песня)

В данной народной песне в иносказательной форме высмеиваются выскочки, для которых подходит выражение «из грязи в князи».

Гьараяр/ унар унихьас «крики/ звуки услышать»: *Шинникквар аттушуна са гагьра хьундава, гебирин гьараяр унихьуне дадас* [дат.] «Не успели дети выйти, как отец услышал их крики».

Итте хьас «вкусным стать, понравиться на вкус»: *Ппара идже кьут1урар акьуна уйин яг1а баба, джаллабирис итте хьуне гебур* «Очень хорошие чуду сделала сегодня мама, они всем понравились».

Гаш хьас «проголодаться»: *Хьуне агъа хьундава агъа са х1учна сул. 1урдин вахттуни хьуная мебирис* [дат.] *гаш*. «Жили-были волк и лиса. В зимнее время стали они голодать» (*букв.* «стало им голодно»).

Во всех приведенных предложениях при глаголах «слышать», «видеть», «понравиться», «проголодаться» субъект действия выражается формой датива, а объект – формой номинатива, что не характерно для русского языка. В аналогичных конструкциях в русском языке субъектно-объектные отношения выражаются номинативом (в качестве субъекта) и формой вин. падежа (в качестве объекта).

Другую валентность демонстрируют глаголы *ниъ хьас* «запах почувствовать», *мек1 хьас* «холод почувствовать» и некоторые другие, о которых речь пойдет ниже.

Хулаъас угаттин *ниъ хьуне зас* [дат.] «Запах горелого почувствовал я из дома». Объект в данном предложении выражен формой родительного падежа, а субъект, так же, как и в приведенных выше примерах, выражается формой датива. Ср. также аналогичные конструкции: *х1учаригьас гуч1 хьас* «бояться волков», *шиникквдис ул гьархьас* «мальчик стал бояться», где *ул гьархьас* (*букв.* «глаз стать») является ФЕ; *лекарис мек1 хьас* «ногам стать холодно / ощутить холод», *к1илис куче хьас* «голове стать жарко, ощутить жар», *ибг1а хьас* «тепло стать, ощутить тепло», *къакъ къикъе хьас* «стать тяжело, быть под тяжестью», *язукъ хьас, х1ейиф хьас, 1эгвал хьас* «пожалеть», *рях1ет хьас* «облегчение почувствовать», *1уьч1е хьас* «кислым стать», *кьут1ур итте хьас* «чуду вкусным стать».

Приведенный неполный список глаголов чувственного восприятия показывает, что подавляющее большинство из них составляют сложные глаголы, по поводу которых в литературе нет единого мнения. Мы их считаем устойчивыми сочетаниями. Именная часть таких глаголов чаще всего – имя существительное в именительном падеже; в качестве именной части сложных глаголов могут функционировать такие варианты лексем, которые автономно не употребляются. Например, *ккан хьас* «захотеть, полюбить, понравиться»: именной элемент «*ккан*» в свободном употреблении не встречается, хотя и образует производные, составляющие словообразовательную цепь: *кканеф* «любимый (-ая)», *ккакхьунар* – «угодничество, прихоть», *кканевел* – «любовь», *ккананай* – «любимый» (уменьшительно-ласкательное обращение к детям) и т.д.

Отмеченный ряд глаголов может выражать как объектные, так и субъектные отношения. Такого типа глагольные конструкции образуются в основном по модели «имя существительное (или местоимение) в именительном падеже + глагол» (субъект действия выражен обычно дательным падежом). Ср:

Зе йиркIурас [дат.] *вун* [ном.] *кканде*………Мое сердце любит *тебя*

Ле ве бабас гIундукь кканде Мать твоя любит короткошеего

Ахъакьуна дарди-хIелар, Поделившись горем-печалью,

Зас вун хъай гьишас кканде. Я убежать с тобой хочу (похитить). (Аг. песня).

Приведенный фрагмент демонстрирует употребление субъекта (*зас*) в дательном падеже (именит. п. – *зун)* при глаголе сказуемом *кканде* «люблю», а прямое дополнение выражено формой номинатива – *вун* «ты»).

При переходных глаголах переносной семантики дательный падеж указывает на объект, является дополнением:

Ери сувал ушуна Обойдя семь гор,

Хьин сусас унахъасе Мы невесту позовем (сосватаем)

Ярар-дусттар гьикуна Друзей-товарищей отправив,

Миннат-хатир акьасе. Просьбы-уговоры будем делать

(аг. нар. песня)

Приведенный текст позволяет выявить особенности выражения субъекта и объекта при непереходных глаголах: (в данном случае *унахъас* «позвать») косвенное дополнение *сусас* «невесте» употреблено в дательтельном падеже (в именительном – *сус*), а субъект-подлежащее *хьин* «мы» (инклюзивная форма) занимает позицию именительного падежа.

3.1.2. Глагольные словосочетания, стержневое слово в которых выражает физическое воздействие

Глаголы данной семантики составляют многочисленную группу. Физическое воздействие, оказываемое субъектом на объект, может носить различный характер, например, это нанесение удара кем-либо или чем-либо:

йирх1ас «бить»: *малдис йирх1ас* «скотину ударить», *урчунас т1уланф акьас* «теленка прутом ударить». Именная часть сложного глагола *т1уланф* «прутом» содержит сему предмета или орудия действия, при помощи которого совершается действие. Ср. *якьваланф/хаджалинф, кашаланф акьас* «ударить (многократно) топором / кинжалом/ палкой».

В следующих словосочетаниях физическое воздействие на объект носит характер однократности: *к1ирк1афас фагъиянас* «мальчика ударить (вдоль, по всей высоте)», *суратиг1ас г1агъиянас, утунарилас аладаркас, фаруцас сайифас* «бить, обхватывая, обвивая кнутом или чем-либо»; *зарт1 акьас* «ударить, влепить», *зарт1* – звукоподражательный комплекс, изображающий звук, сопровождающий удар. Глагол *йирх1ас* обладает широкой валентностью, реализуя переносные значения. Кроме прямого и основного значения «бить», данный глагол может реализовать и такие значения, как:

а) «съесть» *Са кьурц сара кьут1урин йирх1асе зун* «И еще один кусок чуду съем я»;

б) «покрасить»– *Кираджа йирх1уна ккандея хуларис* «Необходимо побелить комнаты»;

в) «перебирать, выискивая что-либо в сплошной массе»– *Шкафиъ аедегьен шейэрис т1уб йирх1ас* «Перебрать все вещи в шкафу»;

г) «быстро, на ходу что-либо схватить, взять с собой» - *Йирх1уна гварас чангра, ушуне чи булахиккди* «Схватив кувшин, сестра пошла к роднику»;

д) «вскопать» – *бер йирх1ас г1анас* «вскопать огород»;

е) «убить» – *к1ес – Ппара миннат э* (*миннтат аркьая*) *чвас, зун малюкIя, мирх1а зас сара,- пуная ми,- зун чвас Аллагьдилди хIу аркьая, са эл але тIутIусра кехIей зун чвахъас паcттава.* «Большая просьба к вам (*букв.* «мольбу к вам обращаю»), не убивайте меня, Аллахом клянусь, что ни одна живая душа (букв. «даже ни одна живая муха») про вас от меня не узнает»

(ВА 2011/8.07). Как туман в поисках гор, / я ищу тебя, / Как луга в ожидании дождя, / По тебе плачу я». (Аминат Алиева «*Юрк1 ут1ас 1эмал* маркьа» («Агъуларин хабар». 25.03.1994).

В агульском языке превербы, содержащиеся в глагольном компоненте, указывают также и на способ удара. Так, например, в глаголе *аладаркас* «ударить» преверб *–ал* указывает на нахождение предмета на горизонтальной поверхности, что предполагает удар только по вытянутой поверхности – спине; *г1агъиянас* «ударить» преверб *–г1* указывает на нахождение / совершение действия направленного на предмет, находящийся в сплошной массе или между чем-либо в середине. Данный глагол обладает связанным значением, потому что по логическим причинам сочетается с ограниченным кругом слов – *суратиг1ас* (*букв.* «между лицом»), *идемиг1ас/ инсандиг1ас г1агъиянас* «дать пощечину» *(букв.* «по мужчине/человеку ударить»). Имплицитно в данных словосочетаниях всегда присутствует лексема *сурат/ хъуьссу* «лицо».

Семантику многократного или длительного физического воздействия на объект демонстрируют следующие словосочетания: *хъатрик1ис т1ап1 акьас* (разг.) «вора избить»; *шиникквдис ч1еп1енф акьас* «ребенка нашлепать» *раг1уъ уч1уттис кут ес* «избить того, кто залез в мельницу». Во всех отмеченных примерах субъект выражается эргативным падежом, а объект – дательным. В русском языке при глаголах *ударить, бить, лупить* и т.д. объект выражается в основном винительным падежом*: бить врага, ударить злодея, лупить хулиганов* и т.д.

Среди глагольных словосочетаний выделяются также:

1. Словосочетания с семантикой столкновения, соприкосновения с чем-, кем-либо при ударе:

Цилиъ гуг ачирх1ас «удариться головой об стенку»; *цилиъ къадакъ ачирх1ас* «вбить гвоздь в стенку». В обоих случаях объект выражен именительным падежом. В русском языке в первом случае объект

употреблен в творительном падеже, а семантика глагольного компонента второго словосочетания передается совсем другим глаголом – *вбить*. Данному глаголу русского языка в агульском языке соответствует глагол *ирх1ас*: *маркъар ирх1ас* «колышки вбить». Глагол а*лирх1ас* функционирует также и в составе образных семантических моделей: *кьулдул алирх1ас* «на доску набить» (сочетание имеет фразеологизированный характер). Корень зависимого компонента *кьулдул* в форме локативного падежа указывает на нахождение предмета на горизонтальной поверхности. Данный вариант лексемы встречается в агульском языке еще в одной фразеологической единице-проклятии – *кьулдул 1уьччурай*! «на доске чтобы (тебя) помыли!», т.е. «чтобы тебя пришлось похоронить».

И в первом, и во втором случае фразеологические единицы соотносятся с религиозным кодом культуры: ФЕ *кьулдул алирх1ас* связан с одним из завершающих этапов вязания теплых шерстяных носков – джурабов. После того как завершается работа по вязке, носки замачивают в воде и в таком виде надевают на деревянный чурбан, один конец которого является плоским, округлым и напоминает ногу (стопу) человека. Таким способом в процессе высыхания изделие разглаживается, и джурабам придается необходимая форма.

Однокоренной глагол *алайх1ас* также имеет связанное значение (обычно сочетается с лексемой *кьур* «зерно»), включающее семы «бить» и «проводить вдоль». Понятие *кьур алайх1ас* «молотить зерно» в агульском языке связано с процессом молотьбы. Действие производят стоя, зерно из колосьев выбивают сильными продольными ударами, палок. Фразеологичным является значение сочетания *гап алайх1ас* «гладить» (букв. «ладонь проводить»). Этот же глагол употребляется также и с лексемой *хьириг алайх1ас* «почистить» (букв. «веник провести по вертикально висящему предмету»), *хьириг алттирх1ас* «подмести, почистить» (горизонтально лежащий предмет).

Синонимичным значением обладает в агульском языке лабильный глагол *кехъас*. Одной из важнейших характеристик глаголов как при типологическом, так и при сравнительном изучении является их модель управления, т.е. тип соответствия между семантическими актантами (участниками ситуации) и синтаксическими актантами.

Подобные глаголы в разных языках мира часто бывают переходными, их пациенс практически всегда соответствует прямому дополнению, а агенс – подлежащему. Более широкое понимание лабильности отмечает, например, М.С. Полинская в своей диссертации «Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков» [Полинская 1986: 44]. Лабильными в этой работе называются глаголы, способные иметь более одной диатезы, при том, что изменение диатезы никак не маркируется независимо от того, как две диатезы соотносятся по своим свойствам.

Глагол *кехъас* в агульском языке означает «осыпаться»: *к1урарикес ц1абар кехъас* «с деревьев листья осыпаться», *циликес лузар кехъас* «со стены штукатурка обвалиться», *ишкилар кехъас* «картины развесить». Кроме семантики «упасть самопроизвольно» (которую в агульском языке передает другой глагол *керхьас*), глагол *кехъас* содержит как количественный параметр (не единичный предмет падает), так и способ расположения их на земле – падать, рассыпаясь, разлетаясь в разные стороны, преверб ***к*** **–** указывает на контактное вертикальное расположение предмета. Ср. также *ач1аъас гъванар адахъас* «из оврага камни выкидывать» (направление движения снизу). Следующее предложение демонстрирует переходность данного глагола: *Мебири духIуб акьуне утIуная ппулар, лузар кехъунавусарис цIае штукатуркабур йирх1уне* «Они поменяли полы, оштукатурили стену заново, где она была обсыпана» (ВА 2011№8).

Другая, отмеченная выше, единица *кьулдул 1уьччурай* обозначает похоронный обряд (обмывание покойников на доске).

2. Словосочетания, называющие совместные действия, соприкосновение и его результата или последствия от удара): *шиникквар ачукъас* «драка мальчиков». Глагольный компонент *ачукъас* содержит также сему одновременности, мгновенно-стремительного соприкосновения (например, при контактной борьбе). Глагол *укъас* «драться», кроме семы совместности действия, может иметь также значение «вязнуть, завязнуть, застрять»: *машин укъас* «машина застрять», *1уьраъ лек укъас* «в болоте нога завязнуть», *уьттаъ варв укъас* «в меде пчела завязнуть».

3. Глагольные словосочетания, называющие физическое воздействие в виде нанесения ударов, могут сопровождаться также и значением многократности, полноты действия: *афик1ас/ афихьас* гьинасхьура – *Хъел адебаъас бат1арди афихьуне баба рушас, джуваб акьасттегьенра дагъузуна* «Не дождавшись объяснений, мама надавала хорошенько дочке оплеух». Объект при данном глаголе употребляется в дательном падеже.

4. Часть глаголов выражает семантику физического воздействия на живые объекты огнем: *ц1а алийиянас работникарил* «заставить сделать что-либо работников в авральном порядке» (*букв.* «огонь положить»). Объект выражен существительным в локативном падеже (super).

5. Словосочетания со значением физического воздействия путем нажатия на что-либо или кого-либо.

Данную семантику в агульском языке передают в основном глаголы *алзиянас, 1уьрджанас, т1уч1анас; ккикъвас, г1укъас*. Словообразовательный ряд с превербами, конкретизирующими процесс нажимания с уточнением локализации, могут передать также глаголы типа *афазиянас* «сесть рядом, влезая, протискиваясь, оттесняя кого-либо»: *аг1азиянас* «сесть между кем-либо» (в силу нежелательного действия содержит отрицательную коннотацию), *ахъазиянас* «надавить на что-либо сзади», *агьазиянас* «грубо, настойчиво сесть перед кем-либо», *аккезиянас* «подтолкнуть снизу, приложить силы, упираясь во что-то снизу» (в переносном значении данный

глагол выражает семантику «взрастить кого-либо с большими усилиями; приложить усилия для осуществления какого-либо дела»); *х1уягин кьулул алзиянас* «нажать на крышку кастрюли», *т1аг1увусал алзиянас* «нажать на опухшее место», *куппар 1уьрджас* «кизяк топтать», *луз 1уьрджанас* «раствор месить»; *афа1уьрджанас* «топтать, давить на что-либо, прижимая одновременно к чему-либо, находящемуся сбоку».

Семантику нажатия, давления на предмет передает также и ФЕ *гъил йирх1ас*: *Баба г1урис гъил йирх1ая* «Мама месит тесто» (*букв.* «мнет руками»): субъект употреблен в эргативе, объект – в дативе. Нажатие может быть осуществлено, прижимая к чему-либо, навалившись на кого-либо или что-либо: *ачазиянас* «придвинуть/ся вплотную»; ср.: *1айи цилиъ ачазийина атуная усттул* «Слишком придвинут стол к стене»; *ахъахъас* «навалиться» – *Раккахъ ахъахъуная шиникквар* «на двери навалились дети»; *селебар алишас / кьац1алаг1 фацанас* «прикусывать / в зубах держать»; *лекар алзиянас* «обувь давить»; *хъузиланди мурттуъ ик1ас* «зажать в угол (толкая)»; *уьчурдиг1ди г1ачазиянас* «влезть в очередь», *утун йирх1ас к1уранис* «прислониться к дереву», *лек алишас* / *алчархьас меляхъвил* «ногу наступить/ попасть на червяка»; *гъил фацанас* «руку жать» (*букв.* «руку схватить»).

6. Глаголы со значением оказать физическое воздействие путем прикосновения (каким-либо предметом или рукой, плечом или другими частями тела). Отмеченную семантику главным образом выражает глагольный компонент *кирх1ас* «трогать//касаться»: *Кьелак кирх1ас* «в соль макнуть» (*букв.* «к соли прикоснуться»), *айвандил алчихьвас* «к веранде прислониться», *т1агарил алухьас* «к окну прильнуть», *ччуччув фачуч1ас* «к брату прижаться», *мурхьил аккирх1ас* «опору подставить», *г1ун йирх1ас* «прислониться спиной», *сурат кирх1ас* «прикоснуться лицом», *гъил кирх1ас* «рукой тронуть, дотронуться»; *лек/ мурк1 кичирх1ас* «ногой/ пинком дотронуться», *утунар т1ишанас* «спину массировать»; *гъил гьударкас*

«искать, что-либо нащупывая»; *учивди биц1иф фачадивас* «прижать к себе ребенка».

Оказывать физическое воздействие, касаясь чем-то острым: к*ант1 йирх1ас* «побрить бритвенным ножом», *кант1 кейх1ас* «нож точить, проводя его по ремню или камню» *муджур ккейхас* «бороду сбрить» (*букв*. «бороду состригать»); *шурум ккегъирхьас* «корыто отчистить, соскребая каким-либо острым предметом», *гъад ккевес* «наточить косу». Во всех приведенных примерах зависимое слово – имя существительное употребляется в именительном падеже.

Семантику прикосновения передают также и образные средства: *усаъ гъил ирх1ас* «обеднеть, обнищать» (*букв*. «рукой земли коснуться»), *гъил гъушанас* «простить, извинить» (*букв*. «руку взять»); *келпит кейх1ас* «спичку зажечь» (*букв*. «спичку провести, соприкасаясь»)

К этой же группе глагольных словосочетаний можно отнести единицы, в которых стержневой глагольный компонент обозначает совмещенное действие: прикосновение, сопровождающееся повреждением, изменением или различными болезненными ощущениями: *селеб ик1ас* «зуб вонзить, т.е. укусить»», *кканчч ик1ас* «клык вонзить», *кумул гьучирх1ас* «прикоснуться пальцем (ноги)»; – ср.: *т1уб* «палец руки».

При глаголах эмоционального состояния человека семантика прикосновения в ряде примеров сопровождается положительной коннотацией: *к1илилас* <u>*гап алайх1ас*</u> «голову <u>погладить</u>» (*букв*. «ладонь провести»), *шиниккводилас* <u>*гапар алайх1ас*</u> «ребенка <u>поглаживать</u>», *биц1иф* <u>*фачадивас*</u> «маленького <u>прижать</u>»; *мач//-ар ик1ас* «целовать»: *суратар г1арт1аф суман* <u>*мачар ик1а баба*</u> *учин биц1иттис* «<u>Мама целует</u> своего маленького так, как будто съесть его готова». Субъект употреблен в эргативном падеже, а объект – в дательном.

Значение совместности действия передают словосочетания с глаголом *укъас* «застрять, вонзиться, драться»:

а) «драться»: *сад сайин кьуркьаъ укъас* «схлестнуться в схватке» (*букв.* «один другому в горло вцепиться»);

б) «обниматься»: *Вархалас дад агусуман, ушуна кьуркьаъ укъуне гин руш* «Как только издали дочка увидела отца, она побежала и кинулась ему на шею».

7. Семантика физического воздействия, в результате которого меняется форма, положение, в агульском языке также передается широким кругом глаголов:

а) изменение формы каким-либо способом (основной глагол, который выражает данное значение – *ц1акас* «скривить, гнуть»): *син ц1акас* «проволоку согнуть, скрутить», *муртт алац1аркас* «согнуть, наклоняя сверху», *ахв ахъадаркас* «желоб наклонить//=ся (сзади)», *кьул ац1аркас* «крышку вогнуть», *рукь агъц1аркас* «железо выгибать, вверх»; *гъиливар алгъадаркас* «рукава отвернуть, *гъиливар хъагъдивас* «рукава засучить»;

б) изменение физического положения объекта*:* *дикьурар гъадаркас* «плиты переворачивать»; *саджуъ арджирар гъадаркас* «на сковороде блины переворачивать»; *чувалин кьекь ахъадаркас* «край мешка наклонить», *т1еркуьбар агъихьас* «пни выворачивать» (*букв.* «выбрасывать»);

в) изменение положения тела: *са къвалалас сасра къвалалди гъадаркас* «с одного бока на другой переворачиваться»: *1Уьштти ахун алчадевей гъадаркай ахуниъ илгуне зун* «Всю ночь ворочался я в постели из-за бессонницы». *Шалвара хьуна, мик1илара хъучадивуна, джан ч1аккасра кех1яй микьдар хъандавуйи ккелахъанарихъ* «От усталости и холода даже спину выпрямить сил не было у пастушков». Глагол *ч1аккас* «выпрямиться/ потягиваться» сочетается в агульском языке только с одушевленными существительными (в субъектном значении). Ср. еще примеры: «*рубухъас руцай, агьук1ас* «наклониться в поисках иголки», *унарихъди (хаб) алдаркас* «на шум обернуться»; *ч1урхуна мерккурал, алгъадаркас* «поскользнувшись

на льду, упасть», *къуншигьас гьаттаркас* «отвернуться от соседа», *1эквагьас к1ил гьаттивас* «от света отвернуться» (*букв.* «от света голову отвернуть»).

В эту же группу можно включить и словосочетания, в которых стержневое слово– глагол обозначает процесс изменения положения части тела человека или животного: *фун адик1ас* «живот выпятить», *к1ил агьук1ас* «голову наклонить»; *к1ил ахъадаркас* «запрокидывать голову»; *лекар аладагъас* «ноги свесить», *лекар кичадивуна экьвас* «сидеть ноги подогнув», *гъилар кичик1ас* «держать руки подмышками»; *къускъун агъихьас* «сгорбиться» (*букв.* «горб выкинуть»), *к1ил аг1адивас* «втянуть голову», *г1унар аг1аддивас* «плечи втянуть», *т1убар дагъхас* «указывать пальцами» (букв. «пальцы протягивать»);

г) положение тела человека или животного может изменяться и в результате физиологического или эмоционального состояния человека, о чем свидетельствуют следующие примеры: *лекар зурзас* «ноги подкашиваться» (*букв.* «ноги трястись»), *лекар кишас дахьас* «ноги подкашиваться» (*букв.* «ноги ставить не мочь»), *лекар буш хьас* «ноги подкоситься» (*букв.* «ноги ослабеть»).

К этой группе можно отнести также целый ряд глагольных фразеологизмов, которые обозначают изменение положения тела или его части (для обозначения состояния печали или радости): *к1ил кейхьас* «опечалиться /голову повесить», *к1ил аларг1ас* «опечалиться» (*букв.* «голова надломиться»), *к1ил мухурил алирх1ас* «быть в печали» (*букв.* «голова об грудь биться»); *к1ил/рудж гъут1анас* «возгордиться, ходить с поднятой головой//хвостом», *рудж г1ачадивас* «струсить» (*букв.* «хвост втянуть/зажать»);

д) глаголы физического воздействия в сочетании с различными существительными могут предавать также изменение положения каких-либо растений: *к1урар аларг1уная* «деревья надломились», *чар алихьуная* «посевы полегли», *кулар алац1аркуная* «ветки скривились».

8. В обширном ряде глагольных словосочетаний, называющих физическое воздействие в целях очищения тела, поверхности, удаления чего-либо, реализуются объектные отношения. Существительное при глаголах такой семантики имеет форму именительного падежа:

а) *1уьччанас* «мыть/стирать»: *к1ил 1уьччанас* «голову мыть», *джан 1уьччанас* «тело мыть», *эмк1 джикас* «пот вытереть», *хъуьссу 1уьччанас* «умыться»; *селебар мертт акьас/ 1уьччанас* «зубы почистить/ помыть», *хьед алатас* «сполоснуться».

б) удалять грязь с предметов: *кунар 1уьччанас* «одежду стирать», *къабар 1уьччанас* «посуду мыть», *рудар мертт акьас/ 1уьччанас* «кишки чистить/мыть», *бурунз г1аттирх1ас//мертт акьас* «рис перебирать/ чистить, *калтуфар алакьас* «картошку чистить» *(букв.* «картошку счищать»), *т1агарар мертт акьас* «окна чистить», *шкафар мертт акьас /джикас* «шкафы почистить/вытереть»; *къабарихъ хьед хъударкас* «посуду ополоснуть» (*букв.* «водой обвести»).

В отличие от предыдущих словосочетаний, построенных по модели (Verb + $С_{ном}$) «глагол + существительное в именительном падеже», данные смысловые отношения в агульском языке реализуются моделью, в которой объект выражается формой локативного падежа (post). В эту же группу можно включить и сочетания слов с ФЕ *мез йирх1ас* «облизывать», которые также употребляются в значении «чистить»: *мез йирх1ас хуларис* «вычистить комнаты», *мез йирх1ас къабарис* « съесть все бе остатка» (букв. «посуду облизнуть»), в которых объект, при характеризуемой ФЕ, выражается дативом.

в) Может быть обозначено воздействие на предмет в целях очищения его поверхности от снега, листьев, грязи: *ибхь алайхьас* «снег счищать» (аффикс **– *а-л-*** указывает на процесс очищения горизонтальной поверхности сверху вниз: крыши домов в старину были покатыми и поэтому снег счищали деревянными лопатами; *кумарилас чаппар алттирх1ас* «пыль тряпками

вытереть»; *руг аладжикас* «пыль убрать» (*букв.* «пыль смести» – глагол содержит указание на инструмент действия); *ц1ибц1елар завал акьас* «стружку собрать/убрать», *фурд адахъас* «навоз выбросить, т.е. отчистить от навоза», *турбабур адайх1ас* / «трубы почистить».

Это же значение передает и другое словосочетание *т1арун мертт акьас* «сажу почистить» (в семантике глагола *адайх1ас* содержится еще и указание на действие, производимое внутри полого предмета и направленное сверху вниз); *хал джикас* «комнату подмести», *зуьлерар ададжикас* «ступеньки подмести» (преверб ***а-д*** показывает на направление действия сверху вниз); *т1амт1амар адихьас*/ кетас «пятна вывести» (*букв.* «пятна выбросить/ спустить»), *т1акьвар аттивас/ ат1ас* «грязь вывести» (*букв.* «грязь вытащить/ отрезать»), *к1ил алакьас* «голову брить» (сравните: *г1уяр алакьас* «картошку чистить»), *муджур ккекьас/ ккейхас* «бороду сбрить». Глагол *ккейхас* чаще употребляется с существительными *г1ар* «луг», *1уьк1* «трава», ху «поле» и обозначает полноту, исчерпанность совершаемого действия, а также скорость, быстроту: *г1ар ккейхас* «луг выкосить», *1уьк1ер ккейхас* «траву выкосить». Более широкой валентностью обладает глагол *уцас* «косить»: *джарх уцас* «рожь жать», *гъун* уцас «склон косить», *дирецилди сув уцас* «косой гору скосить»;

г) семантика глаголов очищения, удаления грязи может включать также сему способа этого действия: *джубахилди г1ур ккегъихас* «скребком тесто соскребать», *шушайикес шир кейхас* «со стекла краску соскоблить», *къазай ккегъихьас* «къазай отслаивать» (*къазай* – высохшие плотные слои навоза в сараях, загонах, утоптанные животными»); *г1ур кетас* «муку просеять» (*букв.* «муку пропустить»), *некк кетас* «молоко процедить», *кьур алайх1ас* «зерно чистить» (просеивание сверху вниз);

д) очищать что-либо, вытаскивая, выдергивая: *калтуфарин ч1ал акьас* «прополоть картошку» (*букв.* «картошки сорняк делать»), *мерккварин мер1эр аттивас* «улалять корни колючек», *ч1арар ат1ас* «выдергивать волосы»;

9) при переходных глаголах со значением обработки предмета, рытья существительные обычно употребляются в именительном, дательном падежах, локативных падежах:

*г1ана**с*** (дат.п.) *бер йирх1ас* «огород вскопать», где *бер йирх1ас* – «копать» (*бер* «лопата» -тюркизм), *ху* (им.п.) *даркас* «поле вспахать», *калтуфариг1ас* (элатив) *хул г1аттвес* «окучивать картошку» (*букв*. «сквозь картошку ряд провести, плугом пропахивая междурядья») *руг рук1ас* «землю копать», *калтуфар ккеттивас* «картошку выкопать», *кьут1ар ккеттивас* «морковь выкопать», *каламар кет1ас* «капусту срезать», *гьечар кет1ас* «яблоки срезать», *х1ешвар завал акьас* «тмин собирать»; *хандаг ат1ас* «фундамент вырыть» (*букв*. «фундамент резать»); *кант1 хуьтте акьас* «нож поточить», *гъван ихас* «камень обточить/обработать» (*ихас* – обработать трением, полировкой); *тахттабирис ланда йирх1ас* «доски отшлифовать» (*букв*. «доскам рубанок бить»), *ц1агъунар кейц1вас* «бревна отчистить (от коры»); *муккурар алакьас* «прутья очищать» (*муккур* – тонкий ивовый ствол, который очищают от тонкой коры, пока они сырые и настилают поверх бревен на потолки, чтобы присыпать их потом грунтом; *муккуром* называют и удочку, сделанную из этого прута); *карандашил к1ек1в* алихьас «точить карандаш» (*букв*. «на карандаш острие сделать»); *кьудакьар ккейхьас* «удалять со шкурок шерсть (пропитывая их специальным раствором»), *кьудакьарис къир йирх1ас* «обработать шкуры специальным составом (чтобы потом можно было соскрести, счистить волос, шерсть»); *хьеяр рук1ас* «шерсть прясть»; *кьудакьарис т1уланф акьас* «шкуры выбивать» (*т1ул* – «прутик»).

10) В ряде словосочетаний содержится указание воздействия на предмет, приводящее к его порче, разрушению, деформации:

а) портить, нарушая целостность разными способами: *кьап1к1ари ккул 1уьт1уная* «моль поела тулуп», *кьап1к1ари ягълукъ уд-уд акьас* «платок продырявить молью» (сложный глагол *уд-уд акьас* буквально означает

«сделать дырки во многих местах, рвать на мелкие кусочки», *уд* «зернышко, крупица»; *1улари кунар ат1уне* «мыши прогрызли одежду» *(букв.* «одежду порезали»): субъект выражен эргативом, а объект –номинативом; *ваккари хуппур ккедихьас* «изрыть поля кабанами»; *узуттар дик1ас* «посевы портить»; (*меляхъвари*) *каламар 1уьт1анас* «(черви) капусту сожрать»; *фур чуркъас акьас* «колесо лопнуть», *цилиъ улуд ихьас* «в стене дырку сделать», *ц1илиъас улуд адихьас* «сделать отверстие в стене»; *гуллабири улуд-улуд акьас* «продырявить пулями» *(улуд* – «дырка»); *муул кьат1 акьас* «губу порезать» (*кьат1* «отрезок, кусок, порез», *акьас* – «делать»); *йирх1ун алихьас* «рану нанести»; (*х1уьрчалари) урк1ар ихьас* «(суслики) ямы сделать»; *диванар// креслобур удас* «диваны кресла царапать» ¬ и другие;

б) нанести порчу, давя, подминая, уничтожая, разъедая: *кьвати т1уч1анас акьас* «раздавить банку»; *мехъю фацанас/1уьт1анас* «ржаветь, ржавчиной съесть» (*букв.* «ржавчиной схватить, т.е. полностью покрыться ржавчиной); *тукар аларг1ас акьас* «цветы поломать», *кишнишар 1уьрджанас* «кинзу растоптать»; *ч1ир ккедихьас* «луг/ растительность уничтожить»; *к1ур ат1ас* «дерево рубить»; *лекари т1акьван акьас* «пачкать ногами» (*букв.* «ногами грязь делать»);

в) разновидностью указанного выше значения можно считать обозначения деформации, изнашивания предметов: *кунар дургъас* «одежду износить»; *лекариъас улудар аттархьас* «обувь продырявиться», *якк ккигвас* «мясо подгореть», *некк алавес* «молоко убежать» (*букв.* «молоко перелиться»), *ччамаъас ц1а агъархьас* «масло перекалить» (*букв.* «огонь вырываться из масла»), *гуниварихъ рагъун т1ег1ям хъархьас* «у хлеба прогорклый вкус появиться», *рагъу угуна хьурхьурар хьас гъиларил* «получить ожоги рук» (от солнца) и др.;

11) физическое воздействие, направленное на умерщвление человека, животных, птиц: *ккекк/укьар, мал руккас* «петуха/барана/ животное резать»; *шатт/ т1ут1 к1ес* «комара, муху убить».

Проанализированные примеры демонстрируют употребление существительного в именительном падеже в словосочетаниях со стержневым глаголом отмеченной семантики. Ср. также другие примеры слов указанной семантики: *г1удурас ккиркьвас* (*гулла, гъван)* «в куропатку попасть (пулей, камнем)».

Данную семантику имеют также и образные средства агульского языка: *к1вач1а алдахъас* «убить, расправиться» (*букв.* «кожу, шкуру содрать»), *кьудакьиъ сумар ик1ас* «убить, расправиться» (*букв.* «в шкуру солому засунуть»), *к1ил алдат1ас* «убить» (*букв.* «голову сорвать»), *ирккар ккеттивас* «расправиться» (*букв.* «кости вытащить»), *кьуркь фацанас* «задушить» (*букв.* «глотку схватить»); *кьуркь ит1уна кейхьас* «задушить/ повеситься»; *х1уьлиъ/ нец1уъ ихьас* «в море, реку бросить, утопить»; (*х1уча) урч 1уьт1анас* «(волк) загрызть теленка»; *багниши вец 1уьрджуне* «медведь быка задавил» и некоторые другие;

12) в словосочетаниях со значением физического воздействия, направленного на соединение чего-либо или кого-либо базовыми глаголами являются *хъит1анас, гьит1анас, хъукъас акьас*. Данную семантику передают различные модели словосочетаний: «имя сущ. в им.п. + глагол»: *т1ил хъит1анас т1унахъ* «веревку привязать к стойлу», *ччe1 хъураджас к1уранихъ* «веревку обвязать вокруг дерева», *к1учар ачахъас* «пуговицы застегнуть»; *цилис луз йирх1ас* «стену оштукатурить»; *к1учар кик1ас* «пуговицы пришить», *шалварис кашабар йирх1ас* «брюки наметать» (*кашабар* – «большие стежки», *йирх1ас* «бить»), *чувалин сив алдикьванас* «мешок зашить» (*букв.* «рот мешка сверху зашить»); *фадиниг1 г1ур г1ачатас* «муку ввести, смешать», *мерккурал тахттабур алукъас* «ко льду доски примерзнуть», *арджирарил 1эсида алгьатас* «покрыть блины халвой» *(букв.* «на блины халву налить»), *китабин к1еджар кикъвас акьас* «приклеить страницы книги», *ттун гьит1анас* «нитку соединить, привязать»; *гвег1ен ит1анас* «джураб начать делать» (*букв.* «связать»), *х1уни ит1анас* «корову

привязать», *улар ит1анас* «обмануть» (*букв.* «глаза завязать»); *ит1ул алихьас чче1ээрил* «узлы связать на веревке»; *къуншибур завал акьас* «соседей собрать»; *сасра накьиш г1ачихьас* «другой узор вставить», *арг1е irkkap гьучадивас* «сломанные кости соединять»; *хаят1ил кулагъал алгъакьас* «на нитку бусы нанизывать»; *лех1яфикк сатин аккирх1ас* «одеяло сатином подшить»; *къадакъарилди питилар ц1уьппе акьас* «гвоздями петли закрепить»; *к1едж хъит1анас посылкйихъ* «письмо прикрепить к посылке»; *хец1в суман бабак кикъвас* «как клещ вцепиться в мать»; *цилис халича йирх1ас* «на стену ковер вешать» (*букв.* «к стене ковер прибить и другие.

Как можно видеть из приведенного материала, глаголы воздействия отмеченной семантики образуют словосочетания с существительными в именительном (превалирующий тип), а также в локативных падежах.

3.1.3. Глагольные словосочетания с ментальными глаголами

Объектные отношения в агульском языке выражает обширная группа глагольных словосочетаний с ментальными глаголами в роли стержневого слова.

В современной отечественной лингвистике все больше внимание уделяется изучению ментальных глаголов, особенностям обозначения мыслительных процессов в разных языках, их лингвокультурологической и психолингвистической характеристике. Исследования по теории ментальности свидетельствуют о том, что в науке пока нет четкого представления об этом феномене, намечаются лишь отдельные проблемы и пути их решения [Омельченко 2004].

К ментальным глаголам исследователи относят различные группы глагольных лексем. С.Р. Омельченко, например, рассматривает в качестве таких лексем, глаголы, которые не просто называют процесс мышления, а содержат в своей семантике элементы его описания и указывают на

национально-этническую специфику восприятия, понимания, познания окружающей действительности отдельной языковой личностью или этнолингвистическим сообществом в целом [Омельченко 2004:217].

На материале русского языка выделены глаголы, отображающие ситуацию восприятия, понимания, познания, мышления, сравнения и сопоставления, выбора, решения, воображения и предположения, ситуацию определения и ситуацию проверки [РГП 2002: 165].

В ряде работ по кавказским языкам также обращается внимание на данный класс глаголов. П.А. Магомедова отмечает: «Лингвистические исследования кавказоведов традиционно описывали некоторую часть ментальных глаголов в составе аффективных глаголов по причине их способности образовывать аффективную конструкцию предложения, базируясь на морфосинтаксическом кодировании субъектного аргумента, мы же за основу берем семантику глагола» [Магомедова 2006:160].

Компонентный анализ словосочетаний с ментальными глаголами показал, что особенность их связи с мышлением заключается в наличии интегральной семы «осуществление ментальной деятельности». Данная сема уточняется, конкретизируется при помощи различных дифференциальных и потенциальных сем: «характер субъекта», «характер объекта», «ментальное действие субъекта», «ментальное отношение субъекта к объекту» и др.

Семантика глагола в большинстве случаев содержит указание на ближайших субъектных и объектных партнеров.

Взаимодействие компонентов семантической структуры ментальных глаголов свидетельствует о разнообразных ситуациях мыслительного процесса.

Анализ существующей литературы по данной теме и наши наблюдения позволили свести все семантические модели к одной базовой, связанной с отражением структуры мыслительного процесса: 1) субъект мысли; 2) процесс мысли и 3) объект мысли.

Ядерной глагольной единицей, передающей процесс мышления, в агульском языке является аналитический глагол *фикир акьас* «мыслить, думать» (*букв.* «мысль делать»).

Языковая картина мира агульцев связывает мыслительные процессы не только с головой, как в большинстве языков мира, но и с сердцем: в нем [в сердце] можно «хранить информацию, оставлять на память что-либо», из него может что-либо «уйти, забыться». Способность мыслить сердцу приписывается и в других языках [см. об этом: Самедов 2006: 137].

В агульском языке отмеченная семантическая группа глаголов, выражая объектные отношения, образует словосочетания следующих моделей: «имя сущ. + глагол», в которых имя существительное может быть употреблено в именительном, дательном и локативном падежах:

1) словосочетания со значением «думать о ком-либо, чем-либо, переживая, размышляя, сопоставляя кого-либо или что-либо»: *йирк1ураъас хиялар адавес* «думать, размышлять о чем-либо в состоянии беспокойства, тревоги за кого-либо, что-либо» (*букв.* «думы горестные из сердца выходить»); *шиниккварихъас хиялар акьас* «переживать за детей»*; пе ч1ал фацанас* «воспринимать сказанное слово» (*букв.* «сказанное слово поймать»); *баб хиялари г1ачагъас* «мама ушла в мысли» (*букв.* «мать мыслями увести»);

2) словосочетания с глаголами памяти, познания: *гебур гъавурдиъ ихьас* «объяснить им» (*букв.* «они объяснить»); *фикир-хиялар, дардар-гъамар акьас гьалдин вахттарихъас* [исх.п.] «горевать, размышлять о нынешних временах» (*букв.* «мысли-думы, печали-горести делать о сегодняшних временах»*). Ге **идемис яг1ай хъуная**, учи макьам йирхIучин, учихъди хьир аттвереф* «Этот мужчина знал, что, если он сыграет мелодию, его жена выйдет к нему» (из аг.сказки); ***яг1ар акьас кар*** «работу узнать». *Хец1в суман кьац1ра алттархьафттава ме учис ккане **кар яг1ардакьуна*** «Как клещ вцепится он и не отстанет, пока не выяснит то, что он хочет»; *гъавурдиъ архьас ме кардин* (род.п.) «понять это дело» – *Хьефас пас* хьастава, *мус*

миштин кучвел, къурахвел хъара хьасичин, са исалас эв, гIуьфу исалас. Ме ***кардин гъавурдиъ архьас****, ацIуна вахтт ккнде гьавайин духIубавеларил алгъузанас»,– пуне Бедрицкийди* «Мы не можем предсказать, когда повторится такая жара, засуха, через год или пять лет. Чтобы понять это [дело], необходимо длительное время наблюдать за погодой»,– сказал Бедрицкий (из газеты ВА);

Х1якьданди фи ***фикир э*** *гин [р.п.]* ***архьунаяф;*** *ге гъавурдиъ аяв гьинахъайчин учи диваф / к1ил афиландеф? Гьал хъуттурфанасе зун* гихъ... «На самом деле, о чем он подумал; он хоть понимает, с кем он решил связаться. Теперь посмотрю я на него…».

Чу [им.п.] *к1вал хьас* «брата вспомнить» (*букв.* «брат на сердце стать»), *дарс яг1ар акьас* «урок выучить» (*букв.* «урок знание делать»), *петтар йирк1уралас гьидик1ас* «сказанное не забыть» (*букв.* «сказанное с сердца не отпускать»).

Все ментальные процессы в агульском языке передаются аналитическими/ сложными глаголами, образованными по модели «имя + глагол», которые приобрели характер фразеологизмов и являются единственными номинациями ментальных процессов. Именная часть сложного глагола чаще всего употребляется в местных падежах со значением нахождения предмета внутри чего-либо и на горизонтальной поверхности.

Процессы, связанные с памятью, обозначают и глаголы, употребленные в переносном значении: *Ги накьан курарихъас ахъаркьагуна, гьучадине зас дада авалди пе гафар* «Когда он рассказывал о вчерашних событиях, вспомнил я слова отца» (глагол *гьучадес* со значением направленного движения в данном случае употреблен в переносном значении «вспомнить, прийти на память»). Глагол г*ъас* «вести/нести» является глаголом с сильным управлением и требует прежде всего употребления при нем зависимого

компонента в направительном падеже с показателем *-ди: гъас* (*найич?)* – «вести» (куда?): *хулади* «домой», *кинойиди* «в кино», *нец1ухъди* «к реке».

Фразеологический материал зафиксировал и случаи выражения данной семантики без соответствующего форманта. Например, в некоторых фразеологизмах агульского языка, выражающих процессы мыслительной, умственной деятельности, памяти, наряду с лексемой «голова», функционирует и лексема «сердце»; встречается форма локатива с семантикой нахождения предмета на горизонтальной поверхности в семантике направительного падежа: *мег1нин* *ч1алар йирк1урал гъас* «вспомнить, напомнить» (*букв.* «слова песни на сердце привести»); *хьедегьен курар йрк1ураъ ух1ас* «помнить» (*букв.*«в сердце хранить).

3.2. Глагольные словосочетания с обстоятельственными отношениями

В качестве зависимых компонентов в отмеченных словосочетаниях выступают наречия, местоимения, падежные формы существительных. В зависимости от семантических разновидностей обстоятельственных отношений можно выделить следующие типы словосочетаний:

1) словосочетания с пространственными отношениями;
2) словосочетания с временными отношениями;
3) словосочетания с причинными отношениями;
4) словосочетания, выражающие целевые значения;
5) словосочетания, выражающие значение меры и степени действия.

3.2.1. Словосочетания с пространствнными отношениями

Из всех перечисленных выше групп обстоятельственных отношений пространственные являются наиболее продуктивными и регулярными.

«Пространственные отношения в самом общем виде есть соположение в пространстве какого-либо предмета, действия (события), признака и некоторого пространственного ориентира – локума» [Всеволодова, Владимирский 1982:6]. Под локумом названные авторы понимают пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета (действия, признака) и характер их взаимоотношений (статический, динамический).

Языковое выражение способов дифференциации пространственной действительности может быть отчасти универсальным, отчасти и специфичным, так что носители разных языков могут увидеть и воспринимать мир по-разному, через призму своих языков. И чтобы понять особенности картины мира, присущей представителю той или иной национальной культуры, необходимо обратиться к языку.

Наиболее продуктивными в агульском языке являются глаголы, которые репрезентируют пространственное положение статичных объектов. Актанты при этих глаголах могут быть самыми разными.

Пространственные значения в агульском языке выражаются различными средствами: лексико-фразеологическими (существительные, наречия, местоимения, фразеологизмы), морфологическими (падежи, превербы, послелоги).

Самыми активными участниками реализации данной семантики являются глаголы, которые управляют теми или иными пространственными падежами, выражая при этом локализацию как статичных объектов, так и движение к ориентиру или от него.

Анализ глагольных словосочетаний с пространственными значениями позволяет сделать вывод о том, что в реализации этих отношений принимают участие имена существительные в различных локативных падежах, послелоги, а также превербы, которые, присоединяясь к глагольному корню и не изменяя его основного значения, придают оттенки значения слову. «В

агульском языке представлены пространственные и направительные превербы. Первые указывают на место в определенном ориентире, по отношению к которому совершается действие. Вторые – на направление движения к определенному ориентиру» [Сулейманов 1981:136].

В реализации пространственныйвх значений участвуют определенные лексические пласты, прежде всего слова с предметным значением – имена разного рода пространственных объектов, а также слова с признаковым значением, называющие единицы длины, площади.

К проблеме выражения пространственных значений в агульском языке активно обращались в последнее десятилетие С.Р.Мерданова, Т.А. Майсак, Д.С.Ганенков (см. библиографию).

Они отмечают, что агульский язык богат пространственными превербами «В агульском языке…имеется богатая система глагольных пространственных префиксов («превербов»): от одного глагольного корня может насчитываться порядка тридцати префиксальных глагольных лексем, часто с идиоматичным значением. Такое богатство префиксальных производных создается за счет того, что возможны различные сочетания двух групп превербов: семи превербов локализации (обозначающих нахождение перемещаемого объекта в определенной области пространства относительно ориентира: «внутри», «позади», «вверху», «под / в контакте» и пр.) и четырех превербов направления (указывающих на траекторию перемещения по отношению к ориентиру: «по направлению к», «по направлению от», «вверх», «вниз») [Майсак, Мерданова 2002: 25].

О совпадении местных падежей и пространственных превербов как по форме, так и по содержанию пишет также З.Г. Каидов, выделяя восемь показателей:

ъ – «в, внутри полого пространства»,

хъ – «за кем -,чем-либо»,

гь – «перед, спереди»,

г1 – «между кем, чем-либо,

кк – под кем, чем-либо»,

к – «на вертикальной плоскости»,

л – на горизонтальной плоскости,

в(ф-) – «рядом, около кого-, чего-либо» [Каидов 2005: 112].

Рассмотрим выражение пространственных значений на материале различных типов глагольных словосочетаний:

1) Глагольные словосочетания с пространственными значениями: модель «наречие + глагол»

Среди наречий места в агульском языке исследователи выделяют различные группы:

а) наречия-послелоги, которые изменяются соответственно именам в местных падежах: *кьабахъ* «позади», *кьабахъди* «назад», *варттал* «наверху» – *варттала*с «сверху», *к1енакк* «внизу», *удигь* «впереди», *багулив* «вблизи», *къирагъихъ* «на краю»;

б) наречия места, образованные от указательных местоимений: *гьемисаъ* «здесь», *тисаъ* «там», *лисаъ* «там наверху», *мисахъ* «здесь позади», *мич* «сюда», *тич* «туда», *мисак* «здесь (на наклонной поверхности)» [Магометов 1970:171].

З.К.Тарланов [1994:186].считает, что ядро наречий места составляют слова, восходящие к указательно-локативным местоимениям (*мевус* – «это место», *левус, тевус, гевус* – «то место»), от которых наречия места образуются при помощи суффикса ***-а***». С наречиями места соотносительны наречия направления: *мич* – «сюда», *тич* – «туда», *лич-* «туда наверх», суффиксальная часть которых этимологически восходит, по-видимому, к превербу **«*ч*»** (*чу*-).

И по семантике, и по словообразовательным связям несколько особо стоит третья группа пространственных наречий – наречия нахождения относительно чего-либо. Они обозначают место локализации действия-

состояния относительно сторон какого-либо предмета. Такими сторонами оказываются *верх, низ, сторона* (точнее – бок), *перед* (передняя сторона), *тыл* (задняя сторона).

З.Г.Каидов также выделяет сложные наречия, образованные по модели «указательное местоимение + имя существительное (локат.)»: *мисаъ* «здесь»← *ми усаъ*[инэссив] «в этом месте»; *мисал* «здесь»← *ми усал* [суперэссив] «на этом месте»; *мисаг1← ми усаг1* [интерэссив] «в этом месте» *мисакк←ми усакк* [субэссив] «под этим местом»; составные наречия, образованные по модели «определительное местоимение+ существительное» *гьер усаъ* «везде, всюду» (*букв*. «каждое место») [Каидов 2005:93].

К отмеченным группам слов с пространственным значением можно добавить также наречия-деадъективы: *вархал* «далеко», *багуйигь* «близко», *дузди* «прямо» и т.д., соотносимые с прилагательными или причастиями *вархаф* «далекий», *багунф, багуйинф* «близкий», *дузф* «прямой». Пространственная семантика таких наречий является облигаторной, так как только контекст, где присутствует слово со значением локума, позволяет конкретизировать пространственную локализацию предмета.

Глагольные словосочетания с зависимыми наречиями *вархал* «далеко», *багуйигь* «близко» могут выражать различные оценки относительно конкретного физического расстояния.

Е.С. Яковлева отмечает: «Окрестность говорящего» предполагает известность, освоенность, «исхоженность» описываемого участка пространства, некий образ пространства, связанный с поверхностью земли» [Яковлева 1993:53].

Специфика наречия в агульском языке как и в других дагестанских языках, проявляется в том, что оно принимает аффиксы локативных падежей.

В качестве активных компонентов глагольных словосочетаний с пространственной семантикой можно отметить также вопросительные местоимения *найич* «куда», *нандиъ* «где», *нандиъас* «откуда», *нандиъди*

«куда»; присоединяя форманты локативных, направительных и исходных падежей, они способствуют выражению пространственных отношений: Ср. примеры из агульских народных песен:

Я руш, вун ***нандиъ уйи?*** Эй, девушка, ты где была?
ГӀуд хьуна ***хуйиг1 гӀуйив?*** .. В куропатку превратившись, в поле (что-ли) была?

Удигь гьая *кьунарин* У впереди идущих козлов
К1арчар кӀизилдин хьурай Пусть рога будут золотыми.
Къабахъ хъая *гъурурин* У сзади идущих собак
Улар Ӏэгурантар е Глаза – зеркальные
.
Тукарин дастаригӀас Среди букета цветов
Са тукун юркӀв угая У одного цветка сердце горит,
Варталла акъас *давей* Не имея возможности открыться, (*букв.* «наверх сделать»)
Юрк1урак вей, 1эшая Расстраивается, плачет

Ихьуна раккан кӀучӀуъ улул, ***ушуна*** *а ме малабулигъас* ***эйс*** *хьер ухас нецӀухъ* (гекх.гов.) «Просверлив в дверной ручке отверстие, пошла она вниз к реке воды попить». *Чин мич адеф гьеме к1ирк1 бадала э* «Мы сюда пришли ради этого мальчика».

Довольно часто наречия места встречаются в устойчивых сочетаниях агульского языка, в пословицах и поговорках: ср.: *Езанин хул* ***тичра*** *ккеттверефе –* ***мичра*** «Борозда и туда идет, и сюда (обратно)» (в знач. «нельзя все время требовать для себя, нужно и отдавать»).

2) Наиболее распространенной моделью выражения пространственных отношений глагольными словосочетаниями в агульском языке является модель «существительное в местн.п. + глагол».

Как уже отмечалось выше, агульский язык располагает богатой системой местных падежей. Поэтому глагольные словосочетания с существительными в местных падежах составляют продуктивный тип, выражающий различные пространственные значения:

а) локализация ***In*** - показатель ***-ъ*** - «в». Традиционно семантика данного падежа описывается как нахождение предмета внутри ориентира, чаще полого [Мерданова 2004: 34], а также как действие, происходящее внутри чего либо. «Показателем локализации ***In*** исходно являлась гортанная смычка (***-ъ***). В качестве показателя локализации имени она в настоящее время сохраняется в ряде контекстов, хотя имеется тенденция к ее опущению. В качестве же преверба **ъ-** материально не выражается, т.к. находится в превокальной позиции (в позиции перед гласной и в интервокальной позиции фонема /**ъ**/ всегда реализуется в нуле звука).

Поскольку количество глаголов, начинающихся с гласной, достаточно велико, возникает проблема определения того, следует или нет выделять в таких глаголах показатель локализации ***In*** . Очевидно, что, по крайней мере, в некоторых лексемах нулевой показатель ***In*** имеет смысл усматривать, поскольку такие глаголы обозначают именно нахождение внутри или движение внутрь/изнутри объекта-ориентира и управляют одним из падежей данной локализации (ин-эссивом, ин-лативом или ин- элативом)» [Майсак, Мерданова 2002:256].

Райондиъ ае *х1урар джалла якьу дерейис пай хьуная: са дерейис Агул-дере агъая, сасрайис – Кьушан-дере, хьибудпеттис– Гехъун-дере, якьудпеттис – К1ерен-дере. Агъул райондин* ***1у х1уриъ*** - *Хьирагъа****ъ****, Амухъа****ъ*** *даргибур дуламиш вея.* «Селения, находящиеся <u>в районе,</u> делятся на четыре части (ущелья): Агъул-дере, Кошан-дере, Буркихан-дере, Керен-дере. <u>В двух селениях</u> Агульского района – Чираге и Амухе, проживают даргинцы».

Хурай хьуная Расул Х1амзатова сифтта Арани агъа х1урин мактабиъ, хабди ми Буйнакскдиъ ккирк1уная педучилище, гегуналас хаб хуруная Москвайиъ, А.М. Горькийдин ттур але Литературный институтиъ «Учился Расул Гамзатов сначала в школе сел. Арани, потом окончил в Буйнакске педучилище, после этого учился в Литературном институте им. А.М.Горького в Москве».

Система пространственной ориентации обычно связана с положением самого человека в качестве начала координат. Нормальное положение человека в пространстве – его вертикальное положение. Представление «вверх – вниз» определяется по отношению к голове и ногам. Такая локализация с формантом ***In*** широко представлена как в свободных словосочетаниях, так и в пословицах, поговорках, фразеологических единицах: *к1ил к1илиъ ат1ас* «достить конца предела» (*букв*. «голова в голову дойти»); *суван к1илиъ* [ин-эссив] *рукьуна вес* «До вершины горы дойти» (*букв*. «до головы горы дойти»).

Ср. также: *Хулаъ гуни андавай агуф, гьуккай аркьай ушуне зун диквандиди* «Увидев, что дома хлеба нет, я быстро побежал в магазин». *Рякъяриъ ч1укь шучира,/ Зус г1аламатар ппара агун* «Хоть мало по дорогам ходил,/ Много я видел чудес» (Абумуслим). В отмеченных примерах локативный [инэссив] падеж показывает нахождение/отсутствие предмета в каком-либо пространстве, а также указывает на действия, происходящие в данном месте.

*Фи пуна **хьасе ирк1вариъ***	Отчего останусь в сердце
Зун ве ппара исари?	Твоем я годами?
Вас даайва г1ушари,	Не тебе ли ночами
Г1акв атав** заш **дагьариъ?	Давал знак я в горах

(Абумуслим). (Досл.пер. наш –С.Н.)

Гьеме ***хIуриъ*** *са баб хъудай, дада ухIае кIиркI* ***ахьуная*** «В этом селе жил мальчик, которого без матери растил отец».

Х1уриъ *хьурай,* ***хулаъ*** *хьас* «В селе пусть будет, чтобы стало в доме» – «Пусть будет достаток в селе, чтобы достаток был и в доме». *Сатти* ***дараъ*** *к1ура* ***дахьурай*** «Одиноко пусть и дерево не растет в лесу». *Хумбеттин 1экьул берхемин хириъ авефе* «Женский ум – в подоле платья» – непостоянство женского ума: сидячая поза соответствует сосредоточенности, стоячая – рассеянности.

Вместе с тем встречаются примеры, где локативный [инэссив] падеж выражает и локализацию «на»: *1ае инсан* ***рекъуьра гьучадархьурай*** «Злой человек, пусть и на дороге не встретится». *Иджвел аттвере* ***улудигь*** *чапп* ***ик1афттава*** (букв. «В дырку, откуда исходит добро, тряпку не засовывают»). Значение локализации внутри выражено локативным падежом ***«гь»-*** нахождение предмета перед ориентиром.

Зависимый компонент в локативном падеже *In* в следующих словосочетаних также совмещает значения «находиться внутри или на поверхности чего-, кого-либо»: *г1араъ ахьас* «быть на лугу на сенокосе» (*букв*. «в лугу быть»), *фуниъ ахьас* «быть беременной» (*букв*. «в животе иметь/быть»); *хуйиъ ахьас* «находиться в поле», *езаниъ ахьас* «находиться на пашне, пахать»; *суваъ ахьас* «находиться в горах»;

б) нахождение предмета перед ориентиром передается местным падежом Ante с конечным формантом – ***гь***:

Кьварагь агьут1унас «сторожить зерно» (*букв*. «перед зерном сидеть»). В словосочетании *кьварагь агьут1анас* показатель нахождения предмета/субъекта перед ориентиром маркировано дважды: в существительном *кьвара-****гь*** и в глаголе превербом ***агь****-ут1анас* (Мы выше отмечали такую связь как координацию).

«Связь между превербами локализации и категорией локализации имени в настоящее время проявляется, прежде всего, в том, что значительное

число префиксальных глаголов требует оформления одного из актантов (как правило, обстоятельства места) падежной формой соответствующей локализации - имеет место своего рода семантическая «согласованность по локализации» [Майсак, Мерданова 2002:256].

Интерес представляет реализация падежа Ante в пословицах: *Гъилигь гьае т1убар джалла сад дава* «И пальцы на руке неодинаковы». Форма падежа [Ante] эксплицитно, указывает также на направительный падеж: *Раккагь аттиву шумарикес шаламара ва1рефттава* «Из отрезка кожи, достаточного для шитья сапожек, не получатся и тапки, если его вынести на улицу».

Пространственные значения в агульском языке, наряду с местными падежами, выражают и сочетания существительных в родительном падеже с послелогами: *хулан* [р.п.] *удигь гьекьвас* «перед домом сидеть»; *мактабарин* [р.п.] *удигь завал хьас* «перед школой собраться»;

в) локализация «Super» - показатель ***-л*** указывает на нахождение кого-либо или чего-либо на горизонтальной поверхности:

тукарил ц1абрахъилар алхьас «на цветах бабочки находятся»; *зазарил гьечар алгъаверефттава* «на шипах (колючках) яблоки не растут»; *гъурил пе1эр алхьас* «куры на насесте находятся»; *к1ирк1 х1ейвандил алхьас* «мальчик на лошади *сидеть*/быть», *раккал рукьар алхьас* «двери заперты» (*букв*. «на дверях замок находиться»); *гъвадил алурцас* «на крыше ходить» и др.

Примеры демонстрируют реализацию значения локализации конкретного предмета / лица на горизонтальной поверхности. Вместе с тем, в глагольных словосочетаниях зависимый компонент в форме локатива Super может означать также «осмотреть сверху»: *Ачадиная ме, **ул алчатуная хулал*** «Зашел он в комнату, осмотрелся» (*букв*. «Зашел он, посмотрел на комнату//окинул взором комнату»).

Форма Super употребляется в агульском языке и для описания локализации таких понятий, как облака, тучи, звезды: *заварил дифар/ къирибур/ г1адар алхьас* «на небе облака/ тучи/ звезды быть».

В образных единицах могут быть обозначены процессы памяти (см. об также и выше): *йирк1урал хьас* «вспомнить» (*букв.* «на сердце стать»), *йирк1урал гъас* «напомнить» (*букв.* «на сердце привести»); *джеме1этил сивил хьас//гъас* «быть у всех на устах» *(букв.* « на рту у народа быть// привести»);

г) глагольные словосочетания со значением нахождения ориентира позади чего-либо с зависимым именем в местном падеже Post –показатель -***хъ.***

Основное значение данного падежа – указание на локализацию предмета/лица *за, позади* ориентира, иногда и вне видимости субъекта/ предмета речи: *кьвадилкьвандихъ хъахьас* «ткать ковер» (*букв* «за ковром находиться», т.е. за станком, на котором ткут ковер»); *цилихъ урчар хъахьас* «за стеной телята находятся; *хулахъ машин хъахьас* «машина за домом находится».

Словосочетание *хулахъ хьас* «быть на стойловом содержании» (*букв.* «за домом быть») употребляется как устойчивая единица только в сочетании со словами, обозначающими домашних животных. Семантику данного падежа передают также и послелоги: *раккан кьабахъ лекар хъахьас* «обувь находится за дверью».

Интерес представляют также глагольнеы словосочетания с зависимыми существительными *т1убул* «кольцо», *кванищ* «браслет», *се1эт* «часы» в постэссиве.

Языковая картина агулов локализует место расположения кольца на пальце или часов на руке, как предметов, находящихся позади, за пальцем [в конечной части пальца] или руки, но перевод на русский язык, в силу невозможности их буквализации, не отражает семантику агульских

примеров: *гъилихъ се1эт хьас* «часы на руке быть», *т1убухъ т1убул хъахьас* «на пальце кольцо быть». Эта же форма закреплена и в народных песнях:

ТIубухъ тIубул давуйив ? Не колько ли <u>на пальце?</u>
Уч къизилдинф давуйив? Не золотое ли оно было?
Гьелидегьен пушмал хьас Чтобы так ты могла опечалиться,
КIиркI ве кканеф давуйив? Парень не любимый ли твой был?

Ср. также: *бизихъ хъахьас* «быть на грудном вскармливании» (*букв.* «за грудью быть»), *гъилихъ хъахьас* «располагать чем-либо» (например, материальными возможностями»).

Как можно заключить из приведенных примеров, соматическая лексика в форме локативного падежа Post довольно продуктивно участвует в образовании ФЕ. Об этом свидетельствует и еще одна единица *лекухъ хьас* «числиться за кем-нибудь» (*букв.* «за ногой быть»): *Галуъас агъверегнуа к1едегьен к1елар гьалла х1уьппехъендин лекухъ хъаме* «Ягнята, погибшие при перегоне на летние пастбища, до сих пор числятся за чабаном». Синонимично употребляется еще одна единица– *ттуранихъ хьас* «числиться» (*букв.* «за именем быть»).

Семантика принадлежности, выраженная данной формой, часто реализуется в сказочных текстах-зачинах: *Хьуне агъа – хьундава агъа са дадна баб.* ***Хъай уйи*** *агъа* ***гебурихъ*** *са кIиркI* «Жили-были отец и мать. <u>Был у них</u> один сын».

Пословичный материал показывает употребление характеризуемого падежа и в значении указания на нижнюю локализацию: *дерецихъ к1уч1 хъик1ас* «приделать ручку к косе».

Наряду с отмеченной пространственной локализацией, глагольные словосочетания демонстрируют употребление формы Post в значении In: *гъулихъ гъил хъучик1ас* «сунуть руку в нишу» (*гъул* – небольшая

четырехугольная ниша в стене комнаты, в которую клали в старину предметы первой необходимости: лампу, спички, свечи, нитки с иголками и т.д.): действие глагола направлено внутрь обозначенного предмета, и поэтому должна была использоваться форма на ***-ъ*** «в»: *гъулиъ гъил икас.* Одним из значений слова *гъул* является ниша/углубление с двух сторон входной двери, в которую вставлялась палка, которая и служила запором; с одной из сторон ниша была сквозной, чтобы можно было открыть дверь и снаружи. Этим предположительно и объясняется употребление формы на – ***хъ,*** «позади, за», так как приходилось засовывать руку в нишу и отодвигать палку сзади; в данном случае форма предпределяется функциональными характеристиками.

д) глагольные словосочетания с зависимым существительным в местных падежах уточняют место, где происходит действие или находится предмет как располагающийся между ориентирами или в сплошной массе, позателем данного падежа Inter является формант ***– г1***.

Такая же картина наблюдается во всех дагестанских языках, где имеется противопоставление инэссива и интерэссива: «Согласно имеющимся грамматическим описаниям, локализация Inter в дагестанских языках употребляется в том случае, когда ориентир представляет собой аморфное вещество, совокупность однородных элементов. Такая локализация системно противопоставлена локализации In, сфера употребления которой ограничена названиями полых вместилищ типа кувшина, сундука и под.» [Ганенков 2005:29].

1уьк1ериг1 г1ахьас «в траве находиться», *инсанарин джалгайиг1 г1ахьас* «находиться среди людей»; *бурунзиг1 ч1ирх1ар г1ахьас* «в рисе сор находиться»; *нец1уг1 берхелар г1ахьас* «в реке паласы находиться»; *кьелаг1 руг г1ахьас* «в соли пыль имеется»; *ц1ухурариг1 г1уяр уджас* «на углях картошку печь»; *х1уриг1 г1адаркас* «по селу шататься» (*букв.* «между селом [домами села] бродить»).

Наряду с такими словосочетаниями, семантика которых прозрачна, и где выражение семантики локализации «между» или «в сплошной массе» подтверждается реальной действительностью, в агульском языке имеют место случаи, когда вместо ожидаемой формы интерэссива (нахождение в аморфной массе) употребляется инэссив.

Чаг1 гуни г1адахьас «нет хлеба (у нас)»: вместо ожидаемой формы на -***хъ*** (см. ниже об этом падеже), с которой в основном связана семантика принадлежности, обладания, здесь употреблена форма с ***г1***- , предполагающая нахождение предмета совершенно в других пространственных ориентирах. Ср.: *чахъ пул хъудава* «у нас нет денег» (нельзя употребить форму *чаг1* при лексеме *пул* «деньги). Может быть, значение локализации Inter в случае употребления слова *гуни* связано со способом заворачивания *г1араджас: гуни г1араджас* «хлеб завернуть», *кьут1ур г1араджас* «чуду завернуть».

Наши наблюдения показали, что форма с ***г1-*** употребляется при указании на локализацию предмета, находящегося между двумя однородными предметами: *суратиг1 ламус г1адахьас* «не иметь совести» (*букв*. «между лицом [в лице] совести не иметь»). Ср. также: *суратиг1 гъурд г1ачихьас* «дать кулаком по лицу; *йирк1вар-лек1ериг1 гъил г1адарк*ас «предчувствие неприятностей» (*букв*. «между сердцами и печенью рукой провести»); *хулаг1 т1агарар г1адахьас* «в комнате нет окон»; *салаг1 ракк г1ик1ас* «поставить дверь в сарай».

Кажущееся на первый взгляд неразличение, смешение форм на ***–ъ*** «в» и на ***–г1*** «между» фактически является дифференциацией семантики данных падежей: *кунар хьеттиъ ик1ас* «замочить одежду» (предмет, находящийся в сплошной массе должен был быть оформлен интерэссивом, а здесь мы наблюдаем употребление инэссива, локализующего предмет как находящийся в полом пространстве, внутри чего-либо); лексему *хьед* «вода», можно употребить с этим же глаголом и в интерэссиве, и тогда происходит

согласование – у глагола появляется преверб *г1-*, идентичный данному падежу; *кунар хьеттиг1 г1ик1ас* «одежду в воду положить, сунуть»: в приведенных примерах с одним и тем же глаголом с разными показателями налицо дифференциация семантики: *хьеттиъ ик1ас* «погружение в воду на продолжительное время», а *г1ик1ас хьеттиг1* «положить, погрузить на короткое время».

См. также и следующие примеры: *ач1аг1 урчар г1ая* «в ущелье телята находятся» (*букв.* «между [склонами] ущельем телята пасутся и *ач1аъ урчар ая* «в ущелье телята пасутся/находятся». В первом случае телята обозначаются в процессе движения с одной стороны ущелья в другую, а во втором примере актуализируется сам факт локализации.

В ковроткачестве употребляется глагол *ттун г1арашвас* «ткать, вплетая в имеющийся ряд цветных ниток, нитку другой окраски»; ср. еще: *лекариг1 г1араджас* «под ногами путаться» (*букв.* «между ногами путаться»).

О подобных «отклонениях» в употреблении форм *In* и *Inter* отмечает в своей диссертации и Д.С.Ганенков «... Во многих языках, однако, стройное дополнительное распределение относительно двух классов ориентиров нарушается вследствие того, что некоторое подмножество ориентиров сочетается не со «своим» показателем, например, нахождение в полом контейнере обозначается при помощи показателя Inter. Автор подразделяет подобные «нарушения» на две группы. В одном случае дополнительное распределение показателей In и Inter сохраняется, т.е. показатели сочетаются с двумя непересекающимися классами ориентиров, но разграничение показателей проходит не точно по линии «полый контейнер» ~ «аморфное вещество», а сдвигается в ту или иную сторону» [Ганенков 2005:137].

Примером такого «нарушения» является и следующий пример: *китабиг1 к1еджар г1андахьас* «в книге страниц не хватать».

Намерение о поездке к себе на родину (в Агульский район из города) агульцы обычно передают словосочетанием *вартт г1агъвес* «вверх

пойти/поехать» или *х1уриди г1агъвес* «в село поехать». Преверб ***г1-*** указывает на локализацию «между» (дорога пролегает через ущелье Магу-дере), а ***гъ-*** на направление движения снизу - вверх. Преверб ***г1-***, указывающий на локализацию между двумя предметами, является продуктивным: *г1агъдагъас, гIагъикас, гIагъирхIас* «выситься, торчать из сплошной массы»; *гIагъдивас* «вытащить из сплошной массы наверх); *г1агъуч1ас* «вылезть из сплошной массы, например, о траве»; *г1адаркас* «перемешать, например кашу, также бродить, болтаться»; *г1адатас* «выпустить из множества однородных предметов», *хьед г1адичас* «брызгаться о воде», т.е. предполагается из щели» и т.д. Мы насчитали в картотеке около ста таких глаголов;

е) глагольные словосочетания со значением «нахождение предмета на вертикальной поверхности».

Модель ***«имя сущ. + глагол/ имя сущ.*** $_{им}$***+ глагол с превербом Cont».***

Традиционно как базовое значение для падежа Cont отмечается ситуация плотного контакта объекта с ориентиром, например, *халича цилик кехьас* «ковер на стене быть/ висеть», т.е. имеется в виду что-либо плотно, неподвижно прибитое или прикрепленное к вертикальной поверхности.

Семантика данной локализации наиболее близка к падежным формам, указывающим на нахождение предмета внутри полого пространства: «…в агульском языке в сочетании с названиями аморфных веществ локализация Cont указывает на то, что находящийся во внутренней области ориентира объект входит в состав ориентира и представляет собой его часть» [Ганенков 2005:147]. Его употребление «…ограничено ситуациями *плотного контакта* объекта и ориентира. Обозначение *свободного контакта* поверхностей при помощи локализации Cont в агульском языке абсолютно запрещено; во всех таких контекстах обязательным является использование локализации Super» [там же, с. 65].

Пространственная семантика выражается и формантом ***-к.*** Проанализированный нами материал глагольных словосочетаний позволил несколько расширить круг пространственных значений, выраженных формантом –**к**:

Гъунак х1уппар кихьас «на склоне овцы пастись (пасутся)» – аффикс существительного *гъуна*-**к** и преверб глагола **к**-*ихьас* демонстрируют свободное нахождение на вертикальной/ наклонной поверхности одушевленных предметов; *дарак малар кехьас* «в лесу (на его вертикальной поверхности)/ скот пасется».

Семантика вертикального нахождения подкрепляется фактами внеязыковой действительности: леса в Агуле в основном растут высоко, на склонах, а ниже, на открытых участках, пасется скот; *шушайик ц1абрахъил кикъвас* «к стеклу бабочка прилепиться», *т1агарик/ шушайик хьеттин т1инк1ар кехьас* «на окне/ стекле капли воды находиться»; *альбомик ишкилар йирх1ас* «нарисовать картинки в альбоме»; *зак гин бурдж кехьас* «на мне его долг быть/висеть»; *гик гунагьар кидахьас* «у него нет грехов»; *йирх1уник дарман кидаркас* «на рану лекарство намазать» ; *йирк1урак хьас* «расстроиться» *(букв.* «к сердцу стать»); *к1ураник машмашар кехьас* «на дереве абрикосы растут»*; г1анак калтуфак кехьас* «в огороде картофель расти»; *х1уягик ибур ккедахьас* «у кастрюли ручки (*букв.* «ухо») не быть»; *г1уьзур керхьас* «заразной болезнью заразиться», *капк керхьас* «чесоткой заразиться» (*букв.* «чесотка пристать»); *тахсир кихьас* «виноватым быть» (*букв.* «вина быть на/в нем)»; *варвар уьттак киквас* «пчелы на меде собраться», *джигетик к1уч1ар* кик1ас «к кофте пуговицы пришить»; *утунарик ишанар кехьас* «на спине следы иметь»; *суратик рангар кея* «на лице краска есть» (указывает на нахождение предмета на боковой поверхности, носящей временный характер).

Проанализированный нами материал глагольных словосочетаний с пространственными отношениями позволил выделить совмещение значений

падежей инэссива и контэссива: *х1уни урчунак кехьас* (*букв*. «корова к теленку быть») = «корова должна телиться»; *сус шиниккводик кея* «невестка ждет ребенка» (*букв*. «невестка к ребенку находится»). Как следует из приведенных контекстов, локализацию пространства, выраженного глагольными словосочетаниями отмеченных выше моделей с формантом Cont, можно представить следущим образом:

1) нахождение предмета на вертикальной поверхности в плотном, неподвижном контакте: *цилик халича кехьас* «ковер на стене висеть»;

2) нахождение предмета на вертикальной / наклонной поверхности в свободном контатном расположении: *х1уппар гъунак кея* «овцы на склоне пасутся»;

3) нахождение предмета в сплошной массе (в этом значении оно синонимично формам с Inter); *яккук кьел кехъас* «посолить мясо». В случае употребления с Inter *яккул кьел алахъас* «посолить мясо» предполагается, что оно лежит на горизонтальной поверхности, а в форме с Cont – в кастрюле с водой;

4) нахождение предмета на вертикальной/горизонтальной поверхности в соединенном, нанесенном, растворившемся виде: *китабик ишкилар кея* «в книге имеются картинки»; *берх1емик т1акьвар кея* «на платье грязь (пятна) есть»; *суратик рангар кея* «на лице краски есть»;

5) локализация плотного контакта на вертикальной поверхности, носящей непроизвольный характер: *инсандик г1уьзур керхьас* «заразиться болезнью»;

6) указание на предмет, находящийся под ориентиром, в нижней части ориентира. Данная пространственная локализация в агульском языке выражается формантом субэссива (в терминологии А.Е.Кибрика – Sub) ***-кк,*** превербом ***кк-*** и послелогом *к1енакк* «внизу». Рассмотрим отмеченные базовые, а также возможные периферийные употребления данных форм имен в составе глагольных словосочетаний:

дагьарикк ккехьас «под горой находиться»; *муг1уйикк ккехьас* «под мостом находиться». Параллельно, совершенно равнозначно могут употребляться и послеложные конструкции: *дагьарин к1енакк ккехьас* («*букв.* «под низом горы находиться»); аналогично – *муг1уйин к1енакк ккехьас*; *чархарикк ккехьас* «под арками находиться»; *машиникк фурар ккик1ас* «ставить колеса на машину»; имеют место и случаи ассоциативно-переносного употребления: *х1уникк некк ккехьас* «у коровы молоко имеется (*букв.* «под коровой молоко быть/ иметь»); *муджур ккехьас* «бороду иметь» (*букв.* «борода иметь под»). Встречается данная форма также и в устойчивых глагольных словосочетаниях, где семантика формы затемнена: *саламикк ккехьас* «стоять на приеме соболезнований» (только о мужчинах, которые стоят перед домом, где принимают соболезнование); *рагьиникк ккехьас* «на соболезновании быть» (только о женщинах, которые принимают соболезнования у женщин дома); *ттураникк 1уссе вереф хьурай* «формулаперечи/поздравление новорожденному при наречении имени» (*букв.* «под именем (этим) чтобы состарился!»); *г1уликк вес* «начало жатвы» (*букв.* «под лето идти»); *гъиликк ккихьас* «учиться у кого-либо» (*букв.* «под рукой находиться»).

Наш материал выявил также случаи совмещения семантики субэссива и инэссива: *хьуракк ккехьас* «находиться в пекарне» (*букв.* «под печью находиться»): *хьар* – глиняная печь, в которой пекут хлеб, а также помещение, где эта печь расположена. Употребление форманта ***–кк*** связано с обозначением локализации «под печью, у основания печи»; *булахикк ккехьас* «у родника быть»; *булахикк кунар 1уьччанас* «стирать белье под родником». См. также текстовые примеры:

Булахин ***к1илил*** ккани — У изголовья/над родником хотел (а) бы я

Дардарна гъамар гъургъас — Горем-печалью поделиться,

Садафин йирк1вар ккани — Перламутровое хотелось бы сердце иметь,

Фикирар фачадатас Чтобы мыслям мог не внимать (из аг.песен)

Падеж покоя Sub употребляется также в функции направительного падежа: *Мивур (поэтар) гьалра лезгивури, жаллавури чухсагъул агьай а, гьалра хе ягъар отмечат акьай а, мишттин талантар хъае инсанар* ***вершакк садра вейдава*** «Лезгины и другие народы и сегодня благодарны своим поэтам, возносят, отмечают дни рождения, такие талантливые люди редко рождаются (*букв*. «под сто один не бывает») (ВА 2011:18). Форма локативного падежа со значением нахождения предмета «под чем-либо» в данном случае употреблена в значении исходного падежа (субэлатив) *вершаккес* «из ста».

Пространственное расположение предмета конкретизируется в словосочетаниях с зависимыми компонентами, выраженными деепричастиями, послелогами: *фат1уна, багулив, хъихьуна, хъат1уна*:

Ач1ав фат1уна акьуная хулар «Возле оврага впритык построили дома». Преверб ***ф-*** в деепричастии *фат1уна*, локализует нахождение предмета в близком контакте. Сравните также: *вецар фит1анас* «быков запрячь». Преверб в этом глаголе и в предыдущем примере предполагает наличие второго объекта, вплотную или в тесном контакте с которым совершается действие.

Послелог *багулив* выполняет двойную функцию, употребляясь и как послелог, и как наречие. Следующий контекст позволяет разграничить случаи такого употребления: *Зе хулагьас багулив фая кар аркьа мукь* «работа находится рядом с моим домом»; *Хулан багулив мактаб фая* «на боку дома// рядом с домом находится школа». В первом случае возможно вариативное употребление наречия *багулив – хулагьас багуйи ая* «от дома близко находится», а во втором случае такая трансформация невозможна.

3) При анализе пространственных отношений очень важно различать направление действия. Направление действия определяется общими вопросами *нандиъ* «где», *найич* «куда», *нандиъди* «куда», *нандиъас* «откуда».

Все перечисленные вопросительно-пространственные наречия образуют формы всех падежей покоя, а также формы исходных и направительных падежей.

Исходным пунктом пространственной ориентации (направления движения) является лицо как субъект действия, относительно которого обозначаются пространственные отношения. Эти пространственные отношения указывают:

1) на то место, где происходит действие или событие;

2) на то, откуда оно исходит;

3) на то, в каком направлении или до какого предела оно распространяется, т.е. обозначаются исходная и конечные точки движения и характер направления:

а) место, из которого исходит действие, обозначается исходным падежом – элативом, (показатель – формант ***-ас*** добавляется ко всем сериям покоя).

Стержневым словом в таких словосочетаниях выступают глаголы движения, обозначающие отдаление, удаление от чего-либо: *хулаъас айч1вас* «из дома выйти» – направление движения изнутри, из полого пространства; *хулагъилас аладес* – суперэлатив «с крыши спуститься» (движение сверху вниз); *хъулахъас хъаттес* «из-за дома выйти» – постэлатив. Эту же семантику можно передать и при помощи послелога *хъабахъас: хулан кьабахъас хъаттес* «из-за дома выйти»; *зерфеликес кевес* «проходить через сито».

Определение (=выявление) пространственных отношений исходными или направительными падежами только по формальным показателям не всегда однозначно возможно. Поэтому мы учитывали морфосинтаксические

особенности употребления некоторых лексем в глагольных словосочетаниях. Так, например, форма исходного падежа от локатива Cont может выступать и в объектном, и в пространственном значении. В приводимом ниже примере мы имеем дело с употреблением слова *лит* «бурка» в объектном значении:

Ккелахъан, угъал вея Чабан, дождь собирается,

Литикес чардах акье Из бурки сделай шалаш

Ле вас ккане руш гъая Девушку любимую уводят (=замуж выходит)

Уликес булах акье Из глаза сделай родник.

(аг.нар. песня).

Форма исходного падежа *литикес* может быть употреблена и в пространственном значении: *литикес хинзазай кеттвес* «по бурке ползет паук»; *нец1укес ккеттвес* «через реку перейти».

В зависимости от характера обозначаемого объекта возможно употребление исходного падежа Cont и в значении inter (ср.: *нец1укес кеттес* «через реку перейти», где объект *нец1в* «река» обозначает сплошную массу; можно считать здесь совмещенными значения «через» и «в» (=быть в реке + переходить реку);

б) место, куда направлено движение предмета, обозначается обычно лативом: *г1урчаъ**ди** вес* «на охоту пойти», *раккагь**ди** вес* «на улицу пойти» (*букв.* «перед улицей пойти»), *сувахъ**ди** вес* «за гору пойти» и др.

Но в некоторых диалектах агульского языка (напр., в керенском) есть тенденция неразличения /совмещения направительного и дательного падежей: Ср.: *Парзай буллах Чирагъ нец1у**с*** (дат.п. вместо латива *нец1у**ди**)* *ушуне/Магъу-дере шагьид хьуне садвелин* «Горный родник устремился к реке Чираг / Ущелье Магу- дере тому свидетель» (К.Ахмедов).

Такое же явление отмечается и в лезгинском языке «Принято считать, что дательный падеж в лезгинском языке выполняет функцию и

направительного падежа со значением «во внутрь, в среду» IV серии местных падежей. Однако вполне правомерно полагать, что функции дательного и направительного IV серии совмещает именно направительный падеж» [Керимов 2003:104].

Достаточно широко используются направительные падежи во фразеологизмах и паремиях. Локализаторами в таких структурах чаще всего выступают соматизмы, названия артефактов, зоонимы и др. лексемы, отражающие отчасти специфику агульской языковой картины мира:

*Ули**ъас** адархьас* «потерять уважение» (*букв.* «из глаза выпасть»); *гъиларил/т1убарил алгъик1уна ух1ас* «очень хорошо заботиться о ком-либо/ «избаловать» (*букв.* «на руки/пальцы положив растить/ухаживать»); *к1илил раг1ар руг1ас* «наказать» (*букв.* «на голове жернова молоть»); *лекун к1енаккес бала гъайшас* «неожидаанная беда» (*букв.* «из-под ноги беда подниматься»); *джандиъас узз адавес* «дрожь по телу пройти»; *к1ватталал к1ук1 хьасттава* «никогда у кого-либо достатка не будет» (так обычно говорят о не рачительных людях; *букв.* «короб доверху никогда не наполнится»); *ац1у тахалал але гашин 1ул суман гъас* «о скупом, жадном человеке» (*букв.* «как голодная мышь, находящаяся на полной лари); *ирк1вар-лек1ериг1**ас** гъил гъагъирх1ас* «предчувствовать беду, переживать» (*букв.* «между сердцами - и печенью рукой провести»).

Значение локализации или пространственно-направительное значение могут выражать и аналитические конструкции=наречия *х1уьлджал багв* «вправо (*букв.* «правая сторона»); *чиппил багв* «влево» (*букв.* «левая сторона»): *чиппил багухъди вес* «идти налево».

Анализ пространственных отношений, выраженных глагольными и деепричастными словосочетаниями агульского языка, позволяет сделать вывод о возможности конкретной реализации различных оттенков пространства с участием локативных, исходных и направительных падежей, послелогов, превербов, наречий, семантика которых связана со значением

пространства. Имена существительные, входящие в состав данных словосочетаний, употребляются в дативе, во всех сериях падежей покоя, в исходных и направительных падежах. Пространственные послелоги и превербы, относящиеся и к имени, и к глаголу, также достаточно отчетливо конкретизируют пространственные отношения. Чаще всего в анализируемых словосочетаниях в качестве стержневого слова употребляются глаголы движения.

3.2.2. Глагольные словосочетания с временными отношениями

Исследователи, занимающиеся проблемами лингвистической интерпретации категорий пространства и времени, утверждают, что «вне этих двух факторов не может протекать жизнь ни естественного, ни общественного мира. Поэтому закономерно, что пространство и время были осмыслены и отражены в сознании человека раньше других объективных реальностей, были облечены в языковое выражение на самых ранних стадиях развития языка как непосредственной деятельности мысли» [Симулик 1969:40].

Пространство и время тесно связаны в сознании человека. «Уникальность каждой культуры и ментальности этноса обеспечивается прежде всего через язык. Вхождение новых поколений в мир «отцов», социокультурная адаптация молодых к этнокультурной среде старших происходит прежде всего благодаря языку» [Морзавченков 2011:225].

Такая взаимосвязь выражается и на лингвистическом уровне. Так, например, имеют место случаи выражения категории времени пространственными единицами и, наоборот, использование пространственных единиц для выражения временных отношений (см. об этом: Падучева 2000, Красных 2000, Тихонова 2006).

В агульском языке довольно часто одни и те же послелоги (например, *удигь* «впереди /перед чем-либо», *кьабахъ* «сзади// после чего-либо», *г1анаъ* «внутри// в течение какого-либо времени») могут употребляться для выражения как пространственных, так и временных: отношений. Ср.: *Мактабарин **удигь** аптека гьая* «Перед школой находится аптека». *Милас **удигь*** (*букв.* «перед месяцем») *вазала г1айшуна уйи зун шагьурдиди* «За месяц до этого я ездил в город». *Даран **кьабахъ** ппара ккабабшиккалар завал акьуне ттиъ* «За горой в этом году много брусники собирали». *Дадан **кьабахъай** к1ирк1ра ушуне* «После отца и сын пошел»; *Начра душуна, х1урин **г1анаъ** дуламиш акьас мункинвелар ая кканеттарис* «Не уезжая никуда, внутри села есть возможность для желающих работать и обеспечить себя» – *Гьеме исан **г1анаъ** хьибугелай больницабириъ архьуная ге биц1иф фай* «В этом году// в течение этого года она три раза попадала в больницу с ребенком».

Глагольные словосочетания с временными отношениями в агульском языке не были еще предметом специального изучения. В основном рассматривались случаи выражения грамматической категории времени при помощи глагола (т.е. анализируются случаи реализации морфологического времени) [Шаумян 1941, Магометов 1970, Тарланов 1994, Каидов 2005, Исрафилов 2006 и т.д.].

Временные отношения на материале различных дагестанских языков были предметом как специальных исследований, так и отдельных научных статей.

Временные отношения на материале деепричастных словосочетаний даргинского языка исследовались М.-Ш.А. Исаевым, который выделяет следующие базовые модели конструкций с деепричастием в роли стержневого компонента словосочетания в даргинском языке: «имя в эргативном падеже + имя в именительном падеже + деепричастие переходной семантики», «имя в именительном падеже + деепричастие

переходной семантики», «имя в эргативе + деепричастие непереходной семантики» [Исаев 1961:18] .

Наряду с пространственными и целевыми отношениями, временные также были объектом анализа в специальных работах, посвященных глагольному словосочетанию лезгинского языка [Юзбекова 1994], аварского языка [Гебекова 2009], пространственно-временным отношениям даргинского языка [Темирбулатова 1982].

Наиболее удобной моделью описания временных отношений традиционно признается принцип расположение действия, выраженного глаголом, на временной оси. При этом локализация действия на временной оси определяется относительно ориентира, и оно может быть локализовано в следующих условных частях: время до (начала), сам ориентир и время после ориентира [Алексеев 1961:11].

3.2.2.1. Основные средства выражения темпоральности в глагольных словосочетаниях

Наиболее продуктивными моделями выражения временных отношений являются глагольные словосочетания моделей **«имя существительное в направительных падежах + глагол» и «наречие + глагол».**

Исследователи агульского языка отмечают, что «наречия служат важнейшим лексическим средством создания временной перспективы предложения в целом» [Тарланов 1994:189]. Отмечается также наличие значительного количества наречий со значением времени: *гьал* «теперь», *агьал* «сейчас», *гьалдис* «до сих пор», *гьалдихаб* «отныне», *дахи* «рано», *кьанди* «поздно, позже», *вахттуни* «вовремя», *яг1а* «сегодня», *багагь* «завтра» и т.д.

Вместе с тем, надо отметить, что временные отношения очень тесно связаны с пространственными отношениями, и поэтому темпоральную семантику в словосочетаниях могут приобретать совсем «неожиданные»

слова, так в ряде случаев затрудняет разграничение значений времени и места. Речь идет о таких словах типа *к1ил* «голова» в составе фразеологизмов с временным оттенком *к1ил к1илиъ ат1асттенгьен вес* «идти, пока не достигнешь конца, предела». В данном случае слово *голова*, употреблено для обозначения конца и начала какого-то действия, а можно понять и в пространственном значении «пока не достигнешь предела, границы». Конкретизации того или иного значения способствует контекст.

Помимо глагольных лексем, в словосочетаниях с временными отношениями используется целый ряд существительных, наречий, послелогов, частиц, описательных конструкций, уточняющих временную локализацию.

К именам существительнымс временной семантикой относятся:

а) <u>названия времен года</u>: *г1ул* «лето», *1урд* «зима», *хьид* «весна», *цул* «осень»;

б) <u>названия месяцев</u>: *ваз* «месяц». Как и у других народов Дагестана, счет времени велся по луне и солнцу; месяц – это промежуток времени от одного новолуния *ц1ае ваз* до другого полнолуния, полная луна считалась серединой месяца. Месяц приравнивался к 30 дням.

Порядковый день месяца определяли приблизительно по форме и размерам луны «С этой целью на Луну агулы смотрели через шелковый головной платок: считалось, что в этом случае Луна «слоится» на дни, т.е. каждый видимый «слой» равнозначен одному дню [см.: Булатова 2008:191].

в) <u>названия дней недели</u> (употребляются в основном названия, заимствованные из русского языка: *понедельник, вторник, среда четверг, пятница. суббота, воскресенье,* а также обозначения дней недели арабского происхождения): *итни* «понедельник», *талат/саласа* «вторник», *арбя1* «среда», *химис* «четверг», *джум1а* «пятница», *киш* «суббота», *эльх1ад* «воскресенье». «В повседневном быту агулы, как и другие народы Дагестана, пользовались счетом на определенное число дней вперед и назад» [Булатова

2008:191]: *яг1а* «сегодня», *багагь* «завтра», *хъаягъ/сае ягъ* «послезавтра», *хъатхъаягъ* «четвертый день», *удигь ягъ* «позавчера», *накь* «вчера»; *гилас удигь ягъ* «за день до этого»; *хъатхъаягъан кьабахъ хъае ягъ* «после четвертого дня» и т.д., прибавляя к очередному дню слово *ягъ* «день» или количество дней. Таким образом, у агулов зафиксирован счет на 5 дней вперед и на 3 дня назад, что в науке принято считать древнейшей неделей, имевшей разное количество дней у разных народов [Булатова, там же];

г) <u>названия частей суток</u>: *ягъ* «день», *1уьщ* «ночь», *ягъна 1уьщ* «день и ночь» (=сутки). Слово *ахс* (как обозначение начала наступления дня автономно не употребляется, но используется в выражениях *ахсар йирх1угуна* «с рассветом» (*букв*. «когда рассвет ударит»), *ахсар иц1ангуна* «с проблесками света, рано утром», а также в форме комитатива *ахсарифай* «с рассветом»; *ккеккерифай* «рано утром» (*букв*. «с петухами»); предрассветное время в агульском языке выражают также ряд деепричастных словосочетаний: *зав куругуна* (*букв*. «небо, когда покрасится/побелеет»); *рагъ аличигуна* «когда солнце сверху/ из-за гор осветит»); *парзарис рагъ киркьугуна* «когда солнце коснется гребня гор»; *г1уьбехъ/г1уьбехъин гагь* «вечер», *абкьанин гагь/ вахтт* «обед» (примерно с 12 до 14 часов).

Кроме этих базовых наименований, употребляются названия отрезков времени, связанные с отправлением намаза: *табаканан вахтт* «время после полуденного намаза»; *г1уьбехъ* «вечер»; *муч1/муч1инан вахтт* «поздний вечер, наступление темноты (*букв*. «темень/ темное время»): это же время обозначается также и фразеологической единицей *муч1 фадаркагуна* «с сумерками» (*букв* «когда темнота проходит рядом/ в контакте»); *ахунан гагь/ вахтт* «поздняя ночь» (*букв*. «время сна»); *сур1уьщ* «полночь»← *сур* «половина», *1уьщ* «ночь»;

д) <u>названия отрезков времени</u>: *х1яфтта* «неделя», *ваз* «месяц», *ис* «год», *се1эт* «час», *минут*(а) «минута», *секунд(а)* «секунда», *вахтт* «время»,

ягъар-манзилар «времена», *исар-исукьубар* «продолжительное время» (*букв.* «годы-годины») , *1уьмур* «жизнь», *вег1да* «пора», *замана* «время»;

е) <u>существительные, называющие возрастные периоды</u>: *1уссеф* «старость», *чиг (ваххтт) / чигди* «молодость, недозрелость», *джигьилвел* «молодость», *бизихъ хъами* «грудной возраст» (*букв.* «пока за грудью находится»).

Как отмечалось выше, время обозначается не только глаголами и существительными, но и 1) описательными конструкциями, 2) деепричастиями, 3) причастными конструкциями и т.д.

1) Ср.: *чиг вахтт* «время молодости», *наши вахтт* «период ранней (подростковой) молодости», *шиниккводин вахтт* «возраст ребенка», *бизихъ хъами* «грудной возраст» [ребенка] и др.;

2) *1экьулди ац1угуна* «взрослый, состоявшийся» (*букв.* «когда умом наполнится»);

3) *вахтт алгъархье вахтт* «пожилой возраст» (*букв.* «наверх поднявшийся возраст»), *яшар хьеф* «пожилой» (*букв.* «года наступивший»).

ё) <u>временные наречия</u>: *цац* «в прошлом году», *ттиъ* «в этом году», *гьемишанди* «всегда», *хуппай/ хабди* «потом», *багагь* «завтра», *дахи* «рано», *кьанди* «позже», *гьал* «теперь», *мус* «когда».

Данный ряд наречий можно пополнить и производными от существительных при помощи аффиксов *-ди, -тти, - /а/на 1урдана* «зимой», *хьидана* «весной», *вазди* «на протяжении месяца», *истти* «на протяжении года»и т.д.; от местоимений при помощи временной частицы *–гуна*: *мегуна* «в этот период», *тегуна* «в тот период», *нае гуна* «в какой период»; от глаголов при помощи временного форманта *-гъилди* сразу, как только»: *кегъархьегъилди* «как только встанет, вырастет, станет на ноги», производными от существительных: *ягъуй* «днем», *1уьшуй* «ночью», *г1уьбехъми* «вечером» и т.д .

В глагольных словосочетаниях с временными отношениями семантика стержневого компонента-глагола может быть самой различной: почти все группы проанализированных нами выше семантических групп глаголов (физического воздействия, движения, пространственные, ментальной характеристики и т.д.), а зависимые компоненты выражаются существительными в различных падежах с послелогами и без них; наречия и деепричастия выражают множество различных оттенков времени. С точки зрения отсчета времени относительно ориентира можно выделить следующие группы глагольных словосочетаний:

3.2.2.2. Глагольные словосочетания, обозначающие временную локализацию действия «до ориентира»

Данную семантику выражают глагольные словосочетания с зависимым:

а) существительным, наречием в форме дательного падежа с послелогом *дегьен// ттегьен,* локативных и направительных падежей: ***1уьшас хъучихьуна ккандея*** *ямагар* «К ночи/ до ночи надо успеть приготовить еду»*; **Г1улисттегьен гъурзар акьуна кканде*** *гьал стройкабур* «До лета надо остановить стройку»;

б) глаголом с временными формантами *-гунас/-гуна, -ттегьен// дегьен,* а также аффиксами направительных падежей *-тти/-ди* : *Чин **гьайшагунас ушуна уйи** г1лашувар* «Пока мы встали, гости уже ушли» *(букв.* «К тому времени, когда мы встали, гости уже ушли»); *Угъал угъастти ахъадивуна кканде 1уьк1ер* «Надо успеть собрать сено до дождя»; *Язна хъаттгъаренгуна, ишан кихьас верегуна хъае мирасра хъайт ве ге рушан хулади* «Когда приглашают будущего зятя в дом, сватать идут, берут с собой родственника и идут в дом к девушке»; *Те шувас гъая рушас те к1ирк1 кьац1ра **аргвай давуйии** шувас **гъасттегьен*** «Та девушка, которая замуж

выходила, того парня до замужества// до свадьбы вообще не видела». *Маджида машиниъ* ***уч1астти,*** *хаб алдаркуна, Сидратасра* ***шаб пуне*** *чиппихъай вес* «Обернувшись, прежде чем сесть в машину, Мажид позвал и Сидрат поехать с ними»; ***иттархьастти аларцвас*** *джаллабарил* «проведать всех до болезни»;

в) наречием: *Милас* ***удигьайра ес хьундава*** *гифас экзаменанар* «Раньше он тоже не мог сдавать экзамены»; ***сагелай*** *дарсади* ***вес*** «сперва на уроки пойти» (в функции наречия употреблено кратное числительное). В составе пословиц, фразеологических выражений можно встретить формы наречий, редко употребляемых в языке: *т1улди (ами) дат1илк1уф к1урди т1илк1ас верефттава* «Если прутик не скрутить прутиком (пока он был прутом), то его не скрутишь, когда он превратится в дерево»; *гьалдисттгьен пас дахьас* «до сих пор не мочь сказать»;

3.2.2.3. Словосочетания, выражающие временные отношения как происходящие «после ориентира»

Такую семантику в агульском языке передают в основном глаголы с формантом -*хаб* «потом, после» (данный формант образует также и условное наклонение), существительные в лативе и элативе, называющие конкретные временные отрезки; в качестве зависимого компонента могут употребляться также пространственные, указательные местоимения в лативе, указательные местоимения в послеложной функции в сочетании с существительными в направительных падежах; сочетания числительных с существительными, обозначающими временные отрезки:

Дарсар ккирк1ухаб *библиотекайиди ушуне студентар* «После занятий студенты пошли в библиотеку». *Х1уни узуна ккирк1ухабдала кичайдава зун урч* «Я теленка подпускаю к корове после того, как подою ее». *Руша разивел егуна, учин гъилихъ хъефра фай дадна-баб, хъара сасра багунттара хъай* ***ве***

ушан хулади «После того, как девушка даст согласие, родители и несколько близких родственников идут в дом девушки». *Авала, гашин вахттари, сусас гъаре шейъэр, г1еджизди адавай, тифас-мифас гъайи, ц1ак1инар ккирк1ухаб тин агъай хъабра гъайи. Сусав илгванди дадан хулаъас ахъатуф* «Раньше, в голодные времена из бедности подарки для невесты у кого-нибудь одалживали на время, после свадьбы все это забиралось назад. У невесты оставалось только то, что из отцовского дома получала в приданое». *Хуппай сус хулади ачафайдегуна, хунчабур гъайи сусан бабарис. Къабахъ ягъа, сус хъаттфайшу мирасттин хулади, бегерис агъай, гъайи х1а хунчабур* «Потом, когда невесту приведут в дом жениха, приносили подарки подружкам невесты. На следующий день невесту с женихом приглашала родня жениха, туда тоже родственники приносили большие *хунча* (*хунча* – «большой металлический поднос, используемый в свадебной церемонии, куда кладут всякие яства»).

Конструкции, обозначающие действия, происходящие после какого-либо события, могут передавать и значение мгновенности, одновременности действия: *Арчал гьаттиву**гъилди**, ккелар адъахъуна, ушуне чиппин бабарилди* «Как только убрали перегородку, ягнята ринулись навстречу к своим мамам» .

Кратковременные, быстротечные действия обозначаются также лексемой *се1эт* «час» в сочетании с указательным местоимением: *гьеге се1этиъ акьас* «в этот час сделать». От данного слова образуется наречие *се1этти*, которое имеет несколько значений: *се1этти уджуна адахъасе гунивар* «моментально испечет хлеб»; *се1этти гьавес шиниккварихъди* «заглянуть к детям» (*букв*. «на недолго пойти»); семантику одновременности, мгновенности совершения действия передает также сравнительная частица *суман* (базовая семантика данной частицы): *тилифан аде суман, гъагьархьуна ушуне дад* «как только позвонили, отец вскочил и ушел».

Для выражения эмоционально-экспрессивного отношения к быстротечности времени используется также лексема *ягъ* «день»: *са ягъра дахьеф суман алттве 1уьмур* «быстротечность жизни человека» (*букв.* «как будто и один день не прошел, прошла жизнь»). В причитаниях и плачах очень часто покойника называют гостем одного дня, подчеркивая быстротечность, бренность жизни: *са ягъан г1алашуй* «гость одного дня».

В случаях эмоционально-образного употребления слов *се1эт* «час» и *ягъ* «день» мы имеем дело не столько с физическим временем, сколько с его коннотацией и интерпретацией.

Одни и те же стержневые глаголы в словосочетаниях, обозначающих временные отношения, могут присоединять к себе разные аффиксы и послелоги, конкретизируя время до или после ориентира: *угъалар хъучадестти, гьаттивуна ккандe 1уьк1ер* «до дождей надо убрать сено»; *угъалар хъучадехаб ккегъдадивуна илгу 1уьк1ер ут1асе* «после того, как придут дожди, неубранное сено сгниет».

Временной отрезок «после ориентира» обозначается также, когда в качестве зависимого компонента выступает пространственное наречие/послелог с кратной частицей: *Кьабахъгелай командировкайиди ушугуна, магьмидегьен сачак хъая ухьтан ягълукъ файдине зас ми* «После этого раза, когда он в командировку поехал, он привез мне платок с большими кистями»; *кьабахъгелай ушугуна* «на следующий раз когда пошли»: зависимый компонент словосочетания выражен пространственным наречием *кьабахъ* «позади, после» с частицей кратного значения *–гелай* «раз». *Хьибу ягъалас / хьибу ягъ ккеттушухаб, адине ме хаб* «Через три дня/три дня, когда истекло, опять пришел он».

Временные отношения передают также словосочетания с зависимой частью, выраженной числительным в сочетании с существительным в элативе (в значении «времени»): *якьу ягъалас файдине че вец* «через четыре дня привели нашего быка»; эту же семантику можно передать и другой

конструкцией: <u>*якьу ягъ ккеттушухаб*</u> *файдине че вец* (числит. +сущ. с временным значением +глагол с временным формантом).

Существительные с временным значением в элативе для указания предела действия, происходящего после данных событий, могут сочетаться и с наречием места (производным от указательных метоимений) *тич* «туда», *мич* «сюда»: *те ягъанилас мич рякъ ат1уне Кьулбанан* мич «<u>С того дня</u> и до сих пор Курбан <u>перестал ходить</u> сюда».

Отсчет времени действия, продолжающегося с момента его начала до какого-то момента, могут выражать также и такие словосочетания, в состав которых в качестве зависимой части входят конструкции, образованные по типу «указательное местоимение +слова, обозначающие те или иные отрезки времени»: *гьете ягъанилас мич даес* «с того дня не прийти», где *гьете* «указательное местоимение», *ягъанилас* «форма исходного падежа от локатива Super»

Анализ приведенных выше примеров позволяет заключить, что временные отношения выражаются как в двухкомпонентных, так и в трехкомпонентных словосочетаниях, в которых в зависимой позиции употребляются конструкции, образованные сочетанием слов разных частей речи.

Достаточно широко представлены в агульском языке темпоральные фразеологические единицы: *ул алийина дархъагунас* «сделать что-либо очень быстро, до какого-то момента» (*букв*. «пока глаз закрою и открою»); *ул улик ких1агунас* «моментально» (*букв*. «глаз глаза пока коснется»), *мурсар угъуна, гъавар 1аршагуна* (*букв*. «когда плесень прольется и намочит камни») «никогда» ~ «когда рак на горе свистнет»; *Адамас Х1ява гъарегуна* «очень давно» *(букв*. «когда Хава за Адама выходила замуж»); *ягъ алгъат1угуна* «когда наступит смертный час» (*букв*. «когда завершится день»; *1уьрус ккекеландегьен 1уьмур хьуна адаъ* «мал еще» (*букв*. «не прожил даже столько, сколько русский петух»); *Ник1алай заманайин вахтт* «давние времена»

(*букв*. «во времена Николая [русского царя]»), *вахтт вахттуниъай* «вовремя» (*букв*. «время во времени») и др.

3.2.2.4. *Словосочетания, обозначающие процесс как происходящий в какой-то определенный промежуток времени*

Такое время мыслится как происходящее в присутствии наблюдателя: *Ц1ехьибудпе октябрьдиъ ме исан хъучуч1уне че университетин юбилейдин хаягъар* «В этом году 13 октября начались праздничные юбилейные дни нашего университета»; *Ме иса Типигьарин махьтаб ремонт акьас хъучучIуне садпе августиъ* «В этом году Тпигскую школу начали ремонтировать в августе» (ВА 2011:31). *Ме ягъари Дагъустандиди адинауйи РФ-йин транспортин министир Игорь Левитин* «В эти дни в Дагестан приехал министр транспорта РФ Игорь Левитин» (ВА 2011:31).

В качестве локализатора конкретного промежутка времени в составе глагольных словосочетаний может выступать лексема *вахтт* «время» и производное от него наречие *вахттуни: Iэлеттарихъас руцая вахттуни, хабар хьуне гъуруриc* «В тот момент, когда искали продукты, собаки почувствовали нас».

Действия, происходящие в данный момент, в течение (внутри) конкретного времени, обозначаются и при помощи послелога *арайиъ* «между» [двумя границами, внутри каких-то пределов], *г1анаъ «внутри»: Ттиъдегьен Iайи къурах хьуна хье Российиъ, ягIайдава ме 40 ахиран исан арайиъ суман* «За последние 40 лет Россия такой засухи не знала» (ВА, 2011:3). *Ме вазалан г1анаъ хьибугелай г1аттархьуная шиниккваp шагьурдиъас* «В течение этого месяца/ за этот месяц три раза приезжали дети из города». Довольно продуктивно в составе таких словосочетаний используются существительные со значением времени *месяц, год, час, день,* а также числительные.

Наряду с локативным падежом (инэссив) в составе словосочетаний с временным значением функционирует также и датив: *Багамис к1илди ч1акьалан варттал багв алтухуна уйи гитани* «К утру оказалось, что весь верхний слой (молока) кошка слизнула» (структурный тип: «имя существительное в дативе + глагол»).

Наиболее продуктивными в количественном отношении являются глагольные двухкомпонентные словосочетания с временными отношениями модели «**наречие + глагол»:** *1урдана аязари нец1вар мерккари фарцанде* «Зимой, в сильные морозы, реки бывают скованы льдом»; *1уьшуй рякъер хъик1ас* «ночью дороги перекрывать»; *ягъди хулаъас аттдуч1ас* «весь день из дома не выходить»; *цулихъди ц1ак1инар акьас* «к осени сыграть свадьбу»; *ттиъ хал ккирк1вас* «в этом году дом завершить».

3.2.2.5. Глагольные словосочетания, выражающие начало действия

Соответственно обозначенной семантике здесь употребляется в качестве стержневого компонента инфинитив *хъучуч1ас* «начать», обозначающий начало действия: *лик1енас хъучуч1ас* «начать писать»; *ахъакьас хъучуч1ас* «рассказывать начать»; значение начала действия передают и устойчивые словосочетания *рякъуъ уч1ас* «собраться в дорогу» (букв. «в дорогу влезть»); *Хъиланди хъучучIуная гъурур* «собаки начали лаять»; *хулар акьас к1ил ккиянас* «начать дома строить» (*букв*. «голову подложить дома строить»); *Чвас ккане-дакканф фийе пуна хабар гъушугуна, мебири пуни, ке удигьай рекъер, хуппай джуьре курара* «Когда спросили их о наказах, они в первую очередь назвали дороги, потом остальные дела» (ВА 2004:5).

3.2.2.6. Глагольные словосочетания, выражающие неопределенное время

Данная семантика может быть реализована указанием на неопределенность во времени совершения действия как до ориентира, так и после ориентира. В словосочетаниях с такой семантикой активно употребляются наречия, существительные. О связи локализованности временного интервала с категорией вида глагола в лезгинском языке отмечает и К.Р.Керимов: «С признаком локализованности действия во времени сочетаются обе формы вида глагола лезгинского языка. Локализованность выражется обстоятельствами типа *садра* «однажды, как-то раз», *накь* «вчера», *са юкъуз* «в один день, однажды» [Керимов 2002:175].

В составе отмеченной группы слововосочетаний зависимыми компонентами со значением неопределенного времени выступают наречия: *яг1а-багагь* «в ближайшее время» (букв. «сегодня-завтра»), *мус-чи* «когда-то», *авала* «раньше» и т.д.; существительные, устойчивые сочетания данной семантики: *вахтт* «время», *са ягъарикес са ягъа* «в один из дней, однажды» и т.д.: *Ппара шинуькквар хъаттарис* ***те вахттари*** кумак *акьуф хIисабилди гьавайи 1элефра, алик1афра* ***иц1анди,*** *хуравусариди* ***гьикайи*** «Многодетным семьям в те времена в виде оказания помощи бесплатно давали продукты, одежду, отправляли на учебу»; *мусхьунара вес* «когда-нибудь сходить»; *мусчи агугуна* «когда-то когда видел»; ***са ягъарикес са ягъа****, экьуна хьуная мебур кIегIлайихъ* «однажды сидели за крепостью» (букв. «из дней в один день»).. *Фи ичин ягIав,* - *пуная ми Кьулбанас,* - ***ягIа-багагь*** *дуьийл* ***ахирзаман гъутIанасе*** *агъа* «Знаешь что,– сказал он Курбану, – говоря, что скоро (букв. «сегодня-завтра») будет конец света» (из сказки); *ягъар-манзилар ккеттушухаб* «через неопределенное время» (*букв.* «дни-пространства когда пройдут»).

Наречия-композиты в составе глагольного словосочетания реализуют также значение «вовремя»: *вахтт-вахттуниъай курар акьас* «делать дела вовремя [как условлено, положено]»; *вахтт-вахттуниъай адес* «вовремя

прийти»; *ден-беден бадил хьас* «моментально [как только позвали/сказали] появиться».

В агульском языке существуют обозначения отрезков времени, связанных с укладом жизни, бытом, географическими и погодными условиями среды обитания. Лингвисты и этнографы выделяют также слова и словосочетания, обозначающие временные отрезки, связанные с хозяйственной деятельностью. Такой материал может стать предметом специальных лингвокультурологических исследований.

3.2.2.7. Словосочетания со значением повторяемости, цикличности, длительности действия

Словосочетания отмеченной семантики образуются в основном по модели «редуплицированные слова со значением времени/ пространства + глагол»: *ара-ара аркьай вес* «время от времени идти» (*букв.* «промежуток-промежуток делая, идти»); *ягъ-ягъ г1артай адес* «регулярно [через день] приходить» (*букв.* «день-день делая, приходить»); *ягъ ягъахъ хъит1анас* «затягивать» (*букв.* «день ко дню привязывать»); *х1ял-х1ял аркьай иттар хьас* «периодически болеть»; *х1ял-х1ял аркьай аларцвас* «время от времени навещать»; *са-сагелай г1аттархьас* «иногда появляться»; ***МехIелдисра*** *гьервусариъас* ***гIаттивай аме*** *арчIувусаригIас инсанар* «До сих пор в разных местах развалин находят еще живых людей»; *Зунра* ***гьемишанди*** *агъуларин газитар, меIнивур, статьявур* ***хурафи,*** *аммаки зас миштти хъудуьхьуьна тIегIем кее гафар ликIес вереттар чIукь дала агуна адава* «Я постоянно читаю агульские газеты, статьи, песни, но я мало видел людей, которые могут так складно, с глубоким смыслом писать» (ВА); *1уьштти хъатдарт1ай угъас* «ночь напролет идти (о дожде, снеге)»; *1уьшар-ягъар хьас ахъут1уна* «дни-ночи проводить в ожидании»; *исар-исукьубарикк* адес «очень редко приходить» (букв. «годы-через годы» приходить») и др.

Материал анализа свидетельствует о том, что наиболее продуктивно в таких деепричастных словосочетаниях функционируют глаголы движения.

3.3. Глагольные словосочетания с причинными отношениями

В формировании причинных смысловых отношений в основном участвует зависимая часть, выраженная существительным, масдаром в исходном падеже, аффиксами, причинными союзами, союзными словами (*-х1яла, -идегуна,- гьелегуна*) в сочетании с эргативным падежом.

3.3.1. Причинные отношения, выраженные сериями исходного падежа существительного

Зависимая часть в словосочетаниях с причинными отношениями выражает причину действия, при этом используется:

а) исходный падеж на ***-ъ-ас***: *нечени**ъас** аттдаес* «от стеснения не выйти», *дардуни**ъас** 1эшес* «с горя заплакать», *шадвелди**ъас** гъайшай алирх1ас* «прыгать от радости», *х1уьлмати**ъас** кидирх1ас* «из-за уважения не трогали», *гуч1 хьевуса**ъас** гьараяр акьас* «от испуга закричать», например: ***Хъелаъас***, *аттархьурхьуна*, ***ушуне*** *ге сувахъди*. «Из-за злости выскочил он и ушел в горы». *Шиникварикк* ***аккерхьебаъас,*** *айч1уна* ***ушуне*** *ге х1уриъас*.«Из-за детей (из-за их поведения) пришлось ему уехать из села. ***Гу1ч1 хьебаъас*** *1уьрдукесра кех1яй хабархьундава зас* «От испуга даже боли я не почувствовала». *Ч1иревелдиъас, гьинасра фера даес, сайисра унахъундава гебири кумакис* «Из-за жадности, чтобы не поделиться ни с кем, они никого не позвали в помощь». *Нечаниъас аттиндава руш г1алашувар аевусади* «Стесняясь, девушка не вышла к гостям». *Дагин дахьичин, руджуран хатириъас агъай, ч1ал дагай атуне Салих1 кардил* «На работе Салиха не трогали (из-за уважения) из-за родственников (букв. «Если не из-за самого

ишака, то хотя бы из-за его хвоста, ничего не говоря, оставили на работе Салиха»). В данном предложении причинное значение реализовано в ФЕ (*дагин дахьичин, руджуран хатириъас дех1яра*) .

Наряду с приведенной формой зависимой части (инэлатив) глагольного словосочетания в данной функции встречаются деепричастия: *нечар аркьай аттиндава* «стесняясь, не вышла». Во всех отмеченных случаях форма исходного падежа существительного выражает причину, которая побуждает лицо совершить то или иное действие (или препятствует совершению действия);

б) исходный падеж на ***-хъ-ас*:** *угъаларихъас илгвас* «из-за дождей остаться», *хабарарихъас адес* «из-за разговоров прийти», *кьана акьубарихъас адикас* «из-за опозданий выгнать». ***Ахъартаттарихъа**с ц1ак1инар **хаб дивас алчархьуне** гебирис* «Из-за приданого пришлось им свадьбу отложить». ***Кардихъас аттархьефе** зун шагьурдиди* «Из-за работы приехал [очутился] я в городе». ***Выборарихъас** хуриди **вес алчархьуне** гис* «Из-за выборов пришлось ему поехать в село. *Г1аран **ккварахъас г1ахъуне** къуншибур* «Из-за межи на участке соседи поссорились»;

в) исходный падеж на ***-гь-ас*** «удаление от ориентира, находящегося перед чем-либо»:

Гьургъубаригьас** нач вейчира даг1ай, чахъди **аттархьуна уйи** ге*. «Из-за скандалов, не зная куда деться, он пришел к нам». ***Гъварагьас** гуч1ай, **ачавес хьундава** чафас г1анади* «Из-за собаки (из-за страха перед собакой), мы не смогли попасть во двор». ***Биц1иттаригьас** начра вес **мункинвел адава** гис* «Из-за маленьких [детей] никуда пойти возможности у нее нет. ***Кучвеларигьас** начра ягъуй **айч1вас вейдава «Из-за жары днем выйти невозможно никуда»;

г) исходный падеж на ***–в-/ф-ас*** «удаление от ориентира, находящегося рядом, на боковой поверхности»:

Зависимая часть в глагольных словосочетаниях отмеченной семантики обозначает причину, из-за которой лицо лишается чего-либо: *сани1этивас хьуне* «лишиться инструментов»; *ухубавас ч1ирхьуне* «из-за выпивки испортился»; причинное значение передает зависимый компонент – масдар в исходном падеже. Словосочетания с масдаром в причинном значении употребляются в агульском языке редко, более продуктивны глагольные словосочетания;

д) местный падеж **sub** «нахождение предмета под ориентиром, снизу»:

гъамарикк ц1урас «от горя сохнуть», *агьукк пуч хьас* «от проклятий сгинуть». ***Дардуникк ц1уруна ушуне*** *баб.* «Из-за горя высохла мама». ***Къвах1анарикк аккерхьуна,*** *айч1уна* ***ушуне*** *чу лиханас* «Из-за постоянных упреков брат уехал на заработки». Данная модель выражения причинных отношений представлена небольшим кругом лексем, функционирующих в качестве зависимого компонента и указывающих на причину, приведшую к отрицательному результату;

е) местный падеж покоя на **–ъ** «внутри»: *1эшаттарин* ***гъылиъ г1еджиз хьас*** «оказаться в безвыходном положении из-за маленьких детей». Данная единица является устойчивой. ***Гаш йик1ураъ ай,*** *герекфра-давафра, гъушуна,* ***ахъуне*** *зун сумкайиъ* «Из-за голода (*букв*. «голод в сердце, т.е. на уме»), все, что нужно и не нужно, накидала я в сумку». ***Кьасттуниъ уч1уна*** *са исан арайиъ хулар* ***акьуне*** *1удар чуппари* «Из-за намерения (данного себе слова) оба брата за год построили дома».

3.3.2. *Выражение причинных отношений деепричастиями*

Причинные отношения в агульском языке могут быть выражены словосочетаниями с зависимыми деепричастиями и деепричастными конструкциями. Об этом свидетельствуют приведенные ниже примеры:

Вардиш давай, *дахи* ***шалва ве*** *шиникквар тренировкабуриъ* «С непривычки (*букв*. «привычки не имея»), дети на тренировках быстро

устают». *Биц1иф* ***багьана акьуна, адиндава*** *гебур ц1ак1инариккди* «Сославшись на ребенка, они не пришли на свадьбу». В данном примере, в деепричастном обороте, содержится само слово *багьана* «причина», которое «провоцирует» и поддерживает выражение причинных отношений. *Кеттивас хъучадархьуна, калтуфар ругъуне* «Из-за того, что не успели выкопать (*букв.* «выкопать не успев»), картошка замерзла». *Гъурур хъучархьай* ***фиркьайчира дагIай, акьуная*** *хIуча сулас* ***гьарай*****:** «Видя (букв. «не зная, что делать, оттого что собаки догоняли), что собаки догоняют его, волк стал кричать лисе».

Кроме отмеченных случаев, в составе деепричастных словосочетаний встречаются редко употребляемые формы слов в причинном значении: *1Уьрду* ***ккихас девей,*** *1уьшуй ушуне ге больницайиди* «Из-за того, что невозможно было терпеть боль, ночью пошел он в больницу». Широкие возможности для реализации значения причины представляют субстантивы, производные от качественных прилагательных: *залумвелди дапас* «из-за жестокости не сказать», *г1еджизвелди агъдарукьас* «из-за бедности не смочь», *дакканвелди варха акьас* «из-за неприязненности отдалить», *кьискьсвелди ут1ас* «из-за скупости пропасть».

3.3.3 *Выражение причинных отношений глагольными формами с суффиксами причинной семантики*

Причинные отношения в агульском языке выражают суффиксы *х1ела(н); (и)чира*. В керенском диалекте, а также в некоторых других говорах встречается употребление суффикса -*хела* с временным значением. Суффикс –*чира* может реализовать как причинные, так и уступительные значения. Причинное значение данный суффикс реализует в составе деепричастий (подобные примеры приводились выше).

Дарсариди ***хъучадархьах1яла****, сасра махьтабиди* ***аттивуне*** *чин руше* «Из-за того, что не успевала на занятия, мы девочку перевели в другую школу». *Гьарайярин унар* ***унихьух1ела, аттушуне*** *зун* «Так как услышал шум и крики, я вышел». *Къадарсуз 1елех1ела, х1ефттайи 1угелай фунин 1уьрдун г1езабикк ккей хьуная ме* «Оттого, что чрезмерно ел, два раза в неделю мучился он животом» (А.Пушкин.). *Джаллабирин ул ай хьуная Троекурованна мин касиб къуншин арайиъ ае нуьх1уьбатвел аргвай* «Все завидовали, глядя на теплые отношения, которые сложились между Троекуровым и его бедным соседом» (А. Пушкин) (Пер. наш– С.Г.).

Относительно морфологического статуса этих форм с указанными суффиксами в литературе нет единого мнения. А.А. Магометов такие формы глаголов называют обстоятельственными формами, употребляющимися в различного рода придаточных предложениях [Магометов 1970:151-155], такого же мнения придерживается и С.Р. Мерданова [2004:142]. З.К. Тарланов высказывается против квалификации их (временных, причинных суффиксов) как обстоятельственных форм. «Важнейший признак их – это способность создать синтаксическую перспективу. Выступая преимущественно в сложном предложении, они составляют ядро синтаксического единства, принимающего на себя функции придаточного предложения с обстоятельственным значением. Исходя из этого, суффиксы рассматриваемой группы можно было бы квалифицировать как синтаксические суффиксы глагола» [Тарланов 1994:180].

3.3.4. Словосочетания, выражающие причинные значения наречиями

Наречия причины представлены в агульском языке небольшим количеством. Это такие наречия, как: *гашила* «из-за голода/в состоянии голода», *мек1ила* «из-за холода/испытывая холод», *г1ешкъуни*

«добровольно», *х1изди* «из-за жадности», *кьасустти* «специально, нарочно», *хъуьлаъастти* «назло»: *х1изди даес* «из жадности не дать»: *кьасустти фадатас* «специально не отпустить», *гашила адаркас* «из-за голода бродить (в поисках пищи)», *хъулаъастти хурас вес* «назло пойти учиться», *мек1ила аттархьас* «из-за холода очутиться».

Гашилана мик1ила, тисаъ ачатай, мисаъ ачатай, аттархьуная сукъур х1ейван х1урин майдандилди «Из-за холода и голода, стукаясь туда-сюда, очутилась слепая лошадь на деревенской площади». Словосочетания с наречиями причины могут быть трансформированы в словосочетания с зависимым именем в исходном падеже: *хъулаастти дакьас* «назло не сделать»/ *хъуьлаъас дахъас* «из-за злости не сделать».

3.3.5. Словосочетания с зависимым причастием причинной семантики

Значение причины могут передавать и причастия, входящие в состав глагольного словосочетания: *1уьштти ахун адиндава, гьеме хабарар унихьуф* «Из-за этих известий, всю не мог заснуть». *Инсанар к1ураникк ккими агуф, хаб алттушуная х1уьлилди ли1* «Увидев (*букв.* «увидевший»), что люди еще оставались под деревом, орел опять полетел к морю». *Учин лук1ура мишттин джуваб йина унихьуф, Кирилла Петрович са х1ар-х1арар акьуна элхъуьне* (А.Пушкин). «Услышав (*букв.* услышавший) такой ответ своего слуги, Кирилла Петрович расхохотался». *Рякъ йирх1уна адеф, бизар хьуна фаттархьуне дад* «Устав в дороге, отец сразу лег отдохнуть» (*букв.* «Дорогу пройдя, пришедший отец от усталости свалился»).

Наиболее продуктивными в словосочетаниях со значениями причины оказались словосочетания с зависимой частью в локативных падежах. Значение причины в словосочетаниях отмеченной семантики сопровождается различными стилистическими и коннотативными оттенками.

3.4. Словосочетания, выражающие целевые отношения

Целевые отношения на материале дагестанских языков, в основном, рассматривались на уровне придаточных предложений [Гаджиев 1963; Абдулаев 1971; Ханмагомедов 1970; Самедов 1995; Шейхов 2004, Мерданова 2004]; целевые значения некоторых падежей выделяет У.А Мейланова [1960]. Способы выражения причинно-целевых отношений в лезгинском языке в сопоставлении с английским рассматриваются и в диссертационном исследовании И.А. Султановой [2007], которая отмечает дискуссионный характер данной проблемы в лезгинских языках в силу того, что «отчасти в силу неоднозначности лезгинских эквивалентов русского инфинитива, где, как известно, имеются две отглагольные формы – целевая форма (нередко именно эта форма квалифицируется в качестве инфинитива) и масдар, находящиеся в достаточно сложных семантических и функциональных отношениях между собой» [Султанова 2007:7].

Нами выявлены следующие способы выражения целевых отношений в агульском языке:

1) целевые отношения [в агульском языке] могут быть выражены инфинитивом: *ути йирх1ас вес* «погладить пойти», *хьед гъас вес* «за водой пойти» (*букв.* воду принести пойти»), *хурас уч1ас* «учиться поступить», *кегъикас гьикас* «разбудить отправить», *хабар акьас гьуккас* «сообщить побежать», *алчикас пас* «чтобы натравить сказать», *хьучарукьас акьас* «достичь дать», *дуьхьес гьикас* «помирить отправить», *алцанас гьикас* «замерить отправить», *гъавурдиъ ихьас алуч1ас* «объяснить попытаться», *тилифан акьас гъайшас* «позвонить встать», *уцас пуна вес* «косить пойти», *рукъас пуна гьайхьас* «для сушки повесить», *киркьурай пуна фатас* «кинуть, чтобы попасть», *х1язур хьас пуна вес* «уйти, чтобы приготовиться». Продуктивно функционируют в словосочетаниях отмеченной группы глаголы движения. Рассмотрим примеры фразовых употреблений:

Г1урчади вес завал хьуне джалла къуншибур «Все соседи собрались, чтобы пойти на охоту». *Унихьуне къазалан чаркkварис ге унар, ккейч1вас кканхьуне пе1елаккес* «Услышали гусята эти звуки и захотели вылезть из-под курицы» (М. Пришвин). *Дирк1ай-дирк1ай, кьурт1 атай, чаркkварис меляхъвар 1уьт1анас шаб агъая пе1эла.* «Курица квохтала, копалась в земле, звала цыплят полакомиться червями»;

2) именами существительными в форме датива: *ч1ек1ерис// -хъди вес* «на рыбалку пойти» (*букв.* «форели/за форелью пойти»), *1уьк1ерис вес* «за травой пойти», *г1ешкъунис хурас* «с желанием учиться», *бат1арвелдис алахъас* «ради красоты надеть», *дарманис ухас* «выпить ради лечения (в качестве лечения)»; *абкьанинттарис адес* «на обед прийти»; *бармакарис руккас* «для папах резать» ; *гванас ух1ас* «на зиму беречь».

Ср. также фразовые примеры: *Мугурарин к1аре ккел/Бармакарис марукка* «Черного ягненка из Мугура не режьте для папах» (из аг. песни) «*Дахъуна учин хилар, пе1эла кичадивайи чаркkвар, бабан ибг1авел ес гебирис* «Раскрыв свои крылья, мать подбирала под себя цыплят, чтобы согреть их своим теплом» (М. Пришвин). *Къуншибур гьемишанди х1езурди ахьуная фи гин къудурвелдис ккан хьичин, гьате акьас, мин ттур гъарсугъилди зурзай гъатай хьуная валаятин чиновникар* «Соседи всегда были готовы исполнить все его прихоти, все чиновники округа тряслись при упоминании его имени» (А. Пушкин);

3) деепричастием *пуна*.

В отмеченной группе словосочетаний глагол может функционировать с препозитивным деепричастием *пуна* «в этих целях» (*букв.* «сказав»). Стержневым компонентом в таких словосочетаниях выступают глаголы различной семантики: движения, физического воздействия и др.: *дарсарис х1язур хьас пуна вес* «идти, чтобы к урокам приготовиться», *иджвелис пуна агъихьуф* «для доброты высказать»; *ц1ак1инарис атас пуна хъаттивас* «для свадьбы отложить». Ср. также фразовые примеры употребления

словосочетаний с целевыми отношениями: *Дарсунис* <u>*х1язур хьас пуна*</u>*,* <u>*ушуфи*</u> *ге библиотекайиди* «Он <u>пошел</u> в библиотеку, <u>чтобы подготовиться</u> к урокам»; *Иджвелис агъихьу ч1ал, 1айвелдис фацуне* «Высказанные с добрыми намерениями слова восприняли негативно»;

4) каузативными формами глагола.

Регулярным способом образования каузатива в агульском языке является конструкция с глаголом *акьас*, помимо этого, у некоторых глаголов имеются регулярные каузативные производные со значением прямой каузации [Мерданова 2004:169]. В составе словосочетаний с целевыми отношениями в качестве стержневого компонента употребляется также глагол *хъучикас* «понудить, заставить». Объект при каузативе в агульском языке ставится в им. падеже, субъект – в эргативе.

Лиханас хъучикас «работать заставить», *гъархьас акьас* «спать уложить», *унихьас акьас* «сделать так, чтобы услышали», *1эшар акьас* «заставить заплакать», *к1ак1ар акьас* «заставить дрожать»; *Вахтт ккими* <u>*унихьас акьуна уйи*</u> *гебири* (эрг.п.), *чаб веяя пуна* «Заранее <u>дали знать</u>, что они собираются прийти». *Гъил-гъилари ахъихьуна,* <u>*хъучархьуна хаб алдаркас акьас пуна гьикуне*</u> Троекурова (эрг.п.) «В тот же час <u>отправил</u> Троекуров <u>догнать и вернуть</u> его» (А. Пушкин);

5) значение цели на уровне словосочетаний передают также глагольные словосочетания с компонентом *чуг/чугас/чук1ас, чук1*: *диквап* <u>*дахъуна ая чугас вес*</u> «<u>сходить,</u> <u>чтобы посмотреть</u> , открыт ли магазин» (*букв*. «магазин открыт есть узнать пойти»); *шиниккведи дарсар лик1ина ая* <u>*чугас хъуттурфанас*</u> «<u>посмотреть,</u> <u>чтобы проверить</u>, сделал уроки ребенок или нет» (*букв*. «ребенок уроки написав есть посмотреть»).

В некоторых диалектах агульского языка наблюдается тенденция к грамматикализации единицы *чугас* → *чук,1* в силу чего ее называют «формантом», «проверятельной формой», при этом отмечается затемненность ее семантики. «Довольна близка к конечному пункту

грамматикализации языковая единица -*чук1*, выявление этимологии которой на данном этапе представляется затруднительным» [Мерданова 2004:150].

Материал собственно-агульского диалекта проливает свет на этимологию этого слова, ввиду сохранения мотивированности через глагол *агвас* «увидеть»: форма с -*чук1* (в собственно-агульском – *чуг*) образовалась из аналитической условной конструкции *айчуг< ай/ая* «есть» + *чи* «ли» +*агв:* «посмотри», где *ай/ая* «есть/находясь» – вспомогательный глагол настоящего времени, *чи* – условная частица «ли», *агв* – императив «посмотри» от глагола *агвас* «видеть»;

6) целевое значение эксплицитно передает также послелог *бадала* «ради»: *иттаф бадала адес* «ради больного приехать», *1уссеттар бадала экьвас* «ради стариков остаться», *са ч1ал бадала рякъ йирх1ас* «ради одного слова пуститься в дорогу». *Шиниккв бадала учин 1уьмур пуч акьас* «Из-за/ради ребенка свою жизнь испортить». *Кар бадала дад ушуне х1аттарилди* «Ради работы отец пошел к начальству».

Как правило, зависимый компонент в таких словосочетаниях – имя существительное, которое употребляется в форме именительного падежа. Словосочетания с послелогом *бадала* имеют функциональную ограниченность: они употребляются в официально-деловом или художественном стиле.

Материал диссертации свидетельствует о том, что основным способом выражения целевых отношений в агульском языке является инфинитив. Словосочетания с инфинитивом в отмеченном значении употребляются во всех стилях. Кроме инфинитива, в этом значении функционирует и форма дательного падежа имени существительного, а также некоторых субстантивировавшихся имен, каузатив, деепричастие.

3.5. Глагольные словосочетания со значениями образа действия, количества, меры, степени

Наречия меры и степени в агульском языке представлены немногочисленной группой. Исследователи относят к ним непроизводные и производные слова, обозначающие меру проявления действия-состояния, его количественную характеристику [Тарланов 1994:186].

Значение образа действия передают словосочетания, построенные по следующим моделям:

а) «деепричастие + глагол»:

ул муч1 акьуна вес «незаметно пойти», *т1ап1 акьуна алирх1ас* «шлепнуть со звуком» *(т1ап1 –*звукоподражательное слово при шлепаньи) и т.д.

Хьед даджикIиф, зарт1 акьуна алархIуна а ме джилил, хьунаа микес шагьмар «Не найдя воды, резко ударилась она об землю и превратилась в змею»; *Муч1-к1ар ат1уна, адине т1урфан* «Все вокруг почернело, приближался смерч» (*букв.* «темень-черноту прорезав, пришел смерч»); *ул муч1 акьуна вес* «уйти незаметно, сделав вид, что ничего не видел» (*ул муч1 акьас* – фразеологизм, означающий «быстро, незаметно сделать что-либо»; *ужуб-дуджуб акьуна аттивас гуни хьураъас* «быстро вытащить хлеб из печи» (*букв.* «испекся-не испекся сделав вытащить хлеб из печи»); *къвал-багв варттал акьуна экьвас* «бездельничать» (*букв.* «бок-сторона наверх сделав оставаться»); *джандилас гъил гъушуна лиханас* «делать что-либо на свой страх и риск» (*букв.* «с тела/души руку взяв работать»); *муулис кьац1 атай илгванас* «сожалеть о чем-либо» (*букв.* «губу кусая оставаться»); *ул хъучадархьай кьвадилкьванар рухас* «Так быстро ткать ковер, что глаз не успевает за руками» (*ул хъудархьай* – фразеологизм) и т.д.

Данную группу словосочетаний образуют в основном фразеологические единицы, соотносимые с наречием, в составе которых имеется опорное слово – деепричастие;

б) «наречие + глагол»: *тег1ди гьуккас* «быстро бежать», *къикъи т1ушас* «тяжело двигаться», *г1езабилди къазамиш акьас* «с трудом зарабатывать», *бат1арди гъургъас* «красиво/хорошо говорить», *къудурди аруцас* «развязно вести себя». Семантика данных наречий содержит качественный или оценочный признак. Ср. также фразовые примеры:

Са яваштти, хьебайилас алттвей хьуная ли1, къармахариг1 фацуна са х1а балугъра «Орел летел медленно, низко, держа в когтях рыбу»; *Шадтти, гьуккай аттархьуне руш раккахъди* «Радостно подбежала девочка к дверям»; *Ярхари файшу муг1уйин ериндu, ухьтанди ц1ае муг1 аркьая усттабири* «На месте разрушенного селевыми потоками моста мастера красиво/качественно строят новый мост». *Гьаме 47 исан арайиъ са замечани хьефттава мис кардилас, учи аркьа кар гьаминшара мехIкамди аркьафе* «За эти 47 лет ни одного замечания по работе она не получала, свою работу она всегда делала от души» (ВА 2010). *Авала сувахъди хьилаба дала вейдавуйи, гьал машинар алгъаве* «Раньше в горы (на сенокос) только пешком ходили, теперь и машины ездят». *Рях1ятти г1ачархьеф, гьавайи г1ачаверефе* «Легко, что досталось, впустую тратится». *Шувас агуная хьиран улар фиштти рекIви ичин, шагьмардин суман, фиштти гьалакди аруцай ичин ге хуляриъ* «Муж увидел, что у жены глаза блестели, как у змеи, и с какой скоростью она носилась по комнатам» (из сказки). Семантика образа действия, выраженная наречиями, усиливается использованием частиц, местоимений *мидегьен* «столько», *фиштти* «как», *са(д) «только/один»;*

В агульском языке выявлены также некоторые случаи функционирования направительного падежа в значении образа действия, такие словосочетания образуются, в основном, с глаголами речи. Такое же явление имеет место, например, и в лезгинском языке [Мейланова 1960:95].

Словосочетания, образованные по отмеченной выше модели, в силу стилистических ограничений, чаще встречаются в речи носителей старшего поколения: *гьавайилас* (суперэлатив*) гъургъас* «громко разговаривать» (*букв.*

«с высоты сказать»), *мезуралди пас* «спокойно, ласково сказать» (*букв*. «языком сказать»), *имунилди т1ушас* «спокойно ходить», *абурдалди адес инсанарин удигьди* «в приличном виде (*букв*. «появляться на людях»); *эх1ттиятдалди уч1ас къуйдиъ* «с осторожностью лезть в погреб».

Некоторые словосочетания данного типа легко трансформируются в модель «существительное+деепричастие+глагол»: *эх1ттият фай уч1ас* «осторожно лезть» (*букв*. «осторожность имея лезть»); *абур алди адес* «в приличном виде прийти» (*букв*. «вид имея, прийти»); *саламатилди вес* «спокойно ехать» → *саламат хъай вес* «спокойно ехать» (*букв*. «спокойствие имея идти»; *загьматилди лиханас* → *загьмат алийина лиханас* «тяжким трудом заработать» (*букв*. «труд положив, работать»).

В приведенную выше тематическую группу глагольных словосочетаний в качестве зависимого компонента входят качественные наречия, числительные. Качественные наречия в агульском языке образуются в основном от прилагательных. Способы образования могут быть различными. Наиболее продуктивным является суффиксальный способ. Наречия образа действия, меры и степени чаще образуются при помощи суффиксов *-ди/-тти*; *-и*: *ц1*: *ц1уьппи* ← *ц1уьппеф* «крепко –крепкий», *къикъи* ← *къикъеф* «тяжело –тяжелый»; *бат1арди*←*бат1арф* «красиво –красивый» и т.д.:

Ц1уьппи алгъузанас «строго следить», *1айи дивас* «сильно тянуть», *мертти 1уьччанас* «чисто постирать», *т1уьлли алиянас* «плоско расположить», *к1илли алдаркас* «тонко намазать», *биц1и кьац1 ик1ас* «легонько куснуть», *1уьрк1и рук1ас* «глубоко копать».

ХIа пай дадар-бабарин фикир э, эгера шинуьккарил ***цIуьппи алгъузучин****, гебирикес идже инсанар кеттархьасе пуна, амма* ***Iайи атай, гьемишан алурхIанди хьичин****, миштира* ***Iайи э****, шинуькк* ***мертти*** *хулаъас* ***гьишибракехIей мункине*** «Большинство родителей думают, если детей строго контролировать (*букв*. «крепко стоять над ними»), то из них

получатся хорошие люди, но если будут бить, постоянно сильно ругать, возможно даже, что дети уйдут из дома» (ВА); ***Лап залумди ух1уттаре*** *гебирин шиникквар (*разг.) «Очень сурово воспитывались их дети»; *Са* ***хубджи манзил ушухаб, гьучархьуная*** *мис паччагь* «Когда прошел достаточно много расстояния, встретил он царя»; *Вак зе* ***ппара муш кея*** «Очень большие надежды на тебя возлагаю» (*букв*. «На тебя у меня много надежд есть»).

Достаточно активно используются наречия образа действия, меры и степени в поэтической речи: *Ме даралас те дарал /* ***Илгунди алаттишай/ Их1ттият фай джан ух1ай****/Хат1авуригьас гьишай* «С этого дерева на другое/ Легко прыгая,/ Осторожно, оберегая себя,/ От опасностей спасаешься ты. (Ш. Шерифов).

Хил кейхьу ккекк суман/ ***Г1еджизди руцай маркьа****./ 1урдиъ уч1у джакьв суман/Раттаккайвелар маркьа* «Как петух со сломанным крылом/ С жалким видом (*букв*. «несчастно») не ходи. /Как воробей зимой, / Попрошайничая, не ходи (Г. Малагусейнов).

Характерно также употребление в составе анализируемых словосочетаний наречий меры и степени: *хубджи* «много/ относительно много», *ппара* «много», *ч1укь* «мало», *ац1уна* «много, полно», *са кьадар, са фулан кьадар* «некоторое количество», *багьа/багьайи* «дорого», *уджуз/уджузди* «дешево»: *ппара бизар акьас* «много беспокоить»; *хубджи гагь хьас* «много времени (пройти)» (*букв*. «много времени стать»); *ч1укь ахъатас* «мало полить», *са фулан кьадар шейъэр хъатас* «некоторое количество товара продать»; *ац1уна джафа акьас* «много усилий приложить», *багьайи гъушанас* «дорого купить», *са фулан кьадар атас* «определенное количество оставить».

Наречие *ппара* «много» часто функционирует в значении «очень», маркируя усиление признака или действия. Ср.: *Шинуькккварин дадар-бабар* ***ппара рази э*** *садикдиъ кар аркьаттарил, мисас условибур аркьаттарил*

«Родители детей очень довольны теми, кто работает в садике, теми, кто создает условия для пребывания детей в садике» (ВА 2005). *Руккуна са чаравара,* ***кехъуна ппара кьел батIарди руьхьюна*** *ате* «Порезав одного барашка, хорошенько посолив (*букв*. «много соли положив»), свари хорошо и оставь» (из сказки). ***Хубджи гагь хьуне*** *че* ***гъузуна*** *гьегиштти* «Довольно много времени мы стояли в ожидании». ***Ппара гагь хьундава,*** *хъаттархьуне угъал* «Много времени не прошло, дождь прекратился».

Приведем еще несколько примеров глагольных словосочетаний с наречиями меры и степени: *Зун* ***ппара Iайи касибди ая,*** *зас са* ***чIукь девлет тин,*** **-** *пуная Качала* «Я очень беден (*букв*. «сильно бедно есть»), дай мне немного богатства,– сказал Качал» (*качал* «плешивый») = (из сказки).

При выражении обстоятельственных значений образа действия, меры и степени наибольшую продуктивность проявляют словосочетания с зависимыми наречиями различных семантических групп, значительна также роль существительных в местных падежах, деепричастий. Все это обусловлено тем, что перечисленные морфологические средства выражают обычно обстоятельственные значения.

Глава 4. Фразеологические единицы как компоненты словосочетаний

4.1. Синтаксис фразеологических единиц агульского языка

Взаимодействие языковых единиц в процессе коммуникации всегда привлекало внимание исследователей, с точки зрения функциональных характеристик ФЕ, их коммуникативной роли в общении.

ФЕ, функционируя в речи в составе предложений, естественным образом включаются в семантические и грамматические связи с другими членами предложениями или компонентами словосочетания.

В такие связи фразеологические единицы вступают как целостная единица, т.е. как слово со словом.

Фразеологическая единица может иметь собственное словесное окружение, отличное от слов-компонентов, из которых оно состоит. Слова-компоненты фразеологической единицы не всегда сохраняют живые синтаксические связи, что подчеркивает особый характер этой единицы и отличает её от слова и словосочетания.

Интерес к проблемам функционирования ФЕ в языке и речи проявляют исследователи фразеологии дагестанских языков. На материале фразеологии лезгинского языка эти вопросы поднимает А. Г. Гюльмагомедов: «Исследование фразеологических единиц, как любого другого лингвистического знака, будет далеко не полным, если не выявить особенности их функционирования в языке и речи, т.е. если не анализировать их с точки зрения того, как они служат для выражения мыслей, для общения людей» [Гюльмагомедов 1990: 68].

Проблема сочетаемости ФЕ с другими словами связана с проблемами текста. Активный интерес к тексту в языкознании последних лет позволил, наряду с традиционными единицами синтаксиса словосочетанием, предложением, и сочетания фразеологических единиц со словами, сочетания

самих фразеологических единиц друг с другом. Такие сочетания в литературе характеризуются терминами «фразеосочетание», «фразеословосочетание», «словофразеосочетание».

Проблема соотношения фразеологического и синтаксического ярусов языка поставлена в целом ряде лингвистических работ, выполненных на материале как русского, так и дагестанских языков (Н.А. Андрамонова, В.И. Кодухов, Т.Н. Ляхова, А. А. Хуснитдинов, А. Г. Гюльмагомедов, А.Р. Рамалданов, С.Б. Юзбекова, С.С. Сафонова, П.С. Дронов и т.д.). Описание синтаксических моделей вышеотмеченных фразеологических сочетаний на материале русского языка показало, что ФЕ по-разному могут использовать общие синтаксические модели, свойственные языку: «ФЕ одних лексико-грамматических разрядов используют однотипные со словом соответствующие части речи синтаксические модели, единицы других разрядов – синтаксические модели, свойственные словам разных частей речи» [Хуснутдинов 2001:108]. Различия таких моделей объясняются различием фразеологической единицы и слова как категориально разных единиц.

Наблюдения над функционированием ФЕ в тексте позволяют сделать вывод о том, что ФЕ, соотносимые с теми или иными частями речи, часто используются в тех функциях, в которых реализуются соответствующие части речи [см. об этом Ляхова 1992].

Следовательно, ФЕ такого типа могут замещать в составе словосочетаний позицию той части речи, с которой данные ФЕ соотносятся. В этом случае образуются особого типа словосочетания с компонентами-фразеологизмами. Анализ таких словосочетаний, называемых в литературе по-разному, представляет интерес с точки зрения выявления и описания валентностных возможностей фразеологических единиц.

«Фразеологические единицы так же, как и отдельные слова, вступают в определенные отношения и связи со словами по законам лексической и

грамматической сочетаемости, образуя при этом фразеолексическое сочетание. Это объективно предполагает наличие у слова и ФЕ общих категориальных признаков, а именно: лексического и грамматического значений, лексико-грамматической характеристики, валентности. С другой стороны, фразеолексическое сочетание принципиально отличается от словосочетания в силу особой природы ФЕ, что и предопределяет специфику их лексической и грамматической сочетаемости со словами в строе предложения» [Ермилова 1994: 3].

При синтагматическом анализе фразеологических единиц предметом изучения являются закономерности сочетания слов в ФЕ, при парадигматическом – выделяются устойчивые сочетания слов, так как они функционируют в языке в качестве целостных единиц.

Вопросы функционирования фразеологических единиц в структуре предложения ставятся на материале разных языков. Синтаксические функции субстантивных фразеологических единиц рассматривались на материале лезгинского языка А.Р. Рамалдановым, который отмечает, что «субстантивные фразеологизмы сочетаются в основном с глаголами или с глагольными ФЕ. При этом они выполняют в сочетании функции субъекта, дополнения и обстоятельства» [Рамалданов 1990:80].

Анализируя сочетания фразеологических единиц русского языка *жизнь от аза до ижицы, альфа и омега жизни, не ахти какой вкус, послать ему барашка в бумажке, рекомендовать не бросаться словами* и т.д., А.Г. Гюльмагомедов предлагает их назвать термином «фразеосочетания», с выделением двух разновидностей:

1) единицы, где главным, стержневым компонентом являются фразеологизмы, а зависимым – слова (*альфа и омега жизни);*

2) единицы, где главным стержневым компонентом являются слова, а зависимым фразеологизмы (*не ахти какой вкус, манера брать горлом*). И с этой точки зрения, по мнению А.Г. Гюльмагомедова, логичнее было бы

использовать термины «фразеословосочетания и словофразеословосочетания» [Гюльмагомедов 2004:44]. В силу ряда обстоятельств автор предлагает их назвать фразеосочетаниями.

На материале лезгинского языка такие сочетания описаны в работе С.Б. Юзбековой, которая предлагает их назвать фразесловосочетаниями. В связи с этим она отмечает: «В нашу задачу входило установить основные типы синтаксических единиц, которые образуются в результате сочетания глагольных фразеологизмов со словами различных лексико-семантических разрядов. Мы пользуемся термином фразеословосочетание для обозначения синтаксических единиц, образующихся в результате соединения фразеологической единицы с лексической единицей» [Юзбекова 2008:112].

Такого типа синтагматические отношения рассматривались и на материале русского языка. Анализируя синтагматические отношения во фразеологии, О.И. Авдеева выделяет два типа синтагм: «внутреннюю синтагму, совпадающую с границами фраземы (*верой и правдой* – «честно, преданно») и внешнюю синтагму, совпадающую с границами конфигурации (*служить верой и правдой)* [Авдеева 2010:112].

В литературе, посвященной агульскому языку, подобные попытки анализа соответствующего материала не предпринимались. В нашей диссертационной работе такая проблема ставится впервые, поэтому, не претендуя на окончательное решение данной проблемы, мы все же приняли решение проанализировать эти интересные структуры особого типа словосочетаний с компонентами-фразеологизмами в качестве главного или зависимого компонента. Такой подход позволит расширить представления о синтагматических возможностях фразеологических единиц агульского языка.

Фразеологический материал по своей семантике представляет неоднородный материал, и поэтому ФЕ обладают различными способностями приобретать окружение и входить в коммуникативный акт.

Фразеологические единицы, соотносящиеся с той или иной частью речи (существительным, глаголом, наречием, прилагательным) образуют различные типы словосочетаний.

Наиболее широко представлены во фразеологии агульского языка глагольные фразеологизмы, особой продуктивностью среди которых обладают двухкомпонентные ФЕ. В качестве зависимого компонента в таких ФЕ представлены существительные почти во всех падежах, ср., например: *юрк1в* (им.п.) *алатас* «успокоиться» (*букв.* «сердце спустить/успокоить»); *кьвач1а* (им.п.) *аладивас* «разорить, выжать все соки» (*букв.* «кожу содрать»); *улиъ* (инэссив) *ачирх1ас* «попрекать» (*букв.* «в глаз втыкать»); *бембегил (суперэссив) 1аттар акьас* «притворяться, злоупотреблять добрым отношением» (*букв.* «на вате хромать»), *лекухъ* (постэссив) *хъахьас* «числиться за кем-либо» (*букв.* «за ногой числиться») и т.д.

Именные фразеологические единицы также составляют в агульском языке продуктивный пласт. В качестве зависимых компонентов в них выступают имена существительные, прилагательные, причастия: *х1уьрджал* (прил) *гъил* «первый помощник» (*букв.* «правая рука»); *фунин* (сущ) *х1аф* «обжора, жадный» (*букв.* «животом большой»); *мукь* (сущ) *акьуф* «себе на уме, не простак» (*букв.* «место сделавщий») и др.

Наблюдения над синтагматикой ФЕ в тестах агульского языка позволяют выделить три типа сочетаний:

Во-первых, словофразеосочетания (стержневой компонент – слово, зависимый – ФЕ): *ттур ай руцас* (букв. «имя, имея, ходить») «быть известным, знаменитым»: фразеологическая единица *ттур ахьас* в данном случае функционирует в сочетании с деепричастием настоящего времени. Эта же единица встречается также и в следующих вариантах: *Выборар ккирк1ухаб, ч1ирх1е* ***ттур аттрахьуне*** *гин* «После выборов дурная слава пошла о нем/ он с плохой стороны стал известен»); ***абар ахъихьуна*** *гъургъас* (*букв.* «брови насупив разговаривать») «разговаривать с хмурым лицом»;

сурат кезийина *экьвас* (*букв.* «лицо вытянув сидеть») «быть хмурым, не общаться ни с кем».

Во-вторых, фразеословосочетания (стержневой компонент – ФЕ): *гьудурк1у к1илиъ ачархьас* (*букв.* «ворваться в недостающую голову») «понять что-либо своей не очень умной головой»; *гуджлу* ***джанар кееф*** (*букв.* «сильные тела имеющий») «крепкого телосложения»; ***гъафил хьас*** *гебирил* (*букв.* «забыться/отвлечься от них») «отвлечься из-за кого-либо; ***ул алчихьас*** мил (*букв.* «глаз накинуть на него») «обратить внимание на него».

В-третьих, фразеосочетания (стержневой и зависимый компоненты – ФЕ): ***К1илна-рудж адаваттарин гъилиъ ачархьас*** (*букв.* «голову-хвост не имеющим в руки попасть») «оказаться в руках у не очень осведомленных людей»; ***сивиъас аттархьегъилди 1у лек ккеттархьасттегьен гьуккай вес*** (*букв.* «как только изо рта выскочит, две ноги пока не отвалится бежать») «быть исполнительным».

В нашей диссертационной работе под термином фразеосочетания понимаются сочетания слов с фразеологизмами и фразеологизмов со словами. И те, и другие случаи приводят к образованию словосочетаний особого типа. Такое явление напоминает другой случай, когда фразеологическая единица может замещать позицию вспомогательного компонента в составном сказуемом: ср. *Я* *имею в виду* (= намерение, хочу) *изложить эти мысли на конференции*.

Наблюдение над синтагматикой ФЕ в текстах агульского языка позволяет выделить ряд типов характеризуемых сочетаний.

4.2. Фразеословосочетания

В качестве стержневого компонента в глагольных фразеословосочетаниях выступают глагольные фразеологизмы различных тематических групп, валентность которых в основном совпадает с

сочетаемостью соответствующих глаголов. Наши наблюдения над подобными сочетаниями позволяют сделать вывод о том, что зависимые имена при них ставятся в именительном, родительном, эргативном падежах. Фразеосочетания так же, как и свободные словосочетания, могут иметь формы словоизменения, которые зависят от того, с какой частью речи соотносится фразеологическая единица. Проанализируем, какие синтагматические связи и отношения проявляют фразеословосочетания отмеченной модели в агульском языке.

Глагольные фразеологические единицы, функционируя в предложении агульского языка, чаще вступают в синтагматические связи с существительными (с именами) в различных падежах:

Хуппай ***кIвал хьуная мис*** *учин дад атунаеф те дагьариъ* «Потом он вспомнил, что оставил отца на той горе» (из аг. сказк.), *к1вал хьас* «вспомнить» – глагольный фразеологизм, семантически соотносящийся с ментальными глаголами. Глаголы данной семантики управляют и родительным, и именительным, и дательным падежами. Приведенный контекст демонстрирует управление данной единицей дательным падежом. Это подтверждается в данном предложении формой субъекта ***мис*** «ему» (им.п. *ме* – «этот») в дательном падеже, ср. также: «*Зас паччагьдин руш* ***ккан хьуная***», **-** *пуная к1ирк1а адина учин дада*с («Я влюбился в дочь царя», – сказал сын своему отцу»), *ккан хьас* «влюбиться», обладая сильным управлением, требует обязательного употребления субъекта (***зас)*** в дательном падеже (в именит. ***зун*** – «я»). *Чиппин эесси ттур ая инсан идех1ела*, *чаб чиппис* ***х1айи аргвай***, *фурс кей гъайхьуная лук1ари къуншибирихъай, чиппихъас эесси хъагъишаф яг1ай* «Пользуясь тем, что их барин богатый и известный человек, слуги вели себя с соседями заносчиво, надеясь, что хозяин в случае чего заступится за них» (А.Пушкин). Стержневой компонент в ФЕ *х1айи агвас* (чаб чиппис) «вести себя заносчиво» (букв. «большими видеть») является глаголом зрительного

восприятия, вербальная семантика которых требует употребления зависимого имени в дательном падеже.

Гьал бембегил ***1аттар аркьаяфе*** *суса* «Теперь невестка уже притворяется». Фразеологизм *бембегил 1аттар акьас* «капризничать» (букв. «на вате хромать») по семантике соответствует переходному глаголу, субъект *суса* (им.п. *сус* «невестка/невеста») употреблен в эргативном падеже.

Хъахьуная мебирихъ са уьттан бучка. Гьете хьумехIяла, фишттира ***мукь ккуьдуч1ай хьуная*** *сулан* «Была у них бочка с медом. Из-за этого меда лиса себе места не находила//все думала как бы съесть». Фразеологизм ***мукь ккидуьч1ас*** «не сиделось» соотносится с переходным глаголом, требующим употребления субъекта в родительном падеже. Левой валентностью данная ФЕ обращена к наречию *фишттира* «никак»;

Джаллабирин ***ул ахьуная****, мебирин арайиъ ае нуьх1уьбатвелар аргвай* «Все завидовали, глядя на их дружеские отношения»: ФЕ ул ахьас так же, как и в предыдущем примере, функционирует в качестве сказуемого, а субъект оформлен формой родительного падежа.

Миштти идехIела, хье ***хIаттари*** *Iайи* ***ибур ицIандея*** *ме курарис, инсанар ппара хьурай пуна, ацIуна ижвелар, кумакар аркьая жигьил хизандис* «Поэтому наши руководители уделяют большое внимание этим проблемам, чтобы увеличить численность населения, предусмотрены большие льготы»: ФЕ ***ибур ес*** (*букв.* «ухо дать») – многозначная фразеологическая единица, в данном контексте реализовано значение «обратить внимание», подлежащее *х1аттари* «руководители» употреблено в эргативном падеже, а дополнение – (*курарис* «делам/вопросам») – в дательном падеже.

Фидегьен гъургъубар, лик1ибар, г1ерзар акьубар хьуни, к1илди 1уьрусатин мактабариъна вузариъна, г1илми идарабириъ лиханттари, хураттари айч1уна куьчабуриди митингар, забастовкабур акьуне, амма х1уькуматин х1аттарин ***ибурихъ хьая ч1ара кех1яй т1ушундава*** «Сколько говорили, писали, жаловались работающие в школах, в вузах России вышли

на улицы, устраивали забастовки, но руководители государства никакого внимания не уделили этому вопросу» (АХ 25.03.1994).

ФЕ *ибурихъ хъая ч1ар дат1ушас* «не обращать внимания, не придавать значения» (*букв*. «волос за ухом даже не пошевельнуться») является в данном предложении сказуемым переходной семантики, при котором подлежащее, как и при переходном глаголе, ставится в родительном падеже (*х1уькуматин х1аттар-ин* «руководители государства»).

Фразеологическая единица *гъил ккей ух1ас* означает «растить кого-либо (обычно о животных) с особой заботой/ откармливать». Может сочетаться со словами с усилительным значением: *КIилди дуьнья ккеттархьасе, джаллабирихъай* ***ве гьелидегьен гъил ккей ухIая*** *укьара кIесе* «Весь мир погибнет, вместе со всеми с такой заботой откармливаемый тобой баран тоже погибнет» (ВА 2010, июль). ФЕ выступает здесь в функции предиката, а зависимое от него слово *укъар* «баран» является дополнением, выраженным формой именительного падежа.

Мях1сулар андавай, джилар, хуппур дузай ***бат хьуная*** «Отсутствие семенного фонда привело к забвению земель, полей». ФЕ *бат хьас* по своему структуре представляет собой аналитическую форму глагола (относительно которых, как отмечалось выше, существуют различные мнения). Неспрягаемая именная часть данной единицы *(бат)* обладает ограниченной сочетаемостью в языке, встречается только в составе данной фразеологической единицы (может сочетаться с глаголом *акьас* «делать»), управляет (так же, как и непереходный глагол) именительным падежом – *хуппур* «поля», *джилар* «земли».

Удигьди са музчира кассабириъ пулар ихьунаттарихъас ***юрк1в руц1ай уйи:*** *гьер исан ахираъ са кьадар алтухъди процентар алчихьайи, гьал са муфи1тэра гъушанас верегъилди андава* «Раньше хоть немного, но беспокоились за тех, кто клал деньги в сберкассу: в конце каждого года проценты начисляли, теперь никакой пользы от них получить невозможно».

ФЕ *юрк1в руцай уйи* «беспокоились, переживали» (*букв*. «сердце щиплет») функционирует в качестве стержневого глагольного компонента, а зависимым является компонент *пулар ихьунаттарихъас* «о вкладчиках» в форме исходного падежа серии постэссива. Приведем еще примеры:

Ац1уна вахттар э гебур гьучавей, ахттилатар аркьай, бабан **ибуриъ къуттар** ихьай, рушахъас гъургъай «Довольно долго они ходят, заводят разговоры, делают намеки матери относительно дочери». В фразеословосочетании *бабан* ***ибуриъ къутт ихьас*** «намекать матери» стержневым компонентом является ФЕ *ибуриъ къутт ихьас* «намекать» (*букв*. «в ухо камушки закидывать»), а зависимым – существительное в родительном падеже *бабан* «матери».

Анализ приведенных выше примеров функционирования фразеологических единиц в текстах различных жанров позволяет сделать вывод о том, что глагольные ФЕ, выступая в роли сказуемого, требуют употребления подлежащего в различных падежах. Выбор падежа подлежащего зависит не только от категории переходности-непереходности, но и от содержательной, семантико-тематической принадлежности данных единиц, от соотнесенности их с той или иной частью речи. Так, например, ФЕ, соотносимые с глаголами чувствования, требуют дательного падежа, ФЕ со значением физического воздействия – эргативного, родительного, именительного падежей.

4.3. Словофразеосочетания

Фразеологические единицы выступают также в роли зависимых компонентов, реализуя обстоятельственные и определительные отношения в фразеосочетаниях типа «слово+фразеологизм»:

Хьимунна са ис хьуная гин учин ***юрк1ураъастти*** *больницайиъ* ***кар аркьай*** «Сколько лет уже он от души работает в больнице» (*букв*. «из сердца

работать»): наречие со связанным значением *юрк1ураъастти* «от души, от всего сердца» обычно употребляется при глаголах речи, а также с глаголами со значением «оказывать помощь», «делать что-либо для кого-либо» (например, *юрк1араъастти пас* «от души сказать» и др.). Синтагматические отношения между компонентами словосочетания здесь реализуются дистанционно, между компонентами употребляется обстоятельство места *больницайиъ*. Прямой порядок расположения слов в предложении агульского языка обычно требует нахождения обстоятельства в вербальной постпозиции. В данном предложении фразеологическая единица *юрк1ураъастти кар акьас* выступает в функции обстоятельства образа действия и принципиально от слов наречной семантики не отличается.

*Хьин 1экьулар биц1игунанхаб мич йичин, гебири гидедегьен, **улиъ гаш ай,** дарар е ккедихьасттава, е угасттава, е чиркин акьасттава* «Если бы мы с малых лет воспитывали их, то с такой жадностью они не утичтожали бы леса, не сжигали бы их, не сорили» (ВА, 14 марта 1998).

ФЕ ***улиъ гаш ай*** «ненасытно, жадно» (*букв.* «в глазу голод имея») входит в состав однородных словосочетаний, стержневыми словами в которых являются глаголы *ккедихьасттава* «не истребит/уничтожит», *угасттава* «не сожжет», *чиркин акьасттава* «не будет сорить», при этом реализуются обстоятельственные отношения образа действия.

Джигьил-1уссеф дапуна, гьертти учин ваджиб, пенси, сайиштти малар-х1уппар масса егуна фачархьеф, кканчин бусттанин яр-емиш ариш-вариш акьугуна алттархьунаеф - ***учин гъилихъ хъаеф гъайи*** *кассайиди* «И стар и млад свою зарплату, пенсию, выручку от продажи овец или от продажи фруктов, овощей – все, что имелось в наличии у них, носили в кассу». Фразеологическая единица ***гъилихъ хъаеф*** «то, чем располагает», входит в состав двух фразеосочетаний:

1) в одном случае данная ФЕ выступает стержневым компонентом, образуя фразеословосочетание с определительными отношениями *учин*

гъилихъ хъаеф «чем сам располагает» (*букв.* «за своей рукой имеющееся»), хотя в данном фразеолексическом сочетании главенствующим является причастие *хъаеф* «имеющееся», определяющий компонент *учин* «свой» распространяет зависимый компонент *гъилихъ* «за рукой»;

2) во втором случае образуется словофразеосочетание г*ъилихъ хъаеф гъайи* «носил, чем располагал» с главенствующим свободным словом *гъайи* «носили», и ФЕ *хъилихъ хъаеф,* реализующей объектные отношения (носили что?).

Рассмотрим еще примеры, где фразеологизмы в составе словофразеосочетаний реализуют определительные отношения:

Джаллайи аркьа гIедат акьуна, чара адавай, файшуная кIиркIа учин ***йиркIв але*** ***дадра*** *дагьарихъди алайхьас* «По обычаю, которому следовали все, сын также повез к скале своего любимого отца, чтобы сбросить его» (из аг. сказки): в словофразеосочетании *йирк1в але* *дад(ра)* «любимый отец» (*йирк1в алеф* буквально означает «сердце на ком находится») ФЕ является зависимым компонентом субстантивного словосочетания и способствует выражению определительных отношений.

Гьер г1улана, х1уриди г1аттархьегуна, джалла ***багунттарилди к1ил дадивуна*** *вейдава ге* «Каждое лето, когда приезжает в село, он не уезжает, пока не навестит всех родственников». При стержневом компоненте, выраженном глагольной ФЕ *к1ил дивас* «навестить, проведать» (букв. «голову тянуть») (в предложении употреблена отрицательная форма *дадивас*) существительное *багунттарилди* употребляется в суперлативе, реализуя объектные отношения переходного глагола.

4.4. Фразеосочетания

Особенность данного типа структуры состоит в том, что здесь стержневой и зависимый компоненты являются фразеологизмами. Это

достаточно интересные как по форме, так и по содержанию структуры, повторяющие модели конкретных словосочетаний. В силу необычности такие структуры в дагестанском языкознании пока не получили достаточного внимания со стороны лингвистов, нет и специальных работ, посвященных именно такого типа структурам.

Таким образом, не исключается возможность сочетаемости в агульском языке двух фразеологизмов, наш материал свидетельствует о непродуктивности структур, образованных по модели «фразеологизм +фразеологизм»:

К1илна-рудж адаваттарин гъилиъ ачархьас (*букв.* «голову-хвост не имеющим в руки попасть») «оказаться в руках у не очень осведомленных людей». В качестве стержневой единицы выступает ФЕ, соотносимая с глаголом ***гъилиъ ачархьас*** «оказаться в чьих-то руках, распоряжении», в качестве зависимого компонента, при реализации объектных отношений, употреблена ФЕ ***к1илна-рудж адаваттар*** «непонятные, непредсказуемые [люди]»; *сивиъас аттархьегъилди 1у лек ккеттархьасттегьен гьуккас* (*букв*. «как только изо рта выскочит, две ноги пока не отвалятся бежать»). Данное фразеосочетание включает следующие ФЕ: ***сивиъас аттархьегъилди*** «моментально» (стержневое слово – наречие *аттархьегъилди* «как только выскочит», зависимое – *сивиъас* «изо-рта») и ***1у лек ккеттархьасттегьен гьуккас*** «бежать быстро», выражение, соотносимое с наречием. В предложении данная единица выступает и в качестве сказуемого (*гьуккас* – стержневой компонент), и в обстоятельственной функции (зависимая – *1у лек ккеттархьасттегьен*), как обстоятельство образа действия) .

Ушу вахттар йирк1уралас гьатуф – мер1эр хъудава к1ур х1исаб э «Тот, кто забывает [забывший] прошлое, подобен дереву без корней». В данном предложении в роли грамматической основы выступают следующие фразеологизмы: в роли подлежащего – ФЕ ***йирк1уралас гьатуф*** «тот, кто забыл» (соотносится в с субстантивированным причастием «забывший»),

сказуемое же выражено пословицей ***мер1эр хъудава к1ур х1исаб э*** «подобен дереву без корней».

Иттаф-угаф айчугакьас са к1ил ачик1ас весе зун «Пойду ненадолго, чтобы узнать, все ли здоровы» (*букв*. «больной-горящий есть или нет заглянуть пойду»). Фразеологическая единица ***к1ил ачик1ас*** «ненадолго зайти/проведать» выступает как зависимый компонент глагольного словосочетания (инфинитив с целевым значением) при стержневом глаголе-сказуемом *весе* «пойду», а ФЕ ***иттаф угаф айчугас*** функционирует как зависимый компонент при стержневой ФЕ ***к1ил ачик1ас.***

В качестве стержневого компонента в глагольных фразеологических единицах выступают глагольные фразеологизмы различных тематических групп, валентность которых в основном совпадает с сочетаемостью соответствующих глаголов. Наши наблюдения над подобными сочетаниями позволяют сделать вывод о том, что зависимые имена при них ставятся в именительном, родительном, эргативном падежах.

Приведенные примеры свидетельствуют о взаимодействии фразеологии и синтаксиса. При таком взаимодействии могут вскрыться модели, которые не всегда возможны в свободном употреблении лексем. Проведенный анализ выявил также фразеологизмы, имеющие более узкую сочетаемость, регулируемую семантикой опорного слова или, напротив, возможности расширения/расщепления семантики ФЕ.

Так, например, фразеологическая единица *гъиликк ккихьас* в зависимости от лексического (контекстного) окружения может реализовывать несколько значений: 1) быть в подчинении кого-либо; 2) обучаться у кого-либо, воспитываться, ср.: ***Учин гъиликк ккея шинуькк*** *иджеф хьуна, иджи хуруна, х1а хьегуна джеме1этис муфиэ1т йина, джалла мег1елимарисра ккаңде* «Чтобы обучающийся у него ребенок стал хорошим, хорошо учился, когда он вырастет, чтобы польза от него была людям, хочет каждый учитель». ФЕ *гъиликк ккеяф* входит в состав комбинированного

словосочетания с двумя стержневыми компонентами: образуются словофразеосочетание ***гъиликк ккея шинуькк*** «обучающийся ребенок» и фразеословосочетание – ***учин гъиликк ккеяф*** «у себя обучающийся». ФЕ *гъиликк ккеяф* имеет лексико-семантические ограничения: она сочетается только с одушевленными именами существительными, обозначающими разумные существа, тогда как свободные компоненты *учин и шинуькк* имеют широкую сочетаемость. В обоих случаях реализованы определительные отношения.

Ичира са касдифасра е хабар гъуршанф, е удигь гьихьуна хъуттурфанф андава, е ахтармиш аркьаф вейдава, е диван аркьаф. Миштти хьегуна агъафе: ***зас багъра сад э, дагъара…»*** (АХ.25 марта 1994) «И все-таки, никто ни с кого не спрашивает, не ставит перед фактом, не судит. В такой ситуации говорят: мне <u>что сад, что гора</u> – все равно». Пословичное выражение *зас багъра сад э, дагъра*, имеет и более усеченный вариант: *дагъ фие – багъ,* и при функционировании в составе предложения требует распространителя в дательном падеже. В приведенном выше предложении фразеологическая единица употребляется в объектном значении. Форма глагола *агъафе* «говорят» является супплетивной формой настоящего постоянного времени от глагола *пас* «сказать», требует наличия объекта в именительном падеже. Ср.: *Ушуна са гвараъ ае хьед фаша, пуне баба зас* «Мама сказала, чтобы сходила и принесла воды». Сказуемое *пуне* «сказала» требует постановки подлежещего *баба* в эргативном падеже, и дополнения *хьед* – в именительном.

Ср. также: ***Юрк1ураъ миштти фикир ирх1а:*** *хье уьлкейин* ***телевидении гъилиъ аяттарис*** *кканеф са кар э: хье джигьиларин хьас амии несил ч1ир акьуб (*АХ, 31 мая 1999) <u>«В голову приходит</u> (*букв.* «в сердце втыкается») такая мысль: Те, <u>в чьем распоряжении находится</u> <u>телевидение</u>, хотят одного: нанести урон нравственности нашей молодежи». Стержневой компонент *ирх1ас* «воткнуть(-ся)» глагольного фразеологизма *юрк1ураъ*

ирх1ас «прийти в голову» требует употребления при нем объекта в им. п.– *фикир*. Данный глагол реализует также и другую валентность – сочетается с именами существительными в локативном падеже (инэссив). Употребление в ФЕ именно данного глагола с эмоциональным содержанием связано с коммуникативной целеустановкой автора. Вторая фразеологическая единица, выделенная в данном предложении *телевидение гъилиъ аяттарис,* распространяется целиком словом *ккaнеф* «желание».

Как мы могли заключить из приведенных примеров, распространение получают как глагольные компоненты фразеологизма, так и именные, реализуя соответственно объектные, определительные или обстоятельственные отношения. Хотя лексическое окружение фразеологических единиц не всегда поддается тематическому разграничению, можно предварительно сделать выводы о том, что, например, фразеологические единицы, включающие глаголы движения обнаруживают связь со свободными словосочетаниями пространственной семантики, ср., например: *ибурихъди хъучадес* «стать известным, услышать» (букв. «до уха дойти»); *х1уьлкьумилди гъас* «довести до белого каления».

Анализз функционирования в структуре текстов разных жанров сочетаний «ФЕ + слово», «слово + ФЕ», «ФЕ + ФЕ» может стать одной из задач теории текста, которая включает как достаточно существенный и синтаксический компонент.

Выявление закономерностей взаимодействия фразеологии и синтаксиса и их соответствующее описание может стать темой специального исследования на материале не только агульского языка, но и других дагестанских языков. Такой анализ может пролить свет как на собственно лингвистические, так и на лингвокультурологические и лингвопсихологические проблемы.

Анализ приведенных выше примеров функционирования фразеологических единиц в текстах различных жанров позволяет сделать

вывод о том, что глагольные ФЕ, выступая в роли сказуемого, требуют употребления подлежащего в различных падежах. Выбор падежа подлежащего зависит не только от категории переходности-непереходности, но и от содержательной, семантико-тематической принадлежности данных единиц. Так, например, ФЕ, соотносимые с глаголами чувствования, требуют дательного падежа, ФЕ со значением физического воздействия – эргативного, родительного, именительного падежей и т.д. Привлечение материала всех говоров и диалектов агульского языка может привести к расширению наших представлений в данной области и выявлению новых фактов синтагматического порядка.

Заключение

Решение проблемы разграничения сложных слов и словосочетаний, структурно-грамматических и структурно-семантических типов отношений между компонентами, особенностей синтагматики компонентов и др. вопросы, впервые поднятые в данной работе на материале агульского, могут служить основой для синтаксического описания агульского языка.

Проведенный в разных аспектах анализ именных и глагольных словосочетаний, а также специально выделенных нами в рамках синтаксиса словосочетания фразеосочетаний позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Общепринятое определение словосочетания как соединения двух знаменательных слов на основе подчинительной связи однозначно не решает проблемы разграничения в агульском языке словосочетания и послеложных конструкций, словосочетания и фразеологизма. Реализация валентностных возможностей фразеологических единиц в агульском языке приводит к образованию так называемых фразеосочетаний, рассматриваемых в нашем диссертационном исследовании на уровне [и в рамках] словосочетания.

2. При определении словосочетания мы стоим на позициях В.В. Виноградова и считаем, что словосочетание – это номинативная единица языка, образованная соединением двух и более знаменательных слов на основе подчинительной связи. Но вместе с тем, считаем, что к словосочетаниям в агульском языке можно отнести некоторые парные сочетания слов, образованные соединением двух знаменательных слов на основе соединительной связи: *дад-баб /дадна баб* «родители».

В агульском языке так же, как и во всех дагестанских языках, существует проблема разграничения словосочетания и сложного слова, аналитических, послеложных конструкций. Решение данной проблемы видится в комплексном учете акцентологических, морфологических, синтаксических критериев.

3. Анализ синтаксических связей на материале агульского языка позволил обнаружить специфику их проявления. Выявлены такие виды связи как согласование, маркирующееся только формами числа в некоторых разновидностях атрибутивных словосочетаниях (ввиду отсутствия грамматической категории класса, сохранившейся в большинстве дагестанских языков), и в предикативных сочетаниях, где адъективные слова выступают в предикативно-характеризующей роли: *х1учан хьил* «волчий след» – *х1учарин хьилар* «волчьи следы»; *1уч1е хут* «кислая слива» – *х1утар 1уьч1еттар э* «сливы –кислые»; *координация*, действующая между локативными падежными формами и глаголами с локативными превербами: *гъванди**кк кк**икъвас* «под камнем застрять», *хьетти**г1 г1ик1ас*** «в воду положить»; управление и примыкание.

Атрибутивные словосочетания, кроме признаков согласования, обнаруживают и признаки примыкания, в силу неизменяемости зависимых определительных компонентов в косвенных падежах.

Примыкаемыми словами в атрибутивных словосочетаниях выступают качественные прилагательные: *чулле завар* «синее небо», *жъуьхъе тук* «желтый цветок; числительные: *хьибу дарс* «три урока», *садпе ягъ* «первый день». В глагольных словосочетаниях зависимыми компонентами, примыкающими к глаголу, являются наречия: *тег1ди вес* «быстро идти», *явашт ти гъургъас* «медленно разговаривать»; инфинитив: уджас алиянас «жарить поставить», *уцас вес* «косить пойти»; деепричастия: *ушуна адес* «сходив вернуться», *элхъенди ахъакьас* «смеясь рассказывать» и т.д.

3. По составу словосочетания агульского языка подразделяются на ***простые,*** состоящие из двух и более компонентов (если зависимый компонент представляет собой целостную неделимую по смыслу единицу или аналитическую конструкцию): *хьеттин хул* «ручеек воды», *муг1уйин чарх* «арка моста», *булахин хьед* «вода из родника», *машиниъай вес* «ехать машиной», *ц1а кихьас* «разжечь огонь» *ччуччукк ц1а кичик1ас* «настропалить

брата»; *кар акьас вес* «работать пойти»; ***сложные,*** характеризуемые наличием двух зависимых компонентов при одном стержневом глаголе: *ккабанив фачиянас* «пастуху отдать и *ккабанив дабраг фачиянас* «пастуху сумку отдать»; ***комбинированные***, представляющие собой соединение нескольких простых или сложных словосочетаний на основе связей, исходящих от разных стержневых слов. .В таких словосочетаниях зависимое слово одновременно само может распространяться зависимым от него словом: *че дадан лап ц1уппе дустт* «хороший друг моего отца».

4. По характеру стержневого слова словосочетания агульского подразделяются на именные, среди которых выделены: субстантивные, зависимым компонентом в них могут выступать имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения (*к1ет1айин к1уч1* «ручка лопаты», *г1аран 1уьк1* «луговая трава», *ибг1а хьед* «теплая вода», *ме хал* «этот дом», *ери вец* «семь быков»); адъективные (*джанарин ирхеф* «высокий телосложением); местоименные (*фушчи гебурикес* «кто-то из них»); нумеративные (*1удпеф гьуккаяттарикес* «второй из бегунов»); наречные (*лап уьрк1и* «очень глубоко»); глагольные (*хьед гъас* «вводу принести», *хурас вес* «учиться пойти» и т.д.).

5. Анализ структурно-грамматической организации субстантивных словосочетаний позволил выделитьряд активно функционирующихмоделей:

в модели **«$С_{ном}$+$С_{ном}$»** зависимый номинатив в реализует определительные отношения (*кккелахъан к1ирк1* «мальчик-пастух», *духттир руш* «врач-дочка»); компаративную семантику (*дагьра хъехъв* «нос (как) топор»; *1уьфер сив* «рот (как)чуду»); может обозначать национальность (*дарги шуй* «даргинец»); материал, из которого сделан предмет (*къизил чал* «золотая цепь»); количество и меру (*чувал кьур* «мешок муки»); форму предмета (*к1ватт шалвар* «шаровары в форме короба»); лицо по роду его деятельности или по характерным физическим признакам (*биргадир Кьулбан*

«бригадир Курбан»; *къаскан Али* «горбатый Али»); формулы речи (*1Уьмар х1адад* «дедушка Омар»).

Словосочетания модели **«$С_{ген}$ + $С_{ном}$»** занимают доминирующее положение среди всех моделей субстантивных словосочетаний. Зависимое имя в генитиве в агульском языке:

а) выражает принадлежность лицу или предмету: *улусумдин муг* «гнездо улара» Часто в таких словосочетаниях совмещаются семантика принадлежности и объектные отношения;

б) отмечается в микротопонимах: *Кьубин булах* «родник Кубая», *Бех1ин сув* «гора Бехая»;

в) обозначает предмет, а стержневое – часть предмета: *гунин кьурц* «кусок хлеба»;

г) называет материал, из которого сделан предмет: *хьейин лех1еф* «шерстяное одеяло». Отмечена тенденция словосочетаний такой модели превращаться в несвободные сочетания: *т1убун фун* «подушечка пальца (*букв.* «пальца живот»), *сивин гъвад* «твердое нёбо» (*букв.* «потолок рта»);

д) употребляется в фитонимических и зоонимических наименованиях: *ккелан ибрар* «съедобная трава», *галун 1уьк1ер* «мокрица» (*букв.* «кутанная трава»), *ч1ирин гитан* «рысь» (*букв.* «дикая кошка»).

По данной модели образуются также названия детенышей: *г1уран чарккв* «зайчонок» (*букв.* «детеныш зайца»), *пе1элан чарккв* «цыпленок»; элементов орнамента ковров: *джакьвалан к1ил* «голова воробья», *гитанин бе1эр* «кошачьи лапки»; родительный прииименный выражает семантику предназначения: *сусан кунар* «одежда для невесты», *х1авун к1ур* «оглобля» (*букв.* «воротника палка»); род занятий: *к1уранин устта* «деревянных дел мастер»; употребляется для выражения временных и пространственных значений: *г1улин вег1да* «летняя пора». Выявлены также редкоупотребляемые словосочетания данной модели со значением причины: *завалин хьеф* «наказание свыше» (обычно о природных явлениях при

сильных продолжительных дождях, граде, снеге, воспринимаемых как наказание людям за какие-либо грехи); *улин хьеф* «сглазу подвергшийся»; называющие отношения родства: *хьиран чу* «свояк» (*букв*. «жены брат»); препозитивный зависимый компонент в форме генитива может быть употреблен с метафорическим переносом: *зурзумин лекар* «о человеке с худыми ногами» (*букв*. «стебля ноги»).

Модель **«$С_{ном}$+$С_{ген}$»** реализует в основном комплетивные отношения. В составе словосочетаний, образованных по этой модели, функционируют информативно недостаточные слова, требующие распространителей. В рамках данной модели выделены следующие семантические группы словосочетаний со значением:

1) меры жидких или сыпучих веществ: *бадра хьеттин* «ведро воды», *маргай ччаман* «горшок масла»;

2) меры длины (семантика стержневого слова таких словосочетаний обычно уже содержит указание на меру длины, а зависимое слово уточняет, конкретизирует его): *(са) 1амайин манзил* (один) «шаг земли»;

3) объема или количества через форму предметов: *тупп чайин* «пачка чая» (*букв*. «мяч чая»), *буханка гунин* «буханка хлеба»;

4) совокупности: *к1арат1 х1уппарин* «стадо овец», *гъаб сумарин* «охапка соломы».

Анализ субстантивных словосочетаний модели **«$С_{дат}$+$С_{им}$»** позволил, наряду с базовыми значениями датива (адресата, предназначения), в которых выступает зависимый компонент (*г1алашуварис 1уьшанттар* «ужин для гостей», *ччиччис к1едж* «письмо сестре»), выявить также семантику предназначения с временными оттенками: *1урдис къарфунар* «припасы к зиме»; выявлено также компаративное функционирование форм данного падежа: *тукарис ухшар руш* «цветам подобная девушка».

Зависимый компонент в локативных падежах указывает на лицо или предмет по месту его происхождения или жительства: *Москвайиъас файде*

духттир «врач из Москвы»; принадлежность к учреждению или коллективу: *суттиъас гьику к1едж* «бумага, отправленная из суда». Элатив в разных сериях может передавать также объектные, объектно-причинные, причинно-целевые отношения.

Продуктивно образуются в агульском языке словосочетания с зависимым прилагательным, характеризующие лицо (предмет) с точки зрения его внутренних или внешних признаков или качеств: *дургъу сив* «болтун» (*букв.* «дырявый рот»), *назик джанаринф* «худощавый», *бат1ар к1алибаринф* «красивых очертаний»; физические параметры предметов: *т1уб дегьен сувеф* «с палец толщиной»; наименования инструментов: *хьеяр рук1а раг1* «станок для чесания шерсти», *шаккар руг1а кьец1* «щипцы для сахара».

В словосочетаниях с зависимым местоимением реализуются объектные, определительные и притяжательные значения, с указательным – реализуют семантику пространственного нахождения предмета.

Исследование именных словосочетаний с привлечением текстового материала позволило расширить и уточнить семантику падежей агульского языка.

6. Анализ глагольных словосочетаний с точки зрения смысловых отношений между их компонентами показал, что во многих случаях реализация типов отношений предопределяется валентностными возможностями глагола и семантикой взаимодействующих компонентов. В глагольных словосочетаниях, где грамматически стержневым словом выступают простые глаголы, сложные глаголы, фразеологические единицы с глагольной семантикой, большей частью реализуются объектные и обстоятельственные отношения.

7. В зависимости от типа соответствия между семантическими и синтаксическими актантами выделяются следующие группы глагольных словосочетаний с объектными отношениями:

1) словосочетания с перцептивным глаголами, при которых объект употребляется в именительном, дательном падежах, субъект действия – в дательном: *дадас* (дат.п.) *гьараяр унихьас* «отец крики услышал»;

2) глагольные словосочетания со стержневым глаголом физического воздействия. Глаголы данной семантики составляют многочисленную группу (физическое воздействие на объект может носить различный характер). Валентностные возможности глагола *йирх1ас* «бить» способствуют выражению целого ряда переносных значений данного глагола («съесть, покрасить, схватить, вскопать, бить и т.д».); семантика столкновения, соприкосновения с кем или чем-либо: *цилиъ къадакъ ачирх1ас* «в стену гвоздь вбить», совмещенного действия: *шиникквар ачукъас* «броситься друг на друга»; значение воздействия путем нажатия на что-либо: *раккал алзиянас* «на дверь нажать»; прикосновения: *кьелак к1ирх1ас* «в соль макнуть», *гъил кирх1ас* «рукой тронуть»; изменение формы предмета, положения тела: *син ц1акас* «проволоку согнуть, скривить»; физическое воздействие в целях очищения тела, удаление с поверхности чего-либо; деформация, разрушение предмета: *ваккари хуппур ккедихьас* «кабанами посевы испортить»; физическое воздействие с целью умерщвления животных, птиц: *ккекк руккас* «петуха зарезать» и т.д.

Ядерной единицей, передающей процесс мышления, является аналитический глагол *фикир акьас* «мыслить, думать». Особенность агульской языковой картины мира состоит в том, что действия ментальных глаголов приписываются сердцу, что приводит к обозначению чувственной, а не рациональной памяти. Объект при таких глаголах выражается именительным, местными падежами: *йирк1ураъас хиялар адавес* «думать, размышлять о чем-либо в состоянии беспокойства», *шиникքварихъас фикирар акьас* «о детях думать».

9. В словосочетаниях с обстоятельственными отношениями наиболее продуктивны словосочетания с пространственными отношениями, зависимая

часть которых может быть выражена существительными во всех сериях местных падежей, а также некоторыми наречиями, послелогами и фразеологизмами.

Анализ различных моделей глагольных словосочетаний позволил выявить нетипичные случаи употребления некоторых местных падежей; например, инэссива в значении суперэссива и наоборот: *йирк1урал алхьас* «помнить» (*букв.* «на сердце находиться/иметь»); антеэссива в значении латива : Р*аккагь аттиву шумарикес шаламар верфттава* «Из отрезка кожи, достаточного для шитья сапожек, не получатся и тапки, если его вынести на улицу»; постэссива в значении инэссива: *гъулихъ гъил хъучик1ас* «в нише рукой пошарить».

Материал глагольных словосочетаний показал возможности совмещения значений постэссива с интерэссивом: *чаг1 гуни г1адава* «у нас хлеба нет» (вместо ожидаемой формы *чахъ гуни хъадава,* ср.: *чахъ пул хъадава* «у нас денег нет»).

Расширен круг пространственных значений, выражаемых формантом ***-к*** зависимого имени. Данный падеж, кроме базового значения«нахождение на вертикальной поверхности в плотном контакте», реализует также семантику нахождения внутри чего- либо: *х1уни урчунак кея* «корова должна телиться» (*букв*. «корова к теленку есть»), *сус шиниккдик кея* «невестка ждет ребенка»; нахождение предмета в сплошной массе (вместо ожидаемого интерэссива): *яккук кьел кехъас* «мясо посолить»; *инсандик г1уьзур кея* «человек болен заразной болезнью»; *гъунакк х1уппар кея* «на склоне овцы пасутся»; *шушайик ц1абрахъил кея* «на стекле бабочка находится».

10. Анализ глагольных словосочетаний с временными отношениями выявил круг слов темпоральной семантики, выступающих в качестве зависимого компонента: названия времен года, месяцев, дней недели, частей суток, единиц измерения времени (*се1эт, ягъан рякъ*); существительные, называющие возрастные периоды; описательные конструкции, наречия. В

выражении временных значений участвуют также временные частицы *-гуна* «в то время», *-хаб* «после», аффиксы *–тти,-ди*.

11. С точки зрения отсчета времени относительно ориентира выделены следующие группы глагольных словосочетаний: словосочетания, обозначающие временную локализацию до ориентира, после ориентира, и словосочетания, обозначающие процесс как происходящий в какой-то определенный момент (*йиц1удпе октябрьдиъ адес* «десятого октября приехать»); словосочетания, выражающие начало действия (*ахъакьас хъучуч1ас* «начать рассказывать», *рякъуъ уч1ас* «пуститься в дорогу»), а также словосочетания, выражающие неопределенное время (как до ориентира, так и после): *те вахттари* «в те времена», *са ягъарикес са ягъа* «в один из дней».

Обстоятельственные компоненты в словосочетаниях отмеченной семантики могут употребляться в форме именительного падежа (*са* ***ягъ*** *ккеттушухаб* «через день»), датива (***абкьанис*** *адес* «к обеду прийти»), генитива (***ягъан*** *манзил ушухаб* «когда прошли расстояние, которое проходят за один день»), локативов. Продуктивно используются также наречия (*г1улана адес* «летом приехать»), фразеологизмы: *мурсар угъуна гъванар 1аршагуна* «никогда» (*букв.* «тогда, когда плесень прольется и камни намочит»); словосочетания со значением повторяемости, цикличности, длительности действия образуются по модели «редуплицированные слова со значением времени/пространства + глагол»: *ара-ара аркьай вес* «время от времени идти».

Реализация тех или иных оттенков временных отношений имеет лексическую поддержку, так, числительное *сад* «один» способствует формированию семантики временной неопределенности.

12. В формировании причинных смысловых отношений в глагольных словосочетаниях в основном участвует зависимый компонент, выраженный

существительным, масдаром в исходном падеже, аффиксами, причинными союзами (*-х1яла, -идегуна,- гьелегуна*), в сочетании с эргативным падежом.

Широко употребляются в ситуациях реализации значения причины субстантивы, производные от качественных прилагательных: *залумвелди дапас* «из-за жестокости не сказать», *г1еджизвелди агъдарукьас* «из-за бедности не смочь».

Наиболее продуктивными в словосочетаниях со значениями причины оказались словосочетания с зависимым существительным в локативных падежах, причинная семантика при этом сопровождается различными коннотациями.

13. Семантика целевых отношений в глагольных словосочетаниях в основном связана с зависимым инфинитивом, являющимся основным средством обозначения цели (*хурас уч1ас* «учиться поступить», *кегъикас гьикас* «разбудить отправить»); дативом (*1уьк1ерис вес* «за травой идти»), деепричастием *пуна* «сказав» (*х1язур хьас пуна вес* «идти, чтобы приготовиться»), каузативом (*унихьас акьас* «сделать так, чтобы услышали»); послелогом *бадала* (*шиниккв бадала 1уьмур фатас* «ради ребенка жизнь прожить»). Словосочетания с послелогом *бадала* имеют функциональную ограниченность – они употребляются в основном в официально-деловом или художественном стилях.

14. Обстоятельственные значения образа действия, меры и степени продуктивно выражаются словосочетаниями с зависимыми наречиями различных семантических групп, значительна роль существительных в местных падежах, а также деепричастий, фразеологизмов, соотносительных с наречием.

15. Наряду со свободными словосочетаниями, в работе исследованы устойчивые словосочетания – фразеологизмы, к которым в широком понимании часть исследователей относит и пословицы, поговорки, формулы

речи. Многие фразеологизмы в агульском языке являются единственными номинациями тех или иных понятий.

К тематике данного исследования фразеологизмы имеют отношение с точки зрения их валентностных (синтагматических) свойств. В этом смысле речь идет о функционировании ФЕ в качестве одного из компонентов особого типа словосочетаний, образующихся по моделям «ФЕ + слово», «слово + ФЕ».

В такие связи фразеологические единицы вступают как целостные единицы, т.е. как слово со словом. ФЕ единица может иметь собственное словесное окружение, отличное от слов-компонентов, из которых оно состоит.

Активный интерес к тексту в языкознании последних лет позволил выделить, наряду с традиционными единицами синтаксиса – словосочетанием и предложением, также и сочетания фразеологических единиц со словами, сочетания самих фразеологических единиц друг с другом. Такие сочетания в лингвистической литературе характеризуются терминами «фразеосочетание», «фразеословосочетание», «словофразеосочетание».

В данной работе фразеосочетания впервые на материале агульского языка исследуются в рамках синтаксиса словосочетаний. Такой подход мотивирован валентностной структурой фразеологизмов, позволяющей выделить их в качестве грамматически стержневого или зависимого компонентов особого типа словосочетаний, функционирующих в тексте.

С этой точки зрения в исследовании выделяются и анализируются следующие типы сочетаний:

словофразеосочетания (стержневой компонент – слово, зависимый – ФЕ): *ттур ай руцас* (*букв.* «имя имея, ходить») «быть известным, знаменитым»;

фразеословосочетания (стержневой компонент – ФЕ, зависимый – слово): *гьудурк1у к1илиъ ачархьас* (*букв*. «ворваться в недостающую голову») «понять что-либо своей не очень умной головой;

фразеосочетания (стержневой и зависимый компоненты – ФЕ): *К1илна-руджс адаваттарин гъилиъ ачархьас* (*букв*. «голову-хвост не имеющим в руки попасть») «оказаться в руках у не очень осведомленных людей»; *сивиъас аттархьегъилди 1у лек ккеттархьасттегьен гьуккай вес* (*букв*. «как только изо рта выскочит, две ноги пока не отвалятся бежать/исполнять») «быть исполнительным». Данный тип фразеосочетаний, как показывают статистические подсчеты, представлен в агульском языке непродуктивно.

Анализ в структуре текстов разных жанров сочетаний «ФЕ+слово», «слово + ФЕ», «ФЕ + ФЕ» может стать одной из задач теории текста, которая включает как достаточно существенный и синтаксический компонент.

Такой анализ может пролить свет не только на собственно лингвистические, но и лингвокультурологические и лингвопсихологические проблемы агульского языка.

Библиография

Абдуллаев И.Х. Мимео-изобразительные слова в лакском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси. 1979. Т.VI. С. 168 - 174

Абдуллаев З.Г. Очерки по синтаксису даргинского языка. М.: Наука. 1971. 479 с.

Абдуллаев З.Г. Именное словообразование в даргинском языке. Махачкала: Дагучпедгиз. 1972. С. 30-31.

Абдуллаев З.Г. Категория падежа в даргинском языке. Махачкала, 1961.

Абдуллаев З.Г. Даргинский язык. Морфология. М.: Наука 1993. 127с.

Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка. Махачкала: изд-во Даг. ФАН СССР. 1954. .

Абдулмуталибов Н.Ш. О правописании сложных слов в лезгинском языке // Орфография и изменение языковых норм: лингвистический, дидактический и социокультурный аспект (Материалы международной конференции). Астрахань, 2002. С.105-107.

Абрегов А.Н. К взаимоотношению между композитами, синтаксическими блоками и словосочетаниями в названиях растений адыгских языков // Ежегодник Иберийско-каказского языкознания. VI .Тбилиси, 1979.

Авдеева О.И. Специфика понимания синтагмы и синтагматических отношений во фразеологии // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп. 2010. Вып.3(63). С. 110-116.

Адзиева З. Х. Субстантивные словосочетания даргинского языка: автореф. дисс. …канд. филол. наук. Махачкала, 2006.

Адилов А.Г. Морфолого-синтаксическая характеристика падежей табасаранского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 1999.

Айтберов А.М. Словосочетание и предложение: вопросы типологии и методики. Махачкала, 1989.

Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.

Алексеев М.Е., Горбачева О.Г. К типологии временных отношений //Выражение временных отношений в языках Дагестана. Махачкала: изд-во ДНЦ АН СССР, 1991. С.11-16.

Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М.: Наука. 1985. 157 с.

Алиханова Л.Г. Числовая символика в аварских фразеологических и паремиологических единицах // Андийские языки среди народов Дагестана (Мат-лы научно-практич. конф.-презентации 6-8 июня 2011 г). Махачкала, 2011. С.32-34.

Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии: автореф. дисс. … д-ра…филол. наук. Л., 1962. 27с.

*Андрамонова Н.А.*Функциональная семантика оценочности и сфера реляционных значений //Учен. зап. Казан. ун-та. Т.135. Языковая семантика и образ мира: Лингвистика. Казань,1988. С.18-23.

Андрамонова Н.А. Синтаксис и фразеология: аспекты взаимодействия // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань: изд-во Каз. гос. ун-та, 2004. С.10-14.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Аракин В. Д. Сравнительная типология русского и английского языков. М., 1977.

Арутюнова Н. Д. Предложение и производные от него значения // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 403–542.

Асадов З.В. Комплетивные отношения и вопрос о грамматическом членении предложения // Проблемы современной лингвистики. Межд. научная конфер. 18-19 мая 2005 г. Баку, Азербайджан. С.14-15

Архипов А.В. К типологии комитативных конструкций. Ч.1. Определение и формальная типология // ВЯ. 2005. №4. С.76-100.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Ахмедова М.Ш. Глагольно-наречные словосочетания в составе простого рутульского предложения в сопоставлении с английским// Вопросы кавказского языкознания. Махачкала: изд-во ДГУ, 2010. С.40-46.

Ахмедов Г.И. Коммуникативные типы высказывания в лезгинском языке (в сопоставлении с русским). М., 1999.

Байрамова З.М. Глагольные словосочетания в табасаранском языке в сопоставлении с русским: автореф. дисс. …канд. филол. наук. Махачкала, 2007.

Балапанова Л.С. Устойчивые глагольные словосочетания в башкирском языке: дисс. …канд. филол. наук. Уфа, 2009.

Боброва Т.О. Причинные конструкции в ярусной синтаксической модели: дисс. … канд… филол. наук. Ставрополь, 2006. 208 с.

Богуславская О.Ю. Аппозитивные конструкции в дагестанских языках //Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. М.: Языки русской культуры, 1999. С.146158.

Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. М.,1985.

Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. М.: Высшая школа. 2004.237 с.

Богачев Ю.П. Сложные глагольные словосочетания в современном русском литературном языке: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1974

Бокарев А.А. Синтаксис аварского языка. М.,1949.

Бондаренко В.Т. О семантико-грамматической классификации фразеологических единиц в русском языке // Проблемы русской фразеологии. Тула,1977. С.42-50.

Бояров А.П. Глагольные словосочетания с пространственным значением в современном русском литературном языке: автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 1955

Будагов Р.А. К теории синтаксических отношений // ВЯ. №3, 1973.

Булатова А. Г. Исламмагомедов А. И., Мазанаев Ш. А. Агулы в XIX – нач. XX вв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Эпоха, 2008. 291 с.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // ВЯ.1989. № 3. С.51-61.

*Валгина Н.С.*Синтаксис современного русского языка. М., 2000 URL hi-edu.ru ›e-books/xbook089/01/part-007.htm (дата обращения:19.09. 2007).

Вардуль И.Ф. Об изучении семантического аспекта языка // ВЯ 1973. №6. С. 10 -23.

Василевская Е.А. Словосложение в русском языке. М., 1962. 132 с.

Вежбицкая А. Личные имена и экспрессивное словообразование // Анна Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Вендлер З. Причинные отношения // Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986. Вып.18. 992 с.

Виноградов В.В. Словосочетание как предмет синтаксиса // ВЯ, 1954, №1. С.

Виноградов В.В. Введение. // Грамматика русского языка. Синтаксис. М.: изд-во АН СССР, 1954. Т.2. Ч. 1. 112с.

Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка) // Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 232-255.

Всеволодова М.В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных значений в современном русском языке. М., 1982.

Всеволодова М.В. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных,

временных и причинных отношений) (Статья вторая) // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 2005. № 2. С. 9-34.

Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском литературном языке. М., 1975.

Гаджиахмедов Н.Э. Категория времени в косвенных наклонениях кумыкского глагола // Выражение временных отношений в языках Дагестана. Махачкала,1991. С. 120-127.

Гаджиев М. М. Синтаксис лезгинского языка. Ч.1. Простое предложение. Махачкала, 1954.

*Гаджиев Н.Г.*Фонетико-морфологические и лексические особенности керенского диалекта агульского языка: автореф. дис. …канд. филол. наук. Махачкала, 2006.

Гайдаров Р.И. Морфология лезгинского языка. Махачкала,1987. 159 с

Гайдаров Р.И. О родительном падеже в лезгинском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Махачкала, 2003. С.123-128.

Гайдаров Р.И., Эседулаев Н.Б. Об удвоенных словах в лезгинском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Махачкала, 2000. С.69-79.

Гайдаров Р.И., Гасанова Р.Р. Арабский пласт агульского языка. Махачкала, 1996. 76 с.

Гайдаров Р.И., Гюльмагомедов А.Г., Мейланова У.А., Талибов Б.Б. Современный лезгинский язык. Махачкала: изд-во ИИЯЛИ ДНЦ, 2009. 480 с.

Ганенков Д.С. Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели: дисс. … канд. филол. наук. М., 2005. 278с.

Ганенков Д.С., Мерданова С.Р. Семантика пространственных форм существительного в агульском языке // Исследования по теории грамматики. Вып.2. Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С 127-150.

Гармаева А.Э. Числовая символика в монгольском языке: семантика и функции // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2008. Вып.10. С. 105-110.

Гасанова С.Н. Именные словосочетания в агульском языке // Вопросы языков и фольклора малочисленных народов Дагестана. Махачкала, 2003. Вып.1. С. 7-10.

Гасанова С.Н. .Субстантивные словосочетания с квалитативными отношениями в агульском языке // Вестник Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. 2008. №30. С.87-90.

Гасанова С.Н. Культурно-маркированные компоненты в составе устойчивых словосочетаний агульского языка // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. Вып.3. С.109-112.

Гасанова С.Н. Семантические функции дательного падежа в агульском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия "Филология и искусствоведение". 2010. Вып. 3(63). С.151-155.

Гасанова С.Н. Выражение временных отношений в агульском языке (на материале глагольных словосочетаний) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. Добролюбова. 2012. Вып.17. С.29-37.

Гасанова С.Н. Глагольные словосочетания с объектным значением в агульском языке // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2011. №4. 109-112

Гасанова С.Н. Синтаксис фразеологических единиц агульского языка // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия "Филология и искусствоведение". 2012. Вып. 1. С. 204- 208

Гасанова С.Н.. Субстантивные словосочетания с зависимым местоимением в агульском языке // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. Вып. 3. С.20-22.

Гасанова С.Н..Проблема словосочетания в научной и учебной литературе по дагестанским языкам // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2004. Вып. 6. С.82-86.

Гасанова С.Н. Сравнительный анализ словосочетаний, выражающих комплетивные отношения в агульском языке (в сравнении с лезгинским и табасаранским языками) // Языкознание в Дагестане. Махачкала, 2004. №7. С. 34-42.

Гасанова С.Н. Особенности выражения пространственных отношений в воспроизводимых предикативных единицах словосочетаниях агульского языка // Языкознание в Дагестане. Махачкала, 2006. №9. С.43-46.

Гасанова С.Н. Субстантивные словосочетания с квалитативными отношениями в агульском языке// Вестник Дагестанского научного центра РАН, №30. Махачкала. С.87-90 (0,3 п/л).

Гасанова С.Н. Семантико-структурные типы междометий в агульском языке // Языкознание в Дагестане Махачкала, 2007. № 10. С.75-79.

Гасанова С.Н. Структурно-семантическая классификация микротопонимов агульского языка // Вопросы типологии русского и дагестанских языков. Махачкала, 2006. Вып.2. С.68-72.

Гасанова С.Н..Особенности функционирования ФЕ агульского языка в текстах публицистического жанра // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Махачкала: изд-во ДГУ. 2009. Вып.3. С.150-153.

Гасанова С.Н. Редупликация как модель словообразования в агульском языке // Материалы 2-ой международной научно-практической конференции языковедов. Махачкала, 2009. С.76.

Гасанова С.Н. Субстантивные словосочетания с родительным прииненным в агульском языке // Сб. тезисов 10-ой Международной научной интернет-конференции «Гуманитарная картина мира в системе современного знания». Казахстан, Караганда, 2009. С.119-122.

Гасанова С.Н. Этнокультурная символика чисел в агульском языке//Проблемы лексикологии и лексикографии северокавказских языков. Махачкала: изд-во УРАН ИЯЛИ. 2010. С.107-110.

Гасанова С.Н. Семантические функции дательного падежа в агульском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Вып. 3(63). Майкоп, 2010. С.151-155.

Гасанова С.Н. Выражение целевых отношений в агульском языке // Проблема жанра в филологии. Региональная научная конференция. Махачкала, 2011. Вып. 7. С. 2011. С.242-245

Гасанова С.Н. Культурно-маркированные компоненты в составе устойчивых словосочетаний агульского языка // Вестник Дагестанского государственного университета. Вып.3. Махачкала, 2011. С.109-112.

Гасанова С.Н. Выражение временных отношений в агульском языке (на материале глагольных словосочетаний) //Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.Добролюбова. Вып.17. Нижний Новгород, 2012. С.29-37.

Гасанова С.Н. Глагольные словосочетания с объектным значением в агульском языке // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки», №4, 2011. Махачкала. С. 109-112.

Гасанова С.Н. Синтаксис фразеологических единиц агульского языка // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Вып. 1. Майкоп, 2012. С. 204- 208.

Гасанова С.Н., Самедов Д.С. К проблеме разграничения сложного слова и словосочетания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Вып. 1. Майкоп, 2012. С. 197-203.

*Гасанова С.Н.*Субстантивные словосочетания с зависимым местоимением в агульском языке // Вестник Дагестанского государственного университета. Вып.3. Филологические науки. Махачкала, 2012. С.20 -22 .

Гебекова З.Г. Глагольные словосочетания в аварском языке: дисс. … канд. филол. наук. Махачкала, 2009. 135 с.

Грамматика русского языка. М., 1960. Т. 1, 2.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Гусейнова М.М. К вопросу выражения атрибутивных отношений в цудахарском диалекте даргинского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Махачкала, 1997. С.74-75.

Гусейнова М.М. Категория атрибутивности и ее выражение в даргинском языке: дисс. …канд. филол. наук. Махачкала, 2002.

Гюльмагомедов А.Г. Основы фразеологии лезгинского языка. Махачкала, 1978. 127 с.

Гюльмагомедов А.Г. Общая характеристика словосочетаний лезгинского языка // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1991-1992. Т. XVIII- XIX.

Гюльмагомедов А.Г. Проблема дифференциации словообразования и фразеобразования в дагестанских языках // Дагестанский лингвистический сборник. М.: Academia,1996. Вып.3.

Гюльмагомедов А.Г. Словосочетания, фразеословосочетания, фразеосочетания как номинативные синтаксические единицы // X1 Коллоквиум Европейского общества кавказоведов. Тезисы докладов. М., 2002.

Гюльмагомедов А.Г. К вопросу о теории фразеосочетаний (на материале русского языка) // Вопросы филологии. 2004. №3. С. 44-48

Гюльмагомедов А.Г. Сравнительно-типологический анализ именных словосочетаний модели «N+N» в лезгинских языках // Ежегодник ИКЯ . 1990. Т. XVII. С.163-168.

Гришанина Е.Б. Роль синтаксической сочетаемости в реализации лексических значений // Сочетаемость синтаксических единиц. Ростов н/Д. 1984.

Даниэль М.А., Майсак Т.А., Мерданова С.Р. Каузативы, декаузативы и лабильность в агульском языке// Международный симпозиум «Типология аргументной структуры и синтаксических отношений»: тезисы докладов. Казань, 2004.

Дерягина. С.И. Учебный словарь глагольно-именных словосочетаний русского языка. М.: Русский язык,1987. 154 с.

Дирр А.М. Агульский язык. СМОМПК. Тифлис. 1907. 188 с.

Добровольский Д.О. Лексико-синтаксическое варьирование во фразеологии: ввод определения в структуру идиомы // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2. 18-47.

Дронов В.П. Модификация структуры фразеологизма: ввод прилагательного в состав идиомы // Изв. РАН. Сер. языка и литературы. 2009. Т.68. №6. С.36-44.

Ермилова М.Л. Лексическая и грамматическая сочетаемость фразеологических единиц современного русского языка: автореф. дисс. ... канд.наук. Санкт-Петербург, 1994.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 350 с.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 366 с.

Золотова Г.А. Глагольные словосочетания и их типы в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1954.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

Золотова Г.А. Теоретические ресурсы грамматической науки // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2004.

Зубаилова Р.М. Образование парных слов и лексико-грамматический характер их компонентов в кумыкском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Махачкала, 2003.

Ибрагимов Г.Х. Цахурский язык. М.: Наука, 1990. 238 с.

Ильиш Б.А. Строй современного английского языка. Л., 1971.

Исаев М.-Ш.А. Словосочетания даргинского языка и их изучение в школе. Махачкала, 1982. 91 с.

Исаев М-Ш.А. Структура глагольных словосочетаний в даргинском языке: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Махачкала, 1982.

Исаев М.-Ш.А. Структура и национально-культурная специфика временных деепричастных словосочетаний и фразеологизмов даргинского языка // Выражение временных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1961. С.17-26.

Исаев Н.Г. Именные словосочетания в цахурском языке // Вопросы кавказоведения и тюркологии. Махачкала, 1998.

Исаев Н.Г. Именные словосочетания в цахурском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Вып.3.- Махачкала, 2001.

Исрафилов Н.Р. Фитинский говор агульского языка: автореф. дисс…канд. филол. наук. Махачкала, 2006.22 с.

Казенин К.И. Личное согласование и коммуникативное членение предложения в лакском языке // Девятый межд.коллоквиум Европейского общества кавказоведов. Тезисы докл. Махачкала, 1998. С.97-99.

Камынина А.А. О подчинительных связях слов в простом предложении: учебное пособие по спецкурсу. М.: изд-во МГУ, 1970.

Каидов З. Г. Словообразование в агульском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2005. 155 с.

Какваева С.Б. Субстантивные словосочетания в лакском и русском языках: автореф. дис… канд. филол. наук. Махачкала, 2007.

Каручева Ш.У. Сопоставительное исследование именных словосочетаний в русском и табасаранском языках: дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2006.

Кадырбекова А.М. Адвербиальная лексика и адвербиальные словосочетания в кумыкском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2007

Кибрик А.Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М.: изд-во МГУ, 1977. С.161-179.

Кибрик А.Е. Опыт структурного описания арчинского языка. М.,1977. Т.II

Кодухов В.И. Синтаксическая фразеология // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967. С.123-137.

Краснов Ф.А. Парадигматический и синтагматический аспекты фразеологии// Вестник КРСУ. 2003. №2.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2000. 374 с.

Крюкова Н.А. Распространение компонентного состава фразеологических единиц русского языка: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Иваново,2007.

Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (К постановке проблемы) // Изв. АН. Сер. лит. и яз.1997. Т. 56, № 3. С.22–31.

Кубрякова Е.С. Словообразовательная номинация // Языковая номинация. Виды наименований. М.,1977.

Кураева П.Г. Семантика локализации, выражаемая наречиями-послелогами в андийских языках //Вопросы кавказского языкознания. Махачкала: изд-во ДГУ, 2010. С.122-126.

Курбанова Э. О. Сопоставительный анализ композитов в даргинском и английском языках: автореф. дис. … канд. филол. наук Махачкала, 2011.

Лауфер Н. И. Пасынок ментального поля, или Сотворение мнения // Вестн. Моск. гос. ун. Сер. 9. Филология. 2000, № 3. С. 65–74.

Летучий А. Непрототипическая переходность и лабильность: фазовые лабильные глаголы. **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** www //aletuchiy.narod.ru/handouts_articles/transitivity/phasesverb_VYa.pdf/

Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия,1990.

Лызлов А.И. Образная оценка во фразеологизмах с семантикой локализации //Вестник МГОУ. 2010. №6. С.128-130.

Ляхова Т.Н. Синтаксис фразеологической единицы: автореф. дисс. … канд. филол. н. СПб., 1992. 16 с.

Магдилова Р.А. Особенности образования наречий времени в арчинском языке // Вопросы кавказского языкознания. Махачкала: изд-во ДГУ, 2010. С.129-134.

Магомедов Г.И. Учет особенностей родных языков в процессе обучения русскому языку. Махачкала,1990. 47 с.

Магомедов Г.И. Категория числа как явление синтаксиса (на материале лезгинских языков) //Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. С.30-36.

Магомедов М.И. Субъектно-объектные отношения и категория залога в аварском языке. М., 2003. 234 с.

Магомедова С.Д. Склонение имен в агульском языке: автореф. дис. канд. филол. наук. Махачкала, 1997.

Магомедова И.С. Синтаксическая характеристика глаголов восприятия в аварском и андийском языках: автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2006. 25 с.

Магомедова П.Т. О связях слов в словосочетаниях чамалинского языка // Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 1972. С.109-122.

Магомедова П.Т. Послелоги и послеложные словосочетания в чамалинском языке // Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 1972. С. 94-108

Магомедова П.А. Семантика и синтаксис аварского глагола. М., 2006. – 342 с.

Магомедова Х.А. Именные словосочетания даргинского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2007.

Магометов А.А. Агульский язык. Тбилиси, 1970. 242 с.

Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2002. 26 с.

Майсак Т. А., Мерданова С. Р. .Система пространственных превербов в агульском языке // Грамматикализация пространственных значений в языках мира. Исследования по теории грамматики. М., 2002. Вып.2. С.251-295.

Майсак Т.А., Мерданова С.Р. Система пространственных форм существительных в агульском языке // Исследования по теории грамматики. Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М., 2002. Вып.2.

Маковей Р.Г. Соотношение сложного слова и словосочетания *//URL: hpt*://www.nbuv.gov.ua/portal/.

Малашенко В.П. О семантической предопределенности подчинительных связей слов // Единицы морфологии и синтаксиса в семантическом аспекте. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н / Д., 1979. С.36-44.

Маллаева З.М. Морфемы с временной семантикой в аварском языке // Морфемный строй дагестанских языков. Махачкала, 1988. С.164-167.

Маллаева З.М. Выражение пространственных отношений послелож- ными конструкциями // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990. С. 140-145.

Мамаева Р.Х. Беспредложные именные определительные словосочетания с зависимым именем в русском и чеченском языках // Структурно-типологические особенности русского и кавказских языков. Грозный, 1977.

Махмудова С.М. Морфология рутульского языка. М., 2001. 256 с.

Мейланова У.А. Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей лезгинского языка. Махачкала, 1960. 180 с.

Мейланова У.А. Гюнейский диалект –основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970. 190 с.

Мельчук И. Согласование, управление, конгруэнтность //ВЯ 1993. №5. С.16-58.

Меньшиков И.И. К вопросу о природе словосочетания с количественным числительным // Вопросы лексики и грамматики славянских языков. Сб. научных трудов. Днепропетровск: ДГУ, 1981.С.72-76.

Мерданова С.Р. Морфология и грамматическая семантика агульского языка. М., 2004.

Мерданова С.Р. , Даниэль М. Концептуализация числа в языке без дефектных числовых парадигм (Агульский язык – взгляд извне и изнутри) // Труды международного семинара Диалог- 2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям, Т. 1. Аксаково. М., 2001.

Мерданова С.Р., Федорова О.В. Дейктическая система хпюкского говора агульского языка // Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С.220-231.

Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка. М., 1976. – 248 с.

Микаилов К.Ш. Арчинский язык. Махачкала, 1967.215 с.

Минлос Ф.Р. Неточная редупликация как средство выражения значения репрезентативной множественности» // Труды международного семинара Диалог-2002 по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям». Протвино. 6-11 июня 2002 г.

Молошная Т.Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках. М., 1975.

Молошная Т.Н. Адъективные словосочетания в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1985. 256 с.

Морзавченков Г.А. Язык как фактор этнокультурной идентичности // Вестник Нижегородского лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2011. Вып.15. С.222-228.

Муратова Р.Т. Символика чисел в башкирском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Москва, 2009. 24 с.

Мусаев М.-С.М. Даргинский язык. М.: Academia, 2002.

Мусаева Д.М. Именные словосочетания в рутульском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2006.

Муталов Р.О. Глагол даргинского языка. Махачкала, 2002.217 с.

Орлова Р.А. Синтаксически нечленимые словосочетания в русском языке (на материале субстантивных словосочетаний): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1975.

Осипенко З.М. Словосочетания и композиты в русской научно-технической терминологии Х1Х-ХХ столетий: автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 1974

Османова Р.А. Структура словосочетаний в лезгинском языке // Филологические очерки. Махачкала,1970. С.84-94.

Пазов У.С. Абазинский литературный язык. Очерки фразеологии и синтаксиса. Карачаевск, 2000. 253 с.

Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М.,1973.

Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.

Падучева Е.В. Пространство в обличии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 239- 254.

Паскеро Жереми. Непространственные употребления пространственных падежей в каратинском языке // Андийские языки среди народов Дагестана. Мат-лы научно-практич. конф.-презентации 6-8 июня 2011 г. Махачкала, 2011. С.77-93.

Перетрухина Е. В. Модели времени в русской грамматике. URL: http:// www.portal-slovo.ru

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938. 451 с.

Плунгян В.А. К семантике русского локатива («второго предложного» падежа») // Семиотика и информатика. М., 2002. Вып. 37. С. 229-254.

Полинская М.С. Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков: :дис. … канд. филол. наук. М., 1986.

Политова И.Н. Подчинительные словосочетания в свете теории синхронной переходности: автореф. дис. …д-ра. филол. наук. М., 2009. 34с.

Помыкалова Т.Е. Темпоральные фразеологизмы признака: проблема формирования семантики (на материале повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба») // Вестник Челябинского госуниверситета. 2010. №1. С.337-343.

Попова З.Д. Порядок слов в предложении. Метод. пособие. Воронеж, 1965.

Попова З.Д. «Согласование», «Управление», «Примыкание» в русской лингвистической терминологии // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток,1974. С.38

Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // ВЯ. 1990. №6. С.110-122.

Прокопович Н.Н. К вопросу о простых и сложных словосочетаниях // ВЯ. 1959. №5.

Прокопович Н.Н. Словосочетания в современном русском языке. М., 1966.

Проскурин С.Г. О значении «правый – левый» в свете древнегерманской лингвокультурной традиции // ВЯ 1990. №5. С.37-61.

Пустовалова В.И. Картина мира и жизнедеятельность человека // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.

Раджабов Р. Синтаксис цезского языка. М., 1999. 201 с.

Рамалданов А.Р. Синтаксические функции субстантивных фразеологических единиц лезгинского языка // Общая и дагестанская фразеология. Махачкала,1990. С.72-81.

Распопов И.П. Современные методы синтаксических исследований. Воронеж, 1970.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 15 с.

Розина Л.Д . Беспредложные словосочетания с зависимым словом именем существительным в русском языке: дис. … канд. филол. наук. Куйбышев,1955.

Рожанский Ф.И. Редупликация и названия животных в африканских языках // ВЯ. 2007. №2. С.57-66.

Русская грамматика. Т.II. М., 1980.

Савостькина М.И. Глагольные словосочетания в мордовских языках: дис. … канд. филол. наук. Саранск, 2001.

Самедов Д.С. Сложное предложение аварского языка в сопоставлении с русским. Махачкала, 1995

Самедов Д.С. Фонологические особенности образных слов в некоторых дагестанских языках // Вестник МГУ. «Филология». М., 1975. № 5. С. 46-55.

Самедов Д.С. Деепричастные конструкции в арчинском языке // Вопросы языков и фольклора малочисленных языков Дагестана. Махачкала, 2003. Вып. 1С.37-48.

Самедов Д.С. Структура и содержание придаточных цели в аварском и русском языках // Семантика языковых единиц разных уровней. Махачкала, 1998.

Самедов М.Д. Фразеологические единицы, обозначающие эмоциональное и интеллектуальное состояние человека в английском и арчинском языках: автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2008. 23с.

Сафонова С.С. Аспекты взаимодействия синтаксиса и фразеологии // Русская и сопоставительная филология. Сб. трудов. URL: www.kcn.ru/tat_ru/universitet/fil

Сергеева Ж.А. О сочетаемости как средстве разграничения синтаксических явлений // Сочетаемость лексических единиц. Ростов н // Д, 1984.

Симулик М.В. Локальные глагольно-именные словосочетания в русском и венгерском языках // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Ужгород, 1969. С. 31-54.

Синтаксис современного русского литературного языка. М., 2008.

Скобликова Е.С. Очерки по теории словосочетания. Куйбышев, 1990.

Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957.

Смольянинова Е.Н. Актуальные проблемы синтаксиса словосочетания в русистике: Лекции по спецкурсу. Л., 1980.

Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления (под ред. А.Е. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной). М.: Едиториал УРСС, 2002. 480с.

Соседко М.А. Сложные субстантивные словосочетания с соподчиненными падежными формами: автореф. дис…. канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1975.

Сулейманов Н.Д. Диалектные особенности местоимений в агульском языке // Местоимения в языках Дагестана. Махачкала: изд-во ИЯЛИ Даг. ФАН АН СССР,1983. С.91-102.

Сулейманов Н.Д. Глагол в керенском диалекте агульского языка // Морфологическая структура дагестанских языков. 1981. С.136-154.

Сулейманов Н.Д. Глагольная фразеология агульского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала,1986.

Сулейманов Н.Д. О роли составляющих компонентов глагольных фразеологизмов агульского языка в фразообразовании // Вопросы словообразования дагестанских языков. Махачкала, 1986. С.127- 137.

Сулейманов Н.Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993.- 210 с.

Сулейманов Н.Д. Словообразование и структура слова в восточно-лезгинских языках. Махачкала, 2000. 318с.

Сулейманова П.А. Словосочетание в лакском языке и их изучение в школе.- Махачкала, 1989. 103 с.

Сулейманова П.А Синтаксис глагольных словосочетаний в лакском литературном языке: дис…д-ра филол. н. Махачкала, 1991. 354 с.

Сулейманова Р.Р. Синтаксис простого предложения в агульском языке сопоставлении в с французским: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2011. 24 с.

*Сулейманова С.К.*Типы синтаксических связей слов в аварском литературном языке // Филологические очерки, Махачкала, 1970.

Сулейманова С.К. Именные словосочетания в аварском языке. Махачкала, 1980.

Сунгуров Ш.А. О месте номинативной функции сложных слов в немецком языке // Языкознание в Дагестане. Махачкала, 1997.

Супрун А.Е. Общее языкознание. Минск, 1983. 456 с.

Сухотин В.П. Проблема словосочетания в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.

Тарланов З.К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994. 287 с.

Тарланов З.К. 100 агульских пословиц с переводами на русский язык и толкованиями. Петрозаводск. 2000. 56 с.

Тарланов З.К. Агульские песни и пословицы. Петрозаводск, 2003. 132 с.

Тарланов З.К. Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск,2005. 783 с.

Тарланов З.К. Введение в спорные проблемы общей теории синтаксиса. Петрозаводск, 2010. 46 с.

Тер-Минасова С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М.: УРСС. 2004. 143 с.

Темирбулатова С. М. Глагольная префиксация как один из способов выражения пространственных отношений в хайдакском диалекте даргинского языка // Морфологическая структура дагестанских языков. Махачкала. С.58-68.

Темирбулатова С.М. Выражение пространственных и временных отношений в даргинском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1984. 21 с.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1998. 456 с.

Тестелец Я.Г. О порядке слов в дагестанских языках // Тезисы докладов IX международного коллоквиума Европейского общества кавказоведов. Махачкала, 1998. С.92-93.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Тимофеева Л.И. Семантика субстантивных словосочетаний в русском и польском языках: дис. … канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1998.

Тихонова А.П. Связь пространственных и временных значений // Вестник АДГУ. 2006. № 1. С. 195-197.

Тулина Т.А. Функциональная типология словосочетания. Киев, 1976.

Турутина М.Ф. Субстантивные словосочетания с падежными и предложно-падежными формами существительных в поэтической речи М.Ю. Лермонтова: автореф. дис. … канд. филол. наук. М.,1972.

Филичева Н.И. Словосочетание и его специфика // Вестник МГУ, сер. «Филология». 1964. №4. С.45-54.

Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь / Ч. Филлмор: пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. 10. Лингвистическая семантика. С. 496-530.

Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. М., 1956-1957. Т.I-II

Ханаху Д.Р. Атрибутивные словосочетания в русском и английском языках (сопоставительно-типологический анализ): автореф. дис. … анд. филол. наук. Майкоп, 2007.

Ханмагомедов Б.Г. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970.

Хуснутдинов А. А. Фразеологическая единица и словосочетание // Вестник Ивановского университета. 2001. Вып 1. С.100-110.

Чамсаева Б.Т. Инфинитивные словосочетания в некоторых диалектах даргинского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Мат-лы региональной научной конференции, посвященной 65-летию кафедры дагестанских языков Даггосуниверситета. Махачкала: изд-во ДГУ, 1997. С.228-229

Чеснокова Л. Д. Связи слов в современном русском языке. М.: Просвещение, 1980. 110 с.

Чугунова С.А. Концептуализация времени в разных культурах: автореф. дис. … д-ра. филол. наук. Тверь, 2009. 46 с.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. Уч. пособие для вузов. М., 1985.

Шапиро А.Б. Словосочетание в русском языке. М., 1969.

Шихалиева С.Х. Семантика таксисных конвербов и способы их реализации в табасаранском языке // Вопросы типологии русского и дагестанских языков. Махачкала, 2006. С.262-270.

Шихалиева С.Х. Словосочетания в табасаранском языке. Махачкала, 2010. 173 с.

Шувалов И.Ф. Субстантивные словосочетания с зависимым родительным падежом без предлога в современном литературном языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 1971.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957.

Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1945. Т.43. Вып.5. С. 175.

Элементы цахурского языка в типологическом освещении /ред.-составитель А.Е Кибрик.) М., 1999.

Экспериментальный синтаксический словарь. Русские глагольные предложения /ред. Бабенко Л.Г.. М.: Флинта. Наука, 2002. 463 с.

Эфендиев И.И. Персидская лексика в нахско-дагестанских языках. Махачкала, 2003.

Юдина Н.В. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте: автореф. Дис. … д-ра филол. наук. М., 2006. 43.с.

Юзбекова С.Б. Глагольные словосочетания в лезгинском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 1994.

Юзбекова С.Б. Глагольные словосочетания в лезгинском языке. Махачкала, 2008. 143 с.

Юзбекова С. Б. Простые и сложные словосочетания в лезгинском языке // Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии. Махачкала, 2008. С.201-206.

Яковлева Е.С. Фрагмент русской языковой картины времени // Вопросы языкознания. М.: Наука. 1994. №5. С.73-89.

Яковлева Е.С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира // ВЯ.1993. №4. С.48-62.

Ярцева В.Н. Предложение и словосочетание // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 436-451.

Ganenkov, D.S., Maisak, T.A. & S.R. Merdanova. Prototypical Agent and other Agent-like participants in Agul // Solstad T., Lyngfelt B. & Krave M.F. (eds). Demoting the Agent: passive and other voice-related phenomena. Pre-conference proceedings of the Oslo Workshop 'Demoting the Agent: Passive and Other Voice-Related Phenomena'. Faculty of Arts, University of Oslo, Norway, November 25-27, 2004. Pp. 41-49.

Wierzbicka A.In Search of a Semantic Model ofTime and Space.-In: Generative Grammar in Europe. Dordrecht,1973.

Haspelmath,. M. A Grammar of Lezgian. Berlin-New York: Mouton de Gruyter. M. 1993.

Haspelmath,. M. A grammar of Lezgian. B.;N.Y.: Mouton-de Gruyter, 1993.-XX+ 567 p.

Melchuk I/Grammatical subject and the problem of the ergatine construction in Lezgian// Folia Slavica.V.5.-#1-3, 1982.-h.246-295/

M. Polinsky (eds.). Causatives and Transitivity. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 1993.

Shikhalieva S. Ergative in complement constructions in Dagestan Languages // Andi among other Dagestan languages.- Makhachkala/-2011. Pp.101-102

Источники

Абу-Муслим. Тарихи Чархъи-къала. Махачкала. 2000. 159 с.

«Агъуларин хабарар». Республиканская газета.

Ахмедов К. Агъул мег1ни. Махачкала. 1992.

Исрафилов Н.Р. Поэзия агульского поэта Р.С.Исрафилова. Махачкала, 2011.

Мазанаев Ш.А. Агульская литература. Махачкала 2007.

Мазанаев Ш.А., Базиева З.Д. Песенное творчество агулов. Вып.2. Махачкала: ДГУ, 2011.

Магомедов Г.Г. Сборник песен. Махачкала, 2005

«Вести агула». Республиканская газета.

Тарланов З.К. 100 агульских пословиц с переводами на русский язык и толкованиями. Петрозаводск, 2000.

Тарланов З.К. Агульские песни и пословицы. Петрозаводск, 2003.

Тарланов З.К., Тарланов Е.К. Общевосточный лексический фонд и северокавказские языки. Петрозаводск, 2005. .154 с.

Фатхула Джамал. Поэма Агула. Дербент, 1998.

Шерифов Ш.М. Ц1айи агу 1экв. Махачкала, 1995.

Словари

Гасанова С.Н. Краткий фразеологический словарь агульского языка. Махачкала, 2008.

Сулейманов Н.Д. Агульско-русский диалектный словарь. Махачкала, 2003.

Принятые сокращения:

Ав. – аварский язык

Арч. – арчинский язык

Аг. яз. – агульский язык

АХ – республиканская газета «Агъуларин хабарар»

Гекх. – гекхунский говор агульского языка

ВА – республиканская газета «Вести Агула»

Дарг. – даргинский язык

Кер. – керенский диалект агульского языка

Кош. – кошанский диалект агульского языка

Лезг. – лезгинский язык.

Рут.– рутульский язык

Таб – табасаранский язык

Фит. – фитинский говор агульского языка

Цах. – цахурский язык.